

Л. А. Шалландъ

профессоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Безотвѣтственность и Неприкосновенность Депутатовъ во Франціи.

455.

Историческое развитіе и современное обоснованіе
иммунитета.

Eesti

*Üliõpilaste Seltsi
raamatukogu.*

№ III ~~62~~ 63
- 2387

Юрьеве, 1910г.

Л. А. Шляпникова
профессорка Нарваторского Юрьевского Университета

est. A

а' 43423413

Handwritten notes and numbers, including '1943-2104' and '9321', are visible in the lower left corner of the page.

Глава первая.

Конституція 3 Сентября 1791 г.

I.

Ликвидация стараго порядка и возведеніе новаго государственнаго зданія Франціи совершились, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ двухъ ученій, имѣвшихъ рѣшающіе значеніе для всего дальнѣйшаго развитія политической доктрины. Мы говоримъ о теоріи раздѣленія властей и о принципѣ народнаго суверенитета. Едва ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что оба ученія стояли въ рѣзкомъ противорѣчій другъ съ другомъ и другъ друга отрицали, поскольку, по крайней мѣрѣ, рѣчь шла объ основныхъ началахъ. На самомъ дѣлѣ, теорія „Общественнаго договора“ приводила къ отрицанію самой идеи представительства и неотчуждаемыхъ личныхъ правъ; „Духъ законовъ“, напротивъ того, высшимъ началомъ государственности признавалъ осуществленіе личной свободы, а представительный строй лучшимъ способомъ достиженія этого идеала.

Въ одномъ, однако, обѣ доктрины сходились: это въ томъ, что ни изъ той, ни изъ другой нельзя было, по крайней мѣрѣ непосредственно, сдѣлать какіе бы то ни было выводы относительно необходимости поставленія депутатовъ въ особое, привилегированное положеніе.

На самомъ дѣлѣ, доктрина Монтескье сводилась, въ конечномъ анализѣ, къ взаимоограниченію властей, къ созданію системы сдержекъ, имѣющихъ своей задачей предупре-

ждение деспотизма и охранение свободы гражданъ¹⁾. Власти исполнительная и судебная не должны вторгаться въ область, отмежеванную законодателю; — но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы лица, упражняющія законодательную функцію, должны были быть поставлены въ какое либо особое, привилегированное положеніе. Напротивъ того, надѣленіе членовъ представительныхъ учреждений правами, не присущими ни судьямъ, ни прочимъ должностнымъ лицамъ, стояло бы въ противорѣчьи съ принципомъ равновѣсія властей, ибо въ этомъ случаѣ власти законодательной нетрудно было бы перетянуть вѣсы въ свою сторону. Въ лучшемъ случаѣ, изъ теоріи раздѣленія властей можно было вывести неподсудность членовъ законодательныхъ собраній обыкновеннымъ инстанціямъ. Но этого вывода Монтескье не сдѣлалъ, какъ не коснулся онъ ни однимъ словомъ въ своихъ опубликованныхъ²⁾ сочиненіяхъ привилегированнаго положенія народныхъ представителей.

Теорія народнаго суверенитета, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она развита была Руссо, не болѣе ученія о раздѣленіи властей оправдывала необходимость свободы слова и неприкосновенности членовъ законодательныхъ собраній. По ученію женеваго философа суверенитетъ не можетъ быть представленъ, по той самой причинѣ, по которой онъ не можетъ быть отчужденъ: онъ, по существу своему, заключается въ общей волѣ, — воля же не можетъ быть представляема. Отсюда слѣдуетъ, что депутатъ не является представителемъ народа, а лишь его повѣреннымъ, не могущимъ рѣшить никакихъ дѣлъ окончательно, безъ утвержденія со стороны народа³⁾. Представительное правленіе, съ этой точки зрѣнія,

1) „Il faut que par la disposition des choses, le pouvoir arrête le pouvoir“, *Esprit des lois*, liv. XI, ch. VI. Cp. *Barckhausen*, *Montesquieu, ses idées, ses oeuvres d'après les papiers de la Brède*, Par. 1907, p. 95: „L'expression admise et brutale de séparation des pouvoirs exagère, trahit sa pensée. C'est plutôt la non-confusion qu'il serait exact de dire; car c'est d'elle seule qu'il s'inquiétait vraiment.“ Cp. ниже, гл. VI.

2) По крайней мѣрѣ до сихъ поръ (1910 г.).

3) *Du contrat social*, liv. III, ch. XV: „La souveraineté ne peut être représentée... Les députés du peuple ne sont donc ni ne peuvent être des représentants, ils ne sont que des commissaires; ils ne peuvent rien conclure définitivement“.

есть non-sens; присвоение же „коммисарамъ“ народа какихъ либо особыхъ преимуществъ, не предоставленныхъ другимъ гражданамъ, не находить себѣ никакихъ оправданій. По мнѣнію Руссо, полнота власти находится въ рукахъ народа, который обладаетъ всѣми атрибутами верховенства, присвоаемыми традиціонной доктриной абсолютнымъ властителямъ¹⁾. Народная — суверенная — власть „абсолютна“, „священна“ „неприкосновенна“²⁾. Какъ только народъ законно собранъ, личность послѣдняго гражданина становится столь же священной и неприкосновенной, какъ личность перваго савонника въ государствѣ, ибо тамъ, гдѣ есть представляемый, нѣтъ уже болѣе представителя³⁾. Отсюда логически вытекаетъ, что неприкосновенностью могутъ пользоваться участники народныхъ собраний, но не члены представительныхъ учрежденій⁴⁾.

Такимъ образомъ, ни догматъ раздѣленія властей, ни принципъ народнаго суверенитета — по крайней мѣрѣ въ ихъ первоначальной формулировкѣ — не представляли изъ себя теоретическаго обоснованія привилегированнаго положенія народныхъ представителей⁵⁾.

И, тѣмъ не менѣе, обѣ эти идеи съ самого начала были положены въ основаніе ученія объ иммунитетѣ и не утра-

1) Ср. D'Eichthal, Souveraineté du peuple et gouvernement, Par. 1895, p. 75 et suiv.; Duguit, Le droit social, le droit individuel et la transformation de l'Etat, Par. 1908, p. 25 et suiv.

2) Contr. soc., liv. II, ch. IV.

3) Ibid., liv. III, ch. XIV.

4) Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что въ своихъ „Considérations sur le gouvernement de la Pologne“ Руссо, проектируя для Польши учрежденіе Сейма изъ представителей сословій, высказывается за предоставление депутатамъ свободы слова: „C'est un grand mal que les longues et vaines harangues qui font perdre un temps si précieux; mais c'en est un bien plus grand, qu'un bon citoyen n'ose parler quand il a des choses utiles à dire. Dès qu'il n'y aura dans les Diètes que certaines bouches qui s'ouvriront, et qu'il leur sera défendu de tout dire, elle ne diront bientôt plus que ce qui peut plaire aux puissants.“ Ch. VII.

5) Другого мнѣнія держится Seidler, Die Immunität der Mitglieder der Vertretungskörper nach österreichischem Rechte, Lpz. 1891, S. 23. Ему слѣдуютъ Hubrich, Parlamentarische Redefreiheit und Disziplin, Berl. 1899, S. 47 ff., и v. Muralt, Die parlamentarische Immunität in Deutschland und der Schweiz, Zür. 1902, S. 18.

тили своего значенія вплоть до настоящаго времени¹⁾. Это — на первый взгляд довольно странное — явленіе объясняется тѣмъ, что истинной доктриной революціи оказалось не ученія Монтеस्कье или Руссо въ ихъ чистомъ видѣ, а нѣкая средняя теорія, болѣе или менѣе удачно сочетавшая „*Séparation des pouvoirs*“ съ „*Souveraineté du peuple*“²⁾. Это ученіе, пущенное въ оборотъ Сійесомъ и Мабли и развитое цѣлымъ рядомъ государственныхъ людей эпохи учредительнаго Собранія и Конвента (Mounier, Héroult-de-Séchelles и др.), преслѣдовало, главнымъ образомъ, практическія цѣли. Оно ставило себѣ цѣлью снабдить идейнымъ содержаніемъ стремленія народа или, точнѣе, средняго сословія, сознавашаго свою силу и требовавшаго новыхъ формъ государственной и общественной жизни. Воззрѣнія Руссо и Монтеस्कье давали превосходное оружіе для борьбы со старымъ порядкомъ: ими весьма искусно воспользовались для созданія новой политической идеологіи, нисколько при этомъ не заботясь о логической красотѣ и состоятельности новыхъ политическихъ построеній. Однимъ изъ лозунговъ, выдвинутыхъ публицистикой второй половины XVIII в., явилось какъ разъ ученіе о неприкосновенности депутатовъ.

Какъ только заговорили о созывѣ генеральныхъ штатовъ, повсюду стали раздаваться голоса, требующія, чтобы депутатамъ были предоставлены особыя гарантіи неприкосновенности и свободы. Опасались, что всемогущественное правительство заглушить голосъ земли и лишитъ народныхъ представителей той самостоятельности и независимости, которыя были необходимы для выработки конституціи и пересозданія Франціи. Въ общемъ, смотрѣли на дѣло такъ, что предстоитъ какъ бы заключеніе договора между націей и королемъ³⁾, причемъ къ послѣднему относились съ крайнимъ недоувѣріемъ. Недоувѣрію къ исполнительной власти учила уже давно вся прогрессивная публицистика, находившая въ урокахъ прошлаго обильный матеріалъ для этого своего настроенія. Мабли

1) Современныя конструкція и обоснованіе привилегіи будутъ нами разсмотрѣны въ гл. VI настоящаго очерка.

2) См. интересныя замѣчанія П. И. Новгородцева, Кризисъ современнаго правосознанія, М. 1909, стр. 87.

3) Ср. Готфридъ Кохъ, Очерки по исторіи политическихъ идей и государственнаго управленія. Русск. пер. изд. Скирмунда. Стр. 381.

напр., утверждалъ, что всякое законодательство должно исходить изъ того принципа, что исполнительная власть была, есть и вѣчно будетъ врагомъ власти законодательной. Такъ, говорить онъ, повелѣваютъ наши страсти, въ особенности скупость и честолюбіе¹⁾. По справедливому замѣчанію проф. В. Герье „раздѣленіе власти нужно Мабли не столько какъ гарантія противъ захватовъ и увлеченій со стороны всѣхъ органовъ власти вообще, сколько какъ средство стѣснить исполнителей закона и удерживать ихъ на пути законности“.²⁾ Согласно этому новому ученію о раздѣленіи властей — а оно-то и оказало вліяніе на революціонное законодательство — о равенствѣ властей въ государствѣ не можетъ быть и рѣчи: — на первомъ мѣстѣ должна стоять власть законодательная, исполнительная лишь ея органъ и служитель. Аналогичныя мысли проповѣдывались и Сійесомъ. Въ своей брошюрѣ „Délibérations à prendre dans les assemblées de bailliage“ онъ ставитъ tiers-état двѣ цѣли, двѣ задачи: во первыхъ, онъ совмѣстно съ двумя другими сословіями, т. е. съ дворянствомъ и духовенствомъ, долженъ ограничить всѣ части исполнительной власти; во вторыхъ, оградивъ націю отъ возможныхъ злоупотребленій со стороны министерской власти, tiers-état долженъ защитить ее отъ привилегій³⁾. Исполнительная власть рассматривается Сійесомъ какъ общій врагъ всѣхъ трехъ

1) Du gouvernement et des loix de la Pologne, въ Oeuvres complètes, Par. 1790, t. XIII, p. 64: „Tout législateur doit partir de ce principe que la puissance exécutive a été, est et sera éternellement l'ennemi de la puissance législative. Nos passions, et surtout l'avarice et l'ambition qui sont devenues l'âme du monde l'ordonnent ainsi, etc. Le plaisir que goûte le magistrat en jouissant de l'empire qu'il exerce sur les citoyens, l'invite à secouer le joug de la puissance législative, etc.“

2) Политическія теории аббата Мабли, „Вѣстникъ Европы“ 1887, кн. I, стр. 145. Ср. P. de Mellis, Le principe de la séparation des pouvoirs d'après l'abbé de Mably, Toul. 1907, p. 102: „La puissance législative (по ученію М.) sera toujours exposée à voir usurper son pouvoir, si elle ne se tient continuellement en garde contre l'ambition des magistrats qui sont naturellement portés à se mettre au dessus des lois. Le pouvoir exécutif, tel est l'ennemi le plus redoutable de la puissance législative“.

3) Collection des écrits d'Emmanuel Sieyès, ed. revue et augmentée par l'auteur, t. I, Paris et Berlin (безъ года), p. 488.

сословія, т. е. власти законодательной¹⁾, и въ этомъ горячій защитникъ правъ tiers-état вполне сходится съ Мабли.

Къ числу средствъ, способныхъ обезпечить законодательныя собранія отъ посягательствъ правительствъ, публицистика того времени относитъ, прежде всего, свободу слова, имѣющую быть предоставленною народнымъ представителямъ. Въ своихъ „Vues sur les moyens d'exécution dont les représentants de la France pourront disposer en 1789“²⁾ Сійесъ подробно останавливается на вопросѣ о внутренней свободѣ собранія и предлагаетъ цѣлый проектъ „statuts de police personnelle“, т. е. наказа, регулирующаго внутреннюю дисциплину собранія. Согласно пункту первому этого наказа „никакой депутатъ не будетъ привлекаться къ отвѣтственности внѣ собранія за все, что онъ скажетъ или сдѣлаетъ внутри его“. Какъ бы въ противовѣсъ такой привилегіи — которую, по крайней мѣрѣ на первое время, до выработки конституціи, предполагалось распространить на всѣ рѣчи и поступки депутатовъ, имѣющіе отношеніе къ государственнымъ дѣламъ (даже въ случаѣ произнесенія или совершенія ихъ внѣ собранія) — Сійесъ предлагаетъ образовать особый комитетъ изъ 12 членовъ, взятыхъ изъ среды народныхъ представителей, для поддержанія порядка въ засѣданіяхъ и принятія репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ провинившимся депутатамъ. То же, приблизительно, требованіе выставляется и въ упомянутыхъ нами выше „Délibérations“³⁾.

1) Ibid., p. 489: „Il (le tiers-état) songera donc, d'abord, aux besoins publics d'un intérêt commun aux trois ordres. Tous ensemble commenceront par attaquer ce qu'ils peuvent appeler l'ennemi commun, c. à d. l' limitation du pouvoir exécutif.“

2) Collection des écrits, p. 92 et suiv.

3) Loc. cit., p. 495: „Arrêté: que les Députés nationaux ne seront point responsables au pouvoir exécutif d'aucunes paroles, écrits ou démarches relatifs aux affaires publiques; mais qu'il sera pourvu, dans l'Assemblée même, à une police personnelle, soit pour bon ordre intérieur, soit pour livrer à la justice ordinaire, après l'avoir exclus, tout membre qui aurait mérité d'y être traduit“. Буквально то же самое читаемъ въ „Инструкціи герцога Орлеанскаго лицамъ, снабженнымъ его довѣренностью для участія въ собраніяхъ балльажей, созванныхъ для выборовъ въ Генеральныя Штаты“, Sieyes Politische Schriften, 1796, B. I, S. 362. О брошюрахъ Сійеса и ихъ вліяніи см. Шерэ, Паденіе стараго режима, пер. подъ ред. Е. Тарле, СПб. 1907, т. II, стр. 177 и слѣд.

Привилегія свободы слова депутатовъ не представлялась для Франціи второй половинѣ XVIII в. чѣмъ то безусловно новымъ и несслыханнымъ. Въ свое время, Генеральныя Штаты не разѣтребовали ея для себя — хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ — и правительство часто признавало основательность этого домогательства¹⁾. Съ другой стороны, передъ глазами былъ примѣръ Англии и Америки, гдѣ къ тому времени сказанная привилегія давно уже успѣла прочно утвердиться²⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что иностранныя образцы оказали немаловажное вліяніе на выработку французскаго права вообще, и есть полное основаніе думать, что въ разсматриваемомъ нами вопросѣ знакомство съ „Комментаріями“ Блэкстона и съ „Английской конституціей“ Делольма³⁾ принесло свои плоды. Существуетъ даже мнѣніе — виднѣйшимъ его представителемъ является Эсменъ⁴⁾ — будто въ данномъ случаѣ произошла своего рода бессознательная рецепція чужой нормы. Съ этимъ, однако, едва ли можно согласиться. Во Франціи, требованіе гарантіи свободы слова находилось, какъ мы видѣли, въ связи съ политическимъ міросозерцаніемъ революціонно настроенной части общества; вліяніе иностраннаго, въ данномъ случаѣ англо-американскаго, права могло отразиться лишь на юридической формулировкѣ привилегіи. Но, какъ мы впослѣдствіи убѣдимся, это вліяніе оказалось далеко не столь плодотворнымъ, какъ этого можно было ожидать, и сущность и истинная

1) Объ этомъ свидѣтельствуютъ, напр., протоколы Турецкихъ генеральныхъ Штатовъ 1484, см. *Journal des Etats-Généraux de France tenus à Tours en 1484, rédigé par Jehan Masselin*, Par. 1835, въ особенности стр. 305, 311, 491.

2) Относительно Англии см. Hubrich, *op. cit.* S. 15 ff. Въ Америкѣ свобода слова депутатовъ была гарантирована какъ федеральными конституціями 1781 г. (ст. V) и 1787 г. (ст. 1, разд. VI) такъ и основными законами отдѣльныхъ Штатовъ; см. Gourd, *Les chartes coloniales et les constitutions des Etats-Unis de l'Amérique du Nord*, t. II, Par. 1885, p. 52. Текстъ конституцій у В. Р. Пооре, *The Federal and States Constitutions*, Wash. 1877, 2 v.

3) Cp. Seidler, *op. cit.*, S. 17; Кохъ, назв. соч., стр. 365 и слѣд.

4) Esmein, *Eléments de droit constitutionnel*, 4 éd., Par 1906, p. 804: „Dès lors (послѣ изданія Bill of rights въ 1688 г.) cette immunité devint comme un axiôme du gouvernement représentatif. Elle fut proclamée en France par les Etats-Généraux, etc“.

природа свободы слова довольно долгое время оставались для французскаго законодателя неясными и неопредѣленными.

Второе изъ предлагавшихся средствъ для устраненія правительственнаго давленія на законодательныя собранія заключалось въ легализаціи „неприкосновенности“ депутатовъ. Еще Мабли, трактую объ организаціи польскаго сейма, указывалъ на необходимость признанія личности депутатовъ священной и неприкосновенной: въ случаѣ обвиненія члена сейма въ какомъ либо преступленіи¹⁾, говоритъ онъ, жалоба должна быть принесена самому сейму, который оправдаетъ депутата, если онъ невиненъ и отошлетъ его домой, съ лишеніемъ депутатскаго званія, если онъ виновенъ. Если же депутатъ совершитъ проступокъ („quelque violence ou quelque injustice“), заслуживающій болѣе серьезнаго наказанія, онъ можетъ быть арестованъ для выдачи маршалу сейма, который за него и отвѣчаетъ. Если палата признаетъ его виновнымъ, то онъ подлежитъ лишенію званія депутата и передачѣ судебной власти для наказанія. — Здѣсь, какъ видно, неприкосновенность понимается въ двоякомъ смыслѣ: съ одной стороны законодательное собраніе облачается правомъ судить и наказывать своихъ членовъ; съ другой, судебное преслѣдованіе депутата можетъ имѣть мѣсто только съ вѣдома и согласія самого сейма.

Мабли едва ли не единственный писатель данной эпохи останавливающийся на вопросѣ сколько-нибудь обстоятельно. О „неприкосновенности“ народныхъ избранниковъ говорились въ то время очень много; но яснымъ это понятіе никому не представлялось. Съ одной стороны, вліяніе оказывала абсолютистическая идеологія: особа короля считалась священной и неприкосновенной, король былъ выше закона и никакого незаконнаго поступка совершить не могъ. Конституціонное ученіе того времени, почти цѣликомъ перенесшее съ народа, какъ такового, на его представителей атрибуты королевскаго суверенитета, не прочь было надѣлать депутатовъ традиціонными свойствами верховной власти.

Съ другой стороны, въ качествѣ готоваго образца имѣ-

1) Мабли говоритъ о „délit indigne de lui“ (т. е. du nonce), Gouvernement de la Pologne, p. 25.

лось англо-американское право. Въ Англии члены парламента издавна пользовались особой привилегіей, согласно которой они не подлежали задержанію за долги и гражданскія претензіи¹⁾. Признаніе за народными представителями этого права коренилось въ исконномъ характерѣ англійскаго парламента. Послѣдній съ самого начала разсматривался какъ высшая судебная инстанція королевства, и соотвѣтственно этому опредѣлялось и положеніе его членовъ²⁾. Создавшіяся же во Франціи отношенія, само собою разумѣется, были крайне далеки отъ великобританскихъ. Тѣмъ не менѣе, англійскій институтъ freedom from arrest оказалъ извѣстное вліяніе на выработку французской „inviolabilité“.

II.

Отъ словъ скоро пришлось перейти къ дѣлу. Уже въ концѣ 1787 г. вопросъ о созывѣ Генеральныхъ-Штатовъ въ принципъ былъ рѣшенъ, а 8 августа 1788 срокомъ открытія сессіи назначено было 1-го мая слѣдующаго года. Повсюду кипѣла работа по составленію наказовъ депутатамъ. Въ „cahiers“, какъ извѣстно, отразились всѣ господствовавшія тогда во французскомъ обществѣ умственныя теченія; по замѣченію одного историка революціи, наказы являются „публичнымъ и вполне достовѣрнымъ хранилищемъ всѣхъ мнѣній и пожеланій цѣлой Франціи³⁾. Въ значительномъ ихъ числѣ, вопросу о юридическомъ положеніи депутатовъ отводилось видное мѣсто. Какъ было констатировано графомъ Клермонъ-Тоннерромъ въ засѣданіи Національнаго Собранія 27 іюля 1789 г., неприкосновенность особы народныхъ представителей была признана большинствомъ балльязей и не оспаривалась ни од-

1) См. Seidler, op. cit., §.2; Th. Erskine May, Traité des lois, privilèges, procédures et usages du parlement, trad. par I. Delpesch, Par. 1909, t. I, ch. V.

2) См. напр., Hatschek, Englisches Staatsrecht, Tüb. 1905, I. S. 233 ff.

3) Bertrand de Molleville, Histoire de la Révolution, IV, 179, Par. an IX, цит. у Шампіона, Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1789 г., СПб. 1906, стр. 5.

нимъ изъ нихъ ¹⁾. Оно и вполнѣ понятно. Наказы единодушно требовали облеченія Генеральныхъ-Штатовъ не только законодательной, но и учредительною властью. Вполнѣ естественно при этомъ, что опасались противодѣйствія короля: — недаромъ Мабли и Сийесъ учили, что „l'ennemi, c'est la puissance exécutive“. Какъ замѣчаетъ Шерэ, „радость, которую произвелъ созывъ Генеральныхъ Штатовъ, не обошлась безъ примѣси недовѣрія и безпокойства. Спрашивали себя, какимъ образомъ достигнуть успѣха, сохранить независимость и дѣятельность Штатовъ, въ виду тѣхъ нападеній, предметомъ которыхъ они должны были несомнѣнно сдѣлаться“ ²⁾. Неприкосновенность и свобода слова требуются поэтому въ видѣ средства защиты Штатовъ отъ возможныхъ покушеній на нихъ. Самая же формулировка этихъ требованій, однако, отличается довольно большимъ разнообразіемъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что юридическое существо привилегій представлялось не вполнѣ яснымъ.

Одна группа „*sahiers*“, какъ, напр., наказъ провинціи Артуа, ограничивается простымъ указаніемъ на то, что депутаты будутъ признаны священными и неприкосновенными ³⁾; иногда указывается при этомъ продолжительность срока привилегіи, какъ въ наказѣ дворянства Бокерскаго (Beaucsaire) и Нимскаго сенешоссэ ⁴⁾.

Ко второй группѣ относятся тѣ немногіе наказы, которые требуютъ одной только свободы слова; къ ихъ числу принадлежатъ, напр., инструкція магистратовъ и совѣтниковъ города Валансьена ⁵⁾. Иногда, впрочемъ, по-

1) Archives parlementaires, 1-re série, t. VIII, p. 284. (въ дальнѣйшемъ цит. А. Р.)

2) Назв. соч., II, 294. Ср. Chassin, Le génie de la Révolution, Par. 1865, t. I, p. 220 et suiv.

3) А. Р., II, 79, art. 1: „Les députés aux Etats-Généraux seront reconnus personnes sacrées et inviolables“. Ср. наказъ Тiers-Etat Либурнскаго сенешоссэ, Ibid. III, 507, 40 („que la personne des députés aux E.-G. soit déclarée inviolable et placée sous la sauvegarde spéciale du Roi et de la nation“).

4) Ibid. IV, 237, art. 3:—15 дней до начала и 15 дней послѣ закрытія Генеральныхъ Штатовъ. Ср. среднее сословіе Базаскаго (Bazas) сенешоссэ, Ibid. VI, 495, art. 12 (до отдачи отчета избирателямъ).

5) Ibid. VI, 99, art. 3: „ils demanderont qu'aucun membre des Etats ne puisse être inquiété ni recherché pour ce qu'il aura dit ou soutenu dans les Etats-Généraux“.

нятія неприкосновенности и свободы слова считаются совпадающими: такъ, дворянство балльяза Troyes требуетъ, чтобы „личность каждаго изъ членовъ Генеральныхъ Штатовъ была объявлена неприкосновенной, такъ чтобы (de manière) никто изъ нихъ не могъ никогда быть привлеченъ къ отвѣтственности за все то, что онъ скажетъ или сдѣлаетъ на собраніи Штатовъ, развѣ только передъ этими послѣдними“¹⁾.

Третью группу составляютъ тѣ наказы, гдѣ обѣ привилегіи — свобода слова и неприкосновенность — трактуются отдѣльно и независимо другъ отъ друга. Такъ, среднее сословіе провинціи Руссильонъ высказываетъ пожеланіе, чтобы члены Генеральныхъ Штатовъ были признаны и объявлены неприкосновенными съ момента ихъ избранія депутатами и чтобы они ни въ коемъ случаѣ не были отвѣтственны за то, что совершать, предложить или скажутъ на Генеральныхъ Штатахъ, развѣ только передъ самими Штатами²⁾. Буквально тоже самое повторяется въ инструкціяхъ Триэльскаго прихода³⁾, духовенства провинціи Першъ⁴⁾, средняго сословія города Руана⁵⁾ и въ цѣломъ рядѣ другихъ наказовъ.

Четвертая группа „*sahiers*“ къ двумъ разсмотрѣннымъ требованіямъ присоединяетъ и третье, а именно, чтобы депутаты не подлежали преслѣдованію за частно-правовыя обязательства. Къ этой категоріи относятся наказы средняго сословія Версаля⁶⁾ и St.-Germain - en - Laye⁷⁾, дворянства Лионскаго сенешоссэ⁸⁾, балльяза Quesnoy⁹⁾ и нѣк. др.

1) Ibid., VI, 75. Ср. наказъ дворянства балльяза Реймса, Ibid., V, 526, art. 12.

2) Ibid., V, 374.

3) Ibid., V, 144.

4) Ibid., V, 319.

5) Ibid., V, 597.

6) Ibid., V, 181: „La personne des députés sera inviolable. Ils ne pourront être inquiétés pour aucune affaire civile pendant la durée de leur députation; ils ne seront comptables au pouvoir exécutif d'aucuns discours qu'ils auraient tenu dans l'assemblée“.

7) Ibid., V, 75.

8) Ibid., III, 603, col. 1.

9) Ibid., V, 504.

Въ качествѣ корректива къ неограниченной свободѣ слова многія инструкціи требуютъ признанія за Генеральными Штатами дисциплинарной власти надъ своими членами. Такъ, духовенство балльяжа Дурданъ высказываетъ пожеланіе, чтобы само собраніе примѣняло нужныя мѣры, вплоть до исключенія изъ своей среды провинившихся членовъ¹⁾. Наказъ дворянства балльяжа Монтаржи идетъ еще дальше и требуетъ созданія, въ средѣ собранія особой „личной полиціи“ (police personnelle), которая слѣдила бы за порядкомъ и передавала бы въ руки судебной власти, по исключенію ихъ изъ собранія, тѣхъ членовъ, которые того заслужили²⁾.

Особо долженъ быть отмѣченъ наказъ средняго сословія прихода Монтлери: депутаты считаются священными и неприкосновенными, поскольку они не отступаютъ отъ должнаго уваженія къ королю и націи; въ противномъ случаѣ они судятся Генеральными Штатами. Послѣднимъ, такимъ образомъ, присваиваются судебныя, а не дисциплинарныя только функціи по отношенію къ ихъ членамъ.

Иногда „*cahiers*“ заключаютъ въ себѣ изложеніе мотивовъ, по которымъ выставляется то или другое требованіе. По мнѣнію дворянства балльяжа Клермонъ-Бовуази, „такъ какъ уничтоженіе всѣхъ недостатковъ конституціи и злоупотребленій на ея почвѣ мыслимо только путемъ разоблаченія ихъ передъ Генеральными Штатами, то подобное разоблаченіе должно быть сдѣлано возможнымъ; этого не было бы, если бы депутаты могли во время сессіи Генеральныхъ Штатовъ быть обезпокоиваемы въ своихъ правахъ (*inquiétés dans leurs droits*) даже судами, и если бы боязнь какихъ либо послѣдствій мѣшало имъ свободно высказываться по государственнымъ дѣламъ; отъ мудрости Генеральныхъ Штатовъ зависитъ установить особыя полицейскія постановленія, которыя сдерживали бы выраженія депутатовъ въ тѣхъ предѣлахъ, которые Штаты найдутъ приличными“³⁾. Ту же

1) *Ibid.*, III, 245, № 26: „que l'assemblée fera justice elle même de ceux qu'elle croîrait coupables, jusqu'à les exclure de son sein, si elle le jugeait à propos“.

2) *Ibid.*, IV, 21. Chap. I, art. 2 in fine.

3) *Ibid.*, II, 751, col. 2.

мысль, но въ нѣсколько иной редакціи, высказываетъ дворянство балльажа Блоа¹⁾.

Ближайшее опредѣленіе существа привилегіи, въ особенности неприкосновенности, встрѣчается довольно рѣдко. Въ нѣкоторыхъ наказахъ, какъ мы уже видѣли, неприкосновенность отождествляется или, по крайней мѣрѣ, сближается со свободой слова; но въ другихъ она упоминается особо, причемъ кое-гдѣ получаетъ и болѣе точное опредѣленіе. Такъ, напр., среднее сословіе Монпеллье, высказываетъ пожеланіе, чтобы особа депутатовъ была признана неприкосновенною и чтобы судебное и предварительное слѣдствіе были отложены на время засѣданій Генеральныхъ Штатовъ, а также на мѣсяць до начала и на мѣсяць послѣ закрытія сессіи²⁾. Община Сіота требуетъ, чтобы члены Генеральныхъ Штатовъ ни въ коемъ случаѣ не подлежали аресту во время слѣдованія къ мѣсту ихъ собранія, пребыванія ихъ здѣсь и возвращенія домой³⁾. Наконецъ, Орлеанское дворянство, постановляетъ, что въ случаѣ совершенія депутатомъ преступленія, одни только Генеральные Штаты будутъ имѣть право разслѣдовать дѣло и передать виновнаго въ руки правосудія⁴⁾.

III.

Не успѣли Генеральные Штаты собраться, какъ возникъ конфликтъ съ правительствомъ по поводу повѣрки полномочій депутатовъ. Tiers-Etat требовалъ поголовной повѣрки, дворянство и духовенство стояли за повѣрку по сословіямъ. Пять недѣль длились переговоры, пока 17 Юня 1789 г. среднее сословіе не провозгласило себя Національнымъ Соб-

1) Ibid., II, 385, col. 2 : „considérant en outre qu'il n'existerait pas de véritable liberté aux Etats-Généraux, si le suffrage des députés pouvait être gêné par la crainte de dénonciations faites dans les tribunaux, ou par des actes émanés de l'autorité ministérielle, noblesse du bailliage de Blois demande que tous les députés aux Etats-Généraux soient mis sous la sauvegarde de la nation; qu'ils soient à l'abri de toute dénonciation, de tout décret, de tout acte d'autorité, et qu'ils ne puissent être recherchés dans aucun temps pour tout ce qui pourrait avoir été dit et avancé par eux dans l'assemblée de la nation, etc.“

2) Ibid. IV, 50.

3) Ibid. VI, 321, col. 2.

4) Ibid., IV, 274.

раіемъ. Это, какъ извѣстно, послужило сигналомъ къ революціи. Правительство рѣшило не уступать, и 27 Іюня король, явившись въ Собраніе, произнесъ програмную рѣчь полную угрозъ по адресу оппозиціи и приказалъ представителямъ сословіи разойтись и приступить къ занятіямъ, каждому чину отдѣльно. Дворянство и духовенство повинувались, но Тіерс остался на своихъ мѣстахъ и, повинуваясь гордому призыву Сіѣеса — „vous êtes aujourd’hui ce que vous étiez hier, délibérez“ — приступилъ къ работѣ. Первымъ дѣломъ было обезпеченіе неприкосновенности и свободы слова. По предложенію Мирабо принята была безъ преній декларация слѣдующаго содержанія: „Собраніе заявляетъ, что особа каждаго депутата неприкосновенна; что всякое частное лицо, корпорація, судъ или коммисія, которыя осмѣлятся во время или послѣ текущей сессіи преслѣдовать, розыскивать, арестовать или распорядиться объ арестѣ, лишитъ свободы или распорядиться о лишеніи свободы депутата за сдѣланныя имъ на Генеральныхъ Штатахъ предложенія или высказанныя имъ сужденія, мнѣнія или произнесенныя рѣчи, равно какъ всѣ лица, которыя окажутъ содѣйствіе при совершеніи одного изъ этихъ посягательствъ, откуда бы оно ни исходило, признаются безчестными (infâmes) и измѣнниками по отношенію къ націи и виновными въ преступленіи, подлежащемъ уголовному наказанію (peine capitale). Національное Собраніе постановляетъ, что въ указанныхъ случаяхъ имъ будутъ приняты всѣ соотвѣтственныя мѣры для розыска, преслѣдованія и наказанія виновниковъ такихъ дѣяній, подстрекателей или исполнителей“.

Содержаніе и объемъ неприкосновенности, какъ видно,

1) А. Р., т. VIII, p. 147: „L’Assemblée nationale déclare que la personne de chacun des députés est inviolable; que tous particuliers, toute corporation, tribunal, cour ou commission qui oseraient, pendant ou après la présente session, poursuivre, rechercher, arrêter ou faire arrêter, détenir ou faire détenir un député pour raison d’aucune proposition, avis, opinion ou discours fait par lui aux Etats-Généraux, de même que toute personnes qui prêteraient leur ministère à aucun desdits attentats, de quelque part qu’il soit ordonné, sont infâmes et traitres envers la nation, et coupables de crime capital. L’Assemblée nationale arrête que dans les cas susdits, elle prendra toutes les mesures nécessaires pour faire rechercher, poursuivre et punir ceux qui en seront les auteurs, instigateurs ou exécuteurs“.

не были опредѣлены¹⁾ — предполагалось, вѣроятно, что тутъ все ясно и безспорно. Вскорѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, пришлось въ этомъ разочароваться. Зато свобода слова въ деклараціи 23 іюня обставлена была всевозможными гарантіями; сравнительно съ наказами, вопросъ разработанъ былъ весьма тщательно, и, что самое важное, за нарушеніе иммунитета депутата устанавливалось наказаніе. Собраніе ясно сознавало необходимость перенести все дѣло на практическую почву и не ограничилось одними принципіальными заявленіями. Это было тѣмъ болѣе желательно, что рѣчь шла о жизненномъ вопросѣ. Дворъ и правительство, крайне недовольные тѣмъ оборотомъ, который вообще принимали дѣла, болѣе чѣмъ недружелюбно были настроены по отношенію къ Національному Собранію. Послѣднему каждая минута грозилъ роспускъ, и болѣе независимыхъ и смѣлыхъ членовъ ея могла постигнуть весьма печальная участь: Бастилья, быть можетъ, не была уже столь грозна какъ прежде, но *lettres de cachet* все еще продолжали процвѣтать. При такихъ обстоятельствахъ необходимо было себя обезопасить отъ возможныхъ послѣдствій чрезмѣрной рѣзвости слова и неосторожной критики существующаго строя; нужно было обезпечить свободу сужденій ради тѣхъ цѣлей, для которыхъ, вообще говоря, были созваны народные представители.

Деклараціи 23 іюня преслѣдовала, такимъ образомъ, чисто практическія цѣли. Провозглашенные ею принципы отнюдь не вытекали, такъ думаютъ Зейдлеръ²⁾ и Губрихъ³⁾, изъ какихъ либо теоретическихъ предпосылокъ представительнаго строя. Основная мысль была та, что депутатовъ слѣдуетъ обезпечить отъ возможныхъ преслѣдованій за негодныя правительству рѣчи и заявленія, причемъ предусма-

1) По одной версіи, впрочемъ, декларація заканчивалась слѣдующими словами: „*Arrête pareillement que toutes poursuites civiles et criminelles contre lesdits députés, seront interdites à toutes personnes, en quelque qualité qu'elles soient, et à tous tribunaux pendant la session si elles ne sont expressément autorisées par l'Assemblée nationale*“, А. Р., *ibid.* Однако, если бы такой пунктъ былъ принятъ Собраніемъ, то трудно думать, чтобы впоследствии могли возникнуть тѣ споры, которые вызвало опредѣленіе понятія неприкосновенности (см. ниже).

2) *Op. cit.*, S. 27.

3) *Op. cit.*, S. 78 ff.

тривалась и возможность жалобъ и исковъ со стороны частныхъ лицъ. Послѣднія, конечно, легко могли явиться послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правящей партіи и царедворцевъ. Эта мысль была совершенно ясно подчеркнута Мирабо въ той краткой рѣчи, которую онъ предпослалъ чтенію текста деклараціи. Признать депутатовъ неприкосновенными, говорилъ онъ, не значитъ обнаруживать страхъ — *c'est agir avec prudence, c'est un frein contre les conseils violents qui assiègent le trône.*

Однако, неясность, которая заключалась въ понятіи *inviolabilité* не замедлила сказаться. На засѣданіи 9 октября того же 1789 г. одинъ изъ ораторовъ заявилъ, что тѣ нападенія парижской черни на народныхъ представителей, которыя имѣли мѣсто за послѣдніе дни, предусмотрѣны декретомъ 23 іюня, и Мирабо вынужденъ былъ разъяснить, что неприкосновенность касается только уголовного и административнаго воздѣйствія. Вскорѣ пришлось путемъ декрета установить предѣлы и объемъ неприкосновенности. Поводомъ къ этому послужили дѣла депутатовъ виконта Мирабо (младшаго) и графа Тулузъ-Лотрека. Первый былъ арестованъ въ *Castelnaudary*. Въ засѣданіи Національнаго Собранія 19 іюня 1790 г. братъ его, Мирабо старшій, сославшись на декретъ 23 іюня, потребовалъ принятія резолюціи, въ которой Собрание напоминало муниципалитетамъ о провозглашенной имъ неприкосновенности его членовъ и предлагало Мирабо младшему немедленно явиться для представленія объясненій о своемъ поведеніи¹⁾. Черезъ нѣсколько дней (25 и 26 іюня) вниманіе Собранія занято было инцидентомъ съ Тулузъ-Лотрекомъ. Этотъ послѣдній былъ арестованъ Тулузскимъ муниципалитетомъ по обвиненію въ заговорѣ и подстрекательствѣ къ возстанію. Но какъ только онъ заявилъ о своемъ званіи, муниципалитетъ тотчасъ же прекратилъ всѣ преслѣдованія и о случившемся представилъ Національному Собранію. Дѣло было передано въ *Comité des Recherches*, который, совершенно не понявъ смысла и значенія привилегіи, предложилъ Собранію декретировать, что Тулузъ-Лотрекъ, какъ законно обвиняемый въ преступленіи не

1) А. Р., XVI, 364.

долженъ пользоваться гарантіей неприкосновенности, и поручить предсѣдателю отправиться къ королю съ просьбой приказать возобновить начатое Тулузскимъ муниципалитетомъ предварительное слѣдствіе, а затѣмъ дѣло передать въ Châtelet¹⁾.

Это предложеніе, однако, встрѣтило рѣзкій отпоръ со стороны Робеспьера, поставившаго вопросъ на принципиальную точку зрѣнія. „Нельзя, говорилъ онъ, не нарушая основъ хорошей конституціи, не опрокидывая зданія общественной свободы, предположить, чтобы какой либо судъ могъ, безъ предварительнаго испрошенія мнѣнія о томъ народныхъ представителей, захватить и судить депутата. Что такое неприкосновенность? Это не привилегія, и вмѣстѣ съ тѣмъ это нѣчто большее, чѣмъ общее право другихъ гражданъ. Въ принципѣ никакая власть не можетъ стоять надъ представительнымъ собраніемъ націи, никакое учрежденіе не можетъ опредѣлять судьбу представителей. Но, скажутъ, если они виновны, они должны быть наказаны. Да, конечно: вопросъ сводится къ слѣдующему: возможно ли существованіе суда, который могъ бы признать виновными представителей націи? Если на этотъ вопросъ отвѣтить утвердительно, ясно, что подобный судъ окажется распорядителемъ ихъ судьбы. Если бы онъ и не оказался въ состояніи рѣшить ихъ участь безъ соблюденія должной процедуры, онъ сдѣлаетъ это съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, при посредствѣ несправедливыхъ рѣшеній; разъ неприкосновенность будетъ уничтожена, исчезнетъ и независимость представителей. Чтобы народные представители пользовались неприкосновенностью, нужно чтобы никакая власть не могла на нихъ покушаться. Никакое рѣшеніе не можетъ ихъ коснуться, если оно не исходитъ отъ власти имъ равной. Но такой власти не существуетъ“. Въ заключеніе, Робеспьеръ требовалъ, чтобы Собраніемъ была принята резолюція, согласно которой никакой представитель націи не можетъ подвергнуться преслѣдованію со стороны судебной власти безъ предварительнаго постановленія законодательнаго корпуса о томъ, что дѣлу долженъ быть данъ надлежащій ходъ²⁾.

1) Ibid., 461.

2) Ibid., 462.

Въ приведенной рѣчи Робеспьера впервые былъ поставленъ вопросъ о точномъ значеніи и смыслѣ депутатской неприкосновенности. Политическій принципъ претворился въ юридическую норму, и неприкосновенность получила характеръ формально-правовой, процессуальной привилегіи, направленной къ огражденію народныхъ представителей отъ несправедливыхъ и пристрастныхъ судебныхъ рѣшеній. Мотивы, которыми продиктована была такая конструкція иммунитета, принадлежали къ двумъ категоріямъ. Одни изъ нихъ были чисто доктринальнаго свойства и вытекали изъ общаго политическаго міросозерцанія Робеспьера. Послѣднее сложилось, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ воззрѣній Монтескье, Руссо, Мабли и американизма¹⁾ и представляло изъ себя, какъ у большинства дѣятелей революціоннаго періода, пеструю смѣсь, въ составъ которой входили и теорія раздѣленія властей, и ученіе о народномъ суверенитетѣ, и представленія, почерпнутыя изъ изученія англійскаго строя и американской конституціи. Сторонникъ представительнаго образа правленія, Робеспьеръ вмѣстѣ съ тѣмъ преклонялся и предъ догматомъ народнаго верховенства; въ своей политической дѣятельности онъ стремился примирить эти оба начала. Депутатскую неприкосновенность онъ выводилъ изъ ученія о равноправіи государственныхъ властей: народные представители не могутъ быть подсудны общимъ судомъ потому, что власть законодательная не подчинена власти судебной. Надъ законодателемъ стоитъ только народъ, и если бы нація могла собираться, она являлась бы естественнымъ судьей своихъ представителей²⁾. Но такъ какъ это невозможно, то послѣдніе могутъ быть переданы общимъ судамъ только съ ихъ собственнаго согласія.

Такова была „идеологія“. За ней однако, скрывались мотивы чистаго практическаго свойства и для людей того

1) См. Deumes, Les doctrines politiques de Robespierre, Bord. 1907.

2) Ср. слѣдующій passus изъ рѣчи 25 іюня: „Il existe un pouvoir supérieur aux représentants de la nation, c'est la nation elle même, si elle pouvait se rassembler elle serait leur véritable juge“. Нужно ли говорить о томъ, что представленіе о націи, какъ высшей сущности государства, цѣликомъ взято у Руссо?

времени гораздо болѣе убѣдительные. Это — недовѣріе къ тогдашнимъ судебнымъ инстанціямъ. Въ нихъ дѣятели революціи усматривали опасныхъ посителей реакціонныхъ тенденцій и всячески старались себя отъ нихъ оградить. Въ непристрастіе судей не вѣрили: они слишкомъ долгое время были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства и королей.

Рѣчь Робеспьера повела къ тому, что вопросъ былъ переданъ въ Комитеты „De Constitution“ и „Des Recherches“ для составленія соотвѣтственнаго проекта декрета. На слѣдующій день (26 іюня) комитетъ представилъ текстъ резолюціи, который былъ принятъ безъ существенныхъ измѣненій. Декретъ этотъ, чрезвычайно характерный, гласилъ слѣдующее:

„Собраніе оставляетъ за собой право издать декретъ, постановленія относительно конституціонныхъ способовъ обезпеченія независимости и свободы членовъ законодательнаго корпуса; заявляетъ, что до изданія закона о судѣ присяжныхъ по уголовнымъ дѣламъ, члены Національнаго Собранія могутъ, въ случаѣ, если они будутъ застигнуты на мѣстѣ преступленія¹⁾, быть арестуемы, въ соотвѣтствіи съ ордоннансами; что можно даже, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ декретѣ 23 іюня 1789 г., принимать жалобы противъ нихъ и производить дознаніе, но что никакой судъ не можетъ сдѣлать постановленіе (о явкѣ, приводѣ или заключеніи ихъ подъ стражу въ качествѣ обвиняемыхъ) прежде чѣмъ законодательный корпусъ, по разсмотреніи результатовъ дознанія и доказательствъ, не рѣшитъ, что имѣется достаточно оснований для обвиненія. Вслѣдствіе сего, признавая декретъ 17-го текущаго мѣсяца относительно г. Тулуза-Лотрека — одного изъ своихъ членовъ — ничтожнымъ, предписываетъ ему явиться для отдачи отчета въ своихъ дѣйствіяхъ Собранію, которое, вы-

1) Клаузуля *flagrant délit* внесена была по требованію Fréteau, который указалъ на то, что „dans les temps même où des individus et des corps privilégiés se préparaient l'impunité après le crime, le droit de mainmise était en vigueur“. А. Р., XVI, 467.

„слушавъ его и разсмотрѣвъ данныя начатаго предва-
 „рительнаго слѣдствія, каковое можетъ быть возобнов-
 „лено, несмотря на возвращеніе свободы Т.-Л., опре-
 „дѣлить, имѣется ли основаніе для обвиненія и, въ
 „утвердительномъ случаѣ, укажетъ соотвѣтственный
 „судъ“.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что декретъ былъ изданъ на время — до введенія суда присяжныхъ по уголовнымъ дѣламъ. Теоретическіе доводы Робеспьера, очевидно, не убѣдили Собранія. Основная мысль декрета — не изъятіе преступныхъ дѣяній изъ компетенціи суда вообще во имя равенства властей въ государствѣ, а огражденіе депутатовъ отъ возможнаго пристрастія данныхъ, наличныхъ въ то время судовъ, способныхъ возбуждать преслѣдованіе и противъ ни въ чемъ не повинныхъ лицъ, изъ партійныхъ и политическихъ соображеній. Этимъ и объясняется принятіе Собраніемъ поправки Фретто о *flagrant délit*: тамъ гдѣ виновность очевидна, не можетъ быть рѣчи о недовѣрїи къ суду¹⁾. Вмѣшательство палаты допустимо лишь тогда, когда есть сомнѣніе.

Второй пунктъ, обращающій на себя вниманіе, это то, что привилегія не ограничена никакимъ срокомъ. Депутатъ, не выданный судебной власти, никогда не можетъ подлежать преслѣдованію за данное дѣяніе. Этимъ декретъ 26 іюня отличается отъ позднѣйшаго права, установившаго въ качествѣ незыблемой нормы, что палатамъ предоставляется лишь право отсрочить судебное разбирательство до окончанія сессіи. Это объясняется тѣмъ же мотивомъ, который вызвалъ въ свѣтъ и самъ декретъ: если данные суды негодны, то отъ нихъ можно ждать и мести по отношенію къ бывшимъ депутатамъ. Естественно было поэтому оградить этихъ послѣднихъ и на будущее время отъ недобросовѣстныхъ преслѣдованій.

Вскорѣ Національному Собранію пришлось истолковать свой декретъ и точнѣе установить его смыслъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ мѣстными властями департамента Сень-и-Лоаръ, оказалось, что депутатъ Гуларъ, находившійся въ отпуску, занимается преступной пропагандой,

1) Это вѣрно отмѣчается Seidler'омъ, *op. cit.*, S. 38.

прикрываясь своей неприкосновенностью. Это сообщеніе вызвало бурю негодованія и цѣлый рядъ предложеній. Такъ, Воадель (Voidel) заявилъ, что неприкосновенность не прикрываетъ дѣйствій Гуллара, совершенныхъ имъ въ качествѣ частнаго лица, и что поэтому противъ него должно быть начато судебное преслѣдованіе. Приёръ сталъ доказывать, что привилегія не касается преступленій противъ общественнаго порядка (*ordre social*), совершенныхъ депутатами не при исполненіи ими своихъ обязанностей. Другіе ораторы, однако, напомнили Собранію, что хотя преступленія народныхъ представителей и подсудны общимъ судамъ, однако, послѣдніе могутъ лишь производить дознанія, результаты которыхъ должны быть представлены Собранію. Самое же преданіе суду можетъ послѣдовать лишь съ согласія законодательнаго корпуса. Въ этомъ смыслѣ и былъ вотированъ 22 марта 1791 г. особый декретъ, въ разъясненіе постановленія 26 іюня¹⁾.

Между тѣмъ, начавшіяся еще въ 1789 году работы по составленію конституціи шли своимъ чередомъ. 21 мая 1791 г. Турэ представилъ Собранію проектъ декрета объ организациі законодательнаго корпуса²⁾. Вопросу о юридическомъ положеніи депутатовъ посвящены были четыре статьи (44—47). Первая изъ нихъ устанавливала, въ качествѣ общаго правила, начало неприкосновенности представителей отъ момента провозглашенія ихъ избранія до окончанія той легислатуры, членами которой они состояли, а также во время необходимаго для ихъ возвращенія домой срока. Вторая касалась неприкосновенности въ отношеніи дѣяній, совершенныхъ депутатами во время исполненія ими своихъ обязанностей (т. е. свободы слова), третья (46) постановляла, что представители могутъ быть арестуемы за преступленія, совершаемыя ими не при исполненіи своихъ обязанностей на

1) А. Р., XXIV, 289: „Considérant que l'inviolabilité des représentants de la nation, relativement aux délits commis hors de leurs fonctions n'empêche point les tribunaux d'informer sur ces mêmes délits suivant les formes ordinaires, cette inviolabilité les obligeant seulement de soumettre, avant le décret, les informations au Corps législatif, qui seul a le droit de déclarer qu'il y a lieu à accusation contre un de ses membres, l'Assemblée passe à l'ordre du jour“.

2) Ibid., XXVI, 267.

мѣстѣ преступленія или въ силу приказа о задержаніи; но продолжать преслѣдованія разрѣшалось только въ томъ случаѣ, если законодательный корпусъ признаетъ, что есть основаніе для обвиненія. Статьи эти были приняты безъ преній и составили (съ незначительными измѣненіями)¹⁾ ст. 51—53 декрета 13 іюня 1791 г.²⁾

5 августа Турэ, отъ имени Комитетовъ „de Constitution“ и „de Revision“ представилъ Собранію проектъ конституціи³⁾. Статьи 7 и 8 секціи V, гл. I, тит. III, касающіяся привилегіи депутатовъ, были приняты безъ преній; онѣ почти совпадали съ соотвѣтственными постановленіями закона 13 іюня и безъ всякихъ измѣненій вошли въ конституцію ³/₁₄ сентября 1791 г.⁴⁾ Отпало лишь опредѣленіе срока, въ теченіи котораго депутаты пользуются неприкосновенностью. Правила конституціи ³/₁₄ сентября носили уже не временный, а постоянный характеръ. Къ тому времени Учредительное Собраніе успѣло рассмотреть законъ о присяжныхъ засѣдателяхъ и установить два вида жюри: jury d'accusation и jury de jugement. Тѣмъ не менѣе, привилегія неприкосновенности была сохранена, конечно потому что судебная власть продолжала внушать опасенія и подозрѣваться въ реакціонныхъ тенденціяхъ. При этомъ иммунитету придана была своеобразная конструкція: запрещенъ былъ не арестъ депутатовъ, не лишеніе ихъ свободы безъ разрѣшенія законодательнаго собранія, а самое рассмотрѣніе дѣла по существу. Позднѣйшее право, какъ мы увидимъ, перенесло вопросъ на совершенно другую почву.

Въ тѣсной связи съ уголовной неприкосновенностью представителей стоитъ вопросъ о свободѣ ихъ отъ ареста по гражданскимъ взысканіямъ. Нѣкоторые наказы, какъ мы выше видѣли, находясь подъ несомнѣннымъ влияніемъ ан-

1) По ст. 51 привилегіи длятся въ теченіе мѣсяца послѣ окончанія легислатуры.

2) А. Р., XXVII, 154.

3) Ibid., XXIX, 207.

4) Art. 8, sect. 5, tit. III., chap. I. „Ils pourront pour faits criminels être saisis en flagrant délit, ou en vertu d'un mandat d'arrêt, mais il en sera donné avis sans délai au Corps législatif et la poursuite ne pourra être continuée qu'après que le Corps législatif aura décidé qu'il y a lieu à l'accusation“.

гліійскаго права, требовали чтобы депутаты не могли быть подвергаемы лишенію свободы за долги.

Однако, уже 7 іюля 1790 г. Національное Собраніе высказалось въ томъ смыслѣ, что по гражданскимъ дѣламъ задержаніе депутатовъ вполне возможно, а проектъ декрета объ организаціи законодательнаго корпуса заключалъ въ себѣ статью (47) разрѣшавшую обращать взысканіе какъ на самага депутата, такъ и на его имущество. По этому поводу, впрочемъ, въ Собраніи возникъ споръ¹⁾. Нѣкоторые члены (Дюпоръ, Мужэнъ-де-Рокфоръ, Ле Шапелье и др.) доказывали, что задержаніе депутата ни въ коемъ случаѣ не допустимо. Имъ возражалъ докладчикъ Турэ. Статья, съ небольшимъ редакціоннымъ измѣненіемъ, принята была Собраніемъ²⁾. Въ конституціи 1791 г., однако, соотвѣтственное постановленіе было опущено, какъ само собою разумѣющееся.

IV.

Остановимся теперь на ходѣ развитія другой привилегіи, а именно свободы слова.

Какъ мы выше видѣли, декларация 23 іюня 1789 г. весьма тщательно регламентировала вопросъ и устанавливала даже строгія кары за всякое покушеніе на иммунитетъ. Принятый Собраніемъ 29 іюля того же года наказъ вручилъ дисциплинарную власть надъ его членами предсѣдателю. Затѣмъ, закономъ 13 іюня 1791 г., твердо установлено было правило, что народные представители отвѣчаютъ за дѣйствія, совершенныя ими при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, только передъ законодательнымъ корпусомъ. Постановленіе это принято было почти безъ преній³⁾. Конституція ³/₁₄ сентября ограничилась его повтореніемъ. Согласно ст. 7 секціи V гл. I тит. III этого

1) А. Р., XXVI, 267, 268.

2) „En matière civile, toute contrainte légale et même la contrainte personnelle, tant qu'elle aura lieu, pourra être poursuivie et exécutée contre la personne d'un représentant ou sur ses biens, comme contre les autres citoyens“.

3) А. Р., XXVI, 267; XXVII, 154.

акта „представители народа неприкосновенны; они не будут подлежать ни преслѣдованію, ни обвиненію, ни суду за то, что скажутъ, напишутъ или сдѣлаютъ при исполненіи ими своихъ обязанностей (fonctions) представителей“. Какъ видно, статья эта шла дальше деклараціи 23 іюня, такъ какъ предусматривала не только мнѣнія и рѣчи депутатовъ, но и ихъ голосованія: подъ выраженіемъ „сдѣлаютъ“ могутъ быть подведены только вотумы.

Одновременно съ конституціей издано было (25-го сентября 1791 г.) и уголовное уложеніе, въ которомъ спеціально предусматрѣно было лихоимство со стороны народныхъ представителей¹⁾. За это преступленіе уложеніе грозило смертной казнью, причемъ, само собою разумѣется, преданіе виновника суду могло послѣдовать только съ разрѣшенія законодательнаго корпуса. Здѣсь, по совершенно справедливому замѣчанію Зейдлера²⁾, не заключалось никакого отступленія отъ выраженнаго въ конституціи принципа свободы слова; преступнымъ признавалось самое принятіе дара или денегъ, но не тѣ или другія мнѣнія или голосованія депутата, явившіяся послѣдствіями подкупа. Такимъ образомъ, преслѣдованію могъ подвергнуться депутатъ, не успѣвшій даже еще высказаться или учинить какія-либо дѣйствія во исполненіе даннаго обѣщанія.

1) Part. II, tit. I, sect. 5, art. 7.: „Tout membre de la législature qui sera convaincu d'avoir moyennant argent, présent ou promesse, trafiqué de son opinion sera puni de mort“. Дебаты см. А. Р., XXVII, 297 et suiv.

2) Op. cit., S. 29.

Глава вторая.

Конвентъ и конституція 1793 года.

I.

Конституція 3 сентября 1791 г., какъ извѣстно, оказалась весьма недолговѣчной. 21 сентября слѣдующаго года собрался Конвентъ, а на другой день провозглашена была республика. Было рѣшено немедленно приступить къ выработкѣ новой конституціи; для этой цѣли избрана была (11 октября) коммисія, въ составъ которой вошли, главнымъ образомъ, жирондисты. Труды этой коммисіи до насъ не дошли¹⁾; извѣстно лишь, что докладчикомъ своимъ она избрала Кондорсе, идеи котораго получили весьма яркое отраженіе въ представленномъ коммисіей проектѣ конституціи²⁾. Ст. 13 и 14 секц. I тит. VII проекта посвящены были юридическому положенію депутатовъ. Первая изъ этихъ статей, касавшаяся свободы слова, почти буквально повторяла соотвѣтственное постановленіе конституціи 1791 г.; вторая, говорившая о неприкосновенности, возвращалась къ системѣ декрета 26 іюня 1790 г. и предусматривала только *flagrant délit*: депутатъ могъ въ этомъ случаѣ подвергнуться аресту, но дальнѣйшее преслѣдованіе ставилось въ зависимость отъ согласія палаты. Точно также въ привилегированное положеніе ставились члены національнаго конвента, который, по проекту, имѣлъ

1) Оларъ, Политическая исторія французской революціи, переводъ Н. Кончевской, изд. 2-ое, стр. 312.

2) Текстъ этого проекта отпечатанъ у Duguit et Monnier, *Les constitutions et les principales lois politiques de la France*, p. 36, etc.

быть созываемъ для пересмотра или измѣненія конституціи. Ст. 14 тит. IX гарантировала имъ свободу слова, а преданіе суду ихъ во всѣхъ случаяхъ, не исключая поимки на мѣстѣ преступленія, было поставлено въ зависимость отъ согласія самаго конвента.

Жирондистскій проектъ, какъ извѣстно, Конвентомъ принять не былъ. Обсужденіе его было прервано возстаніемъ Парижской коммуны, и въ началѣ іюня 1793 г. Комитету Общественнаго Спасенія было поручено составить новый проектъ конституціи. 10 іюня работа была готова, и Эро-де-Сешелль выступилъ въ качествѣ докладчика; 24 іюня новая конституція была вотирована Собраніемъ.

Но и до изданія этого акта Конвенту не разъ пришлось заняться вопросомъ о привилегіяхъ народныхъ представителей. Собравшись 21 сентября 1792 г., 4 декабря того же года онъ уже, по предложенію Бюзона, издалъ декретъ, согласно которому смертной казни подлежалъ всякій, кто предложилъ бы или попытался бы возстановить во Франціи монархію или какую бы то ни было власть, ограничивающую суверенитетъ народа¹⁾. Изъ рѣчи Бюзона и вызванныхъ ей преній видно, что имѣлись въ виду также и предложенія, исходящія отъ депутатовъ²⁾.

Между тѣмъ партійная рознь и политическія страсти разгорѣлись съ необычайной силой. Подъ вліяніемъ военныхъ неудачъ и грозившей со стороны коалиціи опасности, броженіе во французскомъ обществѣ достигло крайнихъ предѣловъ. Засѣданія Конвента приняли чрезвычайно бурный характеръ, и въ пылу страстей вотированъ былъ цѣлый рядъ постановленій относительно неприкосновенности депутатовъ, шедшихъ въ разрѣзъ съ принципами, ранѣе сего установленными. Такъ, прежде всего, въ засѣданіи 1 апрѣля 1793 г., послѣ того какъ Ласурсъ бросилъ Дантону въ лицо обвиненіе въ участіи въ заговорѣ, по предложенію Марата и Бирото, поддержанныхъ жирондистами, принять былъ слѣдующій декретъ:

„Національный Конвентъ, принимая во вниманіе, что

1) *Moniteur*, 2-me période, éd. Milan 1804, t. IX, p. 104.

2) „On dit qu'il y a ici des partisans de la royauté. Avant d'entrer dans le fond de la question, je demande, etc.“ *Ibid.*, p. 97.

народное благо есть высшій законъ, постановляетъ, что, не взирая на неприкосновенность представителей французскаго народа, онъ предасть суду того или тѣхъ изъ своихъ членовъ, противъ которыхъ будутъ основательныя подозрѣнія въ томъ, что они дѣйствуютъ за одно съ врагами свободы, равенства и республиканскаго правленія, если эти подозрѣнія будутъ вытекать изъ донесеній или письменныхъ доказательствъ, представленныхъ Комитету Общественной Обороны, на коего возложены доклады по обвинительнымъ приказамъ Конвента“¹⁾.

Декретъ носилъ временный характеръ и въ глазахъ Конвента вызванъ былъ исключительными обстоятельствами — это явствовало изъ рѣчей обоихъ инициаторовъ предложенія²⁾. Тотъ же самый характеръ присущъ и декрету 13-го же апрѣля, принятому по инициативѣ Робеспьера и согласно которому всякія предложенія вступить въ сношеніе съ враждебными державами, безъ предварительнаго съ ихъ стороны признанія независимости французской націи, суверенитета, недѣлимости и единства республики, основанной на свободѣ и равенствѣ, наказывалось смертною казнью³⁾.

Черезъ два мѣсяца послѣ изданія этихъ регулятивовъ Конвенту пришлось приступить къ выработкѣ новой конституціи. Последняя, конечно, была рассчитана на мирное время и нормальныя отношенія. Само собою разумѣется, что она не могла санкціонировать какихъ либо временныхъ постановленій и боевыхъ мѣръ, вродѣ только что приведенныхъ декретовъ. И на самомъ дѣлѣ, ст. 43 и 44 акта 24 іюня 1793 г. возстановляютъ какъ свободу слова депутатовъ, такъ и ихъ неприкосновенность, и притомъ въ

1) Buchez et Roux, Histoire parlementaire de la Révolution française, t. XXV, p. 235.

2) Marat: „Lorsque le feu de la sédition est allumé dans plusieurs parties de la République, lorsque les ennemis extérieurs nous pressent . . . nous n'avons besoin que de lois révolutionnaires. Frappons les traitres, quelque part qu'ils se trouvent.“

Biroteau . . . „Dans un moment où la liberté est menacée de tout côté, toute espèce d'inviolabilité cesse; le peuple ne doit pas laisser sa confiance à un député contre lequel sont portées de nombreuses accusations“.

3) Buchez et Roux, XXV, 445.

формѣ, весьма близко подходящей къ жирондистскому проекту 1).

Тѣмъ не менѣе, событія послѣднихъ лѣтъ не прошли безслѣдно. Якобинцы и „Гора“ были проникнуты духомъ недовѣрія ко всѣмъ тѣмъ, которыхъ они считали стоящими правѣе себя, и стремились во что бы то ни стало оградить народное представительство отъ ихъ вліянія, хотя бы цѣной нарушенія депутатскаго иммунитета. Съ другой стороны, привилегированное положеніе извѣстной категоріи гражданъ не мирилось съ принципомъ абсолютнаго равенства, который былъ положенъ во главу угла конституціи, какъ не соотвѣтствовало оно, строго говоря, началу народнаго суверенитета, по крайней мѣрѣ въ чистомъ его видѣ 2). И на самомъ дѣлѣ, ст. 31 деклараціи правъ человѣка и гражданина, приложенной къ акту 1793 г., категорически заявляла, что „преступленія повѣренныхъ (mandataires) народа и его агентовъ (agents) никогда не должны оставаться безнаказанными. Никто не имѣетъ права считать себя болѣе неприкосновеннымъ, чѣмъ прочіе граждане“. Статья эта, по существу своему діаметрально противоположная статьямъ 43 и 44, устанавливала лишь принципъ, но не юридическую норму. Она въ Конвентѣ прошла совершенно незамѣченной и, какъ вообще вся декларація, не вызвала никакихъ преній. Но, строго говоря, она гораздо болѣе соотвѣтствовала, общему духу демократическаго радикализма, позаимствованному у Руссо, чѣмъ вышеуказанныя постановленія, касавшіяся иммунитета. Да и самое юридическое положеніе этихъ послѣднихъ носило двойственный

1) Art. 43: Les députés ne peuvent être recherchés, accusés ni jugés en aucun temps pour les opinions qu'ils ont énoncées dans le sein du Corps législatif.

Art. 44: Ils peuvent, pour fait criminel, être saisis en flagrant délit; mais le mandat d'arrêt ni le mandat d'amener ne peuvent être décernés contre eux qu'avec l'autorisation du Corps législatif.

2) Cp. Lechevallier, La constitution de 1793 et la science sociale, Caen 1898, p. 109: „De la même idée de délégation de pouvoir, de mandat, résultent encore d'autres conséquences; telles sont: la responsabilité de tous les fonctionnaires et des représentants du peuple, la publicité des séances de tous les corps délibérants et la courte durée des fonctions publiques. Tous les fonctionnaires et les représentants n'étant, en effet, que des mandataires du peuple, il est juste qu'ils soient responsables“.

характеръ. Въ глазахъ составителей конституціи депутаты являлись истинными представителями — *représentants* — лишь поскольку они совершали административные акты и издавали декреты¹⁾. Въ области законодательства они являлись только повѣренными, агентами народа, которому они только предлагали на утвержденіе законопроекты²⁾. Неприкосновенностью же пользоваться могли только представители — распространять эту привилегію на простыхъ мандатаріевъ было, до извѣстной степени, нелогично. Но съ другой стороны, расчленивъ функціи депутатовъ и покрыть иммунитетомъ лишь одну ихъ категорію было, конечно, совершенно невозможно.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что тѣ практическія соображенія, которыя лежали въ основаніи требованій авторовъ наказовъ 1789 г. и конституціи 1791 г., теперь, въ значительной степени, утратили свое значеніе. Королевская власть была сломлена, и опасаться гнета исполнительной власти не было основаній, тѣмъ болѣе, что по конституціи монтаньяровъ исполнительный совѣтъ (*conseil exécutif*) избирался самимъ законодательнымъ корпусомъ изъ списка, составляемаго избирательными собраніями департаментовъ, и былъ ему вполне подчиненъ. Согласно ст. 65-ой на его обязанности лежало лишь исполненіе законовъ и декретовъ собранія. Полнота власти, такимъ образомъ, сосредоточивалась въ народѣ и его главнѣйшемъ органѣ — законодательномъ корпусѣ. При такихъ обстоятельствахъ, власть исполнительная не была страшна.

Всѣ указанная вліянія и направленія своеобразно преломились въ проектѣ конституціи, представленномъ Конвенту Эро-де-Сешеллемъ. Глава VIII заключала въ себѣ двѣ статьи — V и VI —, посвященныя иммунитету: онѣ буквально воспроизводили соотвѣтственныя постановленія жирондистской конституціи. Можно думать, что эти статьи попали въ проектъ какъ бы по инерціи: съ одной стороны, комиссія имѣла въ своемъ распоряженіи чрезвы-

1) Предметы вѣдѣнія законодательнаго корпуса, подлежащія регулированію посредствомъ декретовъ, были перечислены въ ст. 55.

2) Ст. 53: *Le corps législatif propose des lois, et rend des décrets.* Ср. Новгородцевъ, назв. соч., стр. 82 и слѣд.

чайно мало времени, съ другой, она по своему политическому міровоззрѣнію мало чѣмъ отличалась отъ авторовъ потерпѣвшаго крушеніе проекта. На самомъ дѣлѣ, конституція монтаньяровъ исходила изъ тѣхъ же самыхъ принциповъ, что жирондистская, и не менѣе ея стремилась къ демократизаціи государственнаго строя Франціи. Разногласіе между Кондорсэ и его друзьями, съ одной стороны, и Горой — съ другой, носили гораздо болѣе партійный, чѣмъ принципиальный характеръ ¹⁾.

Статья V, говорившая о свободѣ слова принята была собраніемъ лишь послѣ довольно жаркихъ преній. Рюлемъ (Rulh) предложена была поправка, смыслъ которой заключался въ томъ, что иммунитетъ не долженъ распространяться на мнѣнія, клонящіяся къ возстановленію монархіи. Тюріо предложилъ распространить это правило на сужденія, разрушающія единство и недѣлимость республики. Рафронъ же категорически высказался противъ всей статьи, какъ представляющей изъ себя патентъ на безнаказанность для дурныхъ гражданъ, предающихъ интересы націи. Рѣчь свою онъ закончилъ требованіемъ, чтобы всѣ депутаты, которые проявятъ устно или письменно въ засѣданіяхъ палаты „des sentiments inciviques“ были самимъ собраніемъ преданы суду національнаго жури ²⁾. Ораторамъ возражалъ Робеспьеръ. Вѣрный той точкѣ зрѣнія, которую онъ развивалъ передъ учредительнымъ собраніемъ 28 іюня 1790 г., (см. выше) онъ сталъ доказывать, что хотя въ принципѣ и было бы крайне желательно, чтобы депутаты привлекались къ отвѣтственности за преступныя предложенія и рѣчи, однако такой власти или инстанціи, которая могла бы судить депутата, безъ нарушенія своболы мнѣній и свободы народа не существуетъ. Единственное, что было бы возможно — это, чтобы по окончаніи легислатуры, каждый представитель давалъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ народу, который, не присуждая его ни къ какимъ наказаніямъ, высказывался бы относительно характера поведенія депутата и заявлялъ бы: такой то исполнилъ мои намѣренія, а такой то обманулъ мои ожиданія.

1) Оларъ, назв. соч., 338 и слѣд.; 429 и слѣд.

2) Объ этомъ жури см. ниже.

Противъ подобной постановки вопроса, однако, рѣзко выступилъ Тиріонъ, который сталъ доказывать, что единственнымъ судьей народныхъ представителей является общественное мнѣніе¹⁾.

Статьи V и VI приняты были безъ всякихъ измѣненій и составили ст. 43 и 44 конституціи 1793 г.²⁾.

II.

Какъ вышеупомянуто, одновременно съ конституціей вотированъ былъ актъ, въ которомъ заключалось постановление, по существу своему діаметрально противоположное приведеннымъ статьямъ. Мы имѣемъ въ виду декларацию правъ, служащую введеніемъ къ конституціи 1793 г. Ст. 32 категорически устанавливала, что преступления „повѣренныхъ“ (*mandataires*) народа и его агентовъ никогда не должны оставаться безнаказанными. Никто, продолжала статья, не вправѣ считать себя болѣе неприкосновеннымъ, чѣмъ другіе граждане. — Проектъ монтаньяровъ въ этомъ отношеніи шелъ еще дальше. Въ немъ содержалась глава (15-ая), озаглавленная: „*Du grand juré (sic) national*“. Жюри этотъ учреждался въ цѣляхъ огражденія гражданъ отъ притѣсненій со стороны законодательнаго корпуса и исполнительнаго совѣта; къ нему имѣлъ также право прибѣгнуть всякій гражданинъ, притѣсняемый другимъ частнымъ лицомъ. Въ составъ его входили лица, выбираемые на первичныхъ собраніяхъ по одному на каждый департаментъ; на его обязанности лежала передача виновныхъ правосудію, самъ же онъ никакихъ наказаній назначать не могъ.

1) *Moniteur*, XXXI, 306 et suiv. Слова эти здѣсь приписаны Тюріо, но это явная опечатка. Ср. рѣчь Тиріона въ засѣданіи 16 іюля (см. ниже, стр. 34).

2) 43 ст. говорила только объ „*opinions*“. Существуетъ мнѣніе, будто конституція сузила привилегію, сравнительно съ актомъ 1791 („*ce qu'ils auront dit, écrit ou fait*“). По справедливому замѣчанію Нубрихъ'a, *op. cit.*, S. 93, нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы составители радикальной конституціи имѣли въ виду ограничить иммунитетъ только „мнѣніями“ и исключить изъ него, напр., голосованія и сообщеніе тѣхъ или другихъ свѣдѣній. Споръ, впрочемъ, возникъ въ Германіи, во Франціи, сколько намъ извѣстно, никто никогда не сомнѣвался въ истинномъ значеніи термина „*opinions*“.

Проектъ этотъ былъ разсмотрѣнъ въ засѣданіи 16 іюня и встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны Тиріона и Тюріо. Первый находилъ, что подобный жури могъ бы оказаться опаснымъ для свободы сужденій членовъ законодательнаго собранія. Второй доказывалъ всю принципиальную несостоятельность проекта, стремящагося создать рядомъ и надъ суверенной палатой контролирующую ее высшую инстанцію.

Подъ вліяніемъ этихъ рѣчей и согласно предложенію Робеспьера рѣшено было, отвергнувъ мысль о жури, приступить къ изысканію средствъ для огражденія народа отъ насилія со стороны законодательнаго корпуса. 24 іюня Эро представилъ новый проектъ¹⁾, согласно которому каждому избирательному собранію предоставлялось право судить о поведеніи своего представителя по окончаніи легислатуры, съ тѣмъ, чтобы депутатъ могъ быть переизбранъ лишь въ случаѣ одобренія его дѣйствій со стороны собранія. При обсужденіи этого предложенія, однако, однимъ изъ ораторовъ (Тюріо) было указано на принципиальную недопустимость такой постановки вопроса: депутатъ, говорилъ Тюріо, представляетъ народъ въ его цѣломъ; поэтому часть націи, которая осудила бы члена законодательнаго корпуса, присвоила бы себѣ непринадлежащее ей право. Пусть, закончилъ ораторъ, общественное мнѣніе судить о людяхъ — не будемъ декретомъ нашимъ вызывать рѣшеній, пагубныхъ для добродѣтели.

Несмотря на защиту Раффрона и нѣкоторыхъ другихъ, проектъ Эро былъ отвергнутъ собраніемъ²⁾.

III.

Тѣмъ временемъ, однако, декретъ 1 апрѣля продолжалъ усердно примѣняться. Введеніе въ дѣйствіе конституціи было отсрочено на неопредѣленное время, и декретомъ 10 октября было учреждено, впредь до заключенія мира, временное революціонное правительство. Политическія стра-

1) Проектъ носилъ заглавіе: „de la censure du peuple contre ses députés et de la garantie contre l'oppression du corps législatif“.

2) Moniteur, XXXII, 313 et suiv.

сти разгорѣлись съ невиданной до того силой; 9 марта 1793 г. въ Парижѣ вспыхнулъ мятежъ, а на слѣдующій день учрежденъ былъ по предложенію Дантона особый чрезвычайный уголовный судъ, получившій въ послѣдствіи названіе революціоннаго трибунала, для разбора всѣхъ антиреволюціонныхъ замысловъ и посягательствъ противъ свободы, равенства, единства, нераздѣльности республики и. т. п. Это учрежденіе вскорѣ сдѣлалось орудіемъ личной мести, и Робеспьеръ имъ воспользовался для осужденія на смерть своихъ противниковъ — гебертистовъ и дантонистовъ. Принципъ депутатской неприкосновенности былъ совершенно забытъ, и членамъ Конвента пришлось на себѣ испытать послѣдствія равенства передъ гильотиной.

Впрочемъ, на короткій срокъ — а именно на два дня — собраніе вспомнило объ иммунитетѣ: 20 брюмера II года (10 ноября 1793 г.) оно издало декретъ, согласно которому никакой представитель народа не могъ подвергнуться задержанію, если онъ предварительно не былъ выслушанъ Конвентомъ. 12 ноября, однако, этотъ декретъ былъ отмѣненъ, какъ противорѣчащій принципу равенства¹⁾.

Закономъ 22 преріаля того же года (10 іюня 1794 г.) революціонный трибуналъ былъ преобразованъ. Конвенту, Комитетамъ Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности, Коммисарамъ Конвента и прокурору суда было представлено привлекать къ отвѣтственности всякаго „врага народа“. 23 того же преріаля Бурдономъ поднятъ былъ въ Конвентѣ вопросъ, требуется ли, въ случаѣ обвиненія народнаго представителя, предварительное постановленіе собранія. Послѣ обмѣна мнѣнія, вынесена была резолюція въ положительномъ смыслѣ. Такъ какъ, говорилось здѣсь, исключительное право народнаго представительства предавать своихъ членовъ суду есть право неотчуждаемое, то декретомъ 22 преріаля Конвентъ не имѣлъ въ виду отступить отъ законовъ, которые запрещаютъ предавать революцион-

1) „La Convention Nationale, considérant que l'intérêt national, la justice due au peuple et le principe sacré de l'égalité ne sauraient permettre que dans la recherche des coupables et dans la punition des crimes il soit établi une distinction injuste entre un représentant du peuple et tout autre citoyen, rapporte le décret du 20 brumaire“.

ному трибуналу депутатовъ безъ предварительнаго согласія палаты ¹⁾.

На слѣдующій день, однако, Кутонъ, отъ имени Комитета Общественнаго Спасенія выразилъ въ засѣданіи Конвента протестъ противъ этого декрета. Здѣсь, говорилъ Кутонъ, намекая на рѣчь Бурдона, утверждалось, что Комитетъ имѣлъ въ виду уничтожить конституціонное начало и нарушить наиболѣе священные принципы. Это клевета. Комитетъ жаждетъ только одного — упражненія власти самимъ народомъ; онъ отнюдь не желаетъ посягнуть на права Конвента, т. е. народнаго представительства. Поэтому мотивы, приведенные въ постановленіи 23 преріала, должны были быть, по мнѣнію Кутона, вычеркнуты изъ декрета какъ излишніе, съ одной стороны, и оскорбительные для Комитета Общественнаго Спасенія — съ другой. По тому же поводу произнесена была длинная рѣчь Робеспьеромъ, и собраніе, невзирая на протестъ нѣкоторыхъ его членовъ, постановило вычеркнуть „*considérants*“, столь взволновавшіе всеобщій Комитетъ ²⁾.

Имѣлъ ли въ виду Робеспьеръ, предлагая законъ 22 преріала, создать такое орудіе власти, при помощи котораго онъ могъ бы безъ труда очистить Конвентъ отъ враждебныхъ ему элементовъ; или же онъ преслѣдовалъ только цѣль наказанія нѣкоторыхъ лицъ, явившихся въ его глазахъ особенно преступными и опасными для дѣла революціи — вопросъ спорный ³⁾. Несомнѣнно, однако, что Бурдонъ и его друзья держались перваго изъ этихъ взглядовъ и въ молчаніи закона усматривали опасную для враговъ Робеспьера заднюю мысль. Насколько же Кутонъ былъ искретенъ въ своей рѣчи — вопросъ, который на основаніи имѣющагося матеріала рѣшить трудно.

Между тѣмъ наступили термидорскіе дни, Робеспьеръ и его ближайшіе сподвижники пали, и власть перешла въ руки болѣе умѣренныхъ элементовъ: значительная

1) *Buchez et Roux*, XXXIII, 205 et suiv.

2) *Ibid.*

3) См., съ одной стороны, *Buchez et Roux*, XXXIII, 183, съ другой — *Louis Blanc*, *Histoire de la révolution française*, t. X., Par. 1858, p. 482 et suiv.

часть революціонныхъ законовъ была отмѣнена¹⁾, якобинскій клубъ закрытъ, началась реакція и связанный съ ней бѣлый терроръ. Одинъ за другимъ стали поступать въ Конвентъ доносы на дѣйствія его комиссаровъ въ провинціяхъ, разоблачая безчеловѣческую дѣятельность Каррьэ, Коллод'Эрбуа, Лебона и цѣлаго ряда другихъ лицъ. Конвентъ вынужденъ былъ уступить бушевавшему общественному мнѣнію и принять крутыя мѣры противъ наиболѣе ненавистныхъ дѣятелей террора. Въ первую голову арестованы были Лебонъ и Давидъ; та же участь грозила постичь и другихъ депутатовъ: въ средѣ собранія неоднократно раздавались обвиненія противъ Билльо-Варена, Колло д'Эрбуа, Баррера и Вадъэ²⁾. Все это сильно обезпокоило термидорцевъ лѣваго крыла, которые стали опасаться за свою собственную судьбу. Поэтому Талліеномъ внесено было предложеніе урегулировать процедуру преданія суду народныхъ представителей. Въ засѣданіи 2 брюмера Мерленъ (изъ Дуэ) внесъ, отъ имени Комитетовъ Общественнаго Спасенія, Общественной Безопасности и Законодательства, проектъ декрета, согласно которому всякій доносъ на депутата имѣлъ быть переданъ названнымъ Комитетамъ, отъ коихъ должно было зависѣть признать доносъ заслуживающимъ уваженія или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, Комитеты представляли объ этомъ Конвенту, который назначалъ комисію изъ 11 членовъ для разсмотрѣнія обвиненія; по выслушаніи обвиняемаго и доклада комиссіи, Конвентъ постановлялъ о преданіи депутата суду.

Проектъ этотъ вызвалъ возраженія со стороны Переса, который произнесъ по этому поводу длинную и довольно характерную рѣчь. „Утверждаютъ, говорилъ ораторъ, что депутатъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго гражданина и что, когда онъ виновенъ, онъ долженъ судиться на общемъ основаніи. Я далекъ отъ всякой мысли о неприкосновенности — но все же народъ говоритъ устами своихъ представителей, и нація стоитъ за ними. Поэтому

1) Въ томъ числѣ и законы 1 апрѣля и 22 преріаля.

2) Декретомъ 12 жерминаля III г. эти четыре лица были приговорены къ ссылкѣ. Это былъ первый случай наложенія наказанія самимъ Конвентомъ.

они должны быть поставлены въ особія условія и судиться судомъ равныхъ“. Исходя изъ этихъ соображеній, Пересъ предлагалъ, чтобы всякій доносъ на депутата представлялся непосредственно Конвенту, который, по истребованіи заключенія Комитетовъ, самостоятельно долженъ былъ не только рѣшать вопросъ о преданіи суду обвиняемаго, но также и играть роль судебной инстанціи по отношеніи къ нему¹⁾.

Оба проекта послужили предметомъ чрезвычайно бурныхъ преній. Противъ предложенія Переса особенно рѣзко выступилъ, въ засѣданіи 6 брюмера, Мерленъ, который доказывалъ, что, въ случаѣ принятія этого предложенія, конвенту придется одновременно играть роль jury d'accusation и jury de jugement. Для всѣхъ гражданъ вообще обѣ инстанціи раздѣлены: тоже должно имѣть мѣсто и для народныхъ представителей, такъ какъ нѣтъ никакого основанія предоставлять имъ меньшія гарантіи, чѣмъ простымъ смертнымъ.

Мнѣніе Мерлена взяло перевѣсъ, и 8 брюмера вотированъ былъ регулятивъ, главнѣйшія постановленія котораго заключались въ слѣдующемъ²⁾.

Всякій доносъ противъ народнаго представителя имѣлъ быть доставленъ или пересланъ въ Комитеты Общественнаго Спасенія, Общественной Безопасности и Законодательства, до сообщенія о немъ Конвенту. Если всѣ три Комитета признавали, что дѣлу долженъ быть данъ ходъ, они обязаны были, не мотивируя, однако, своего мнѣнія, представить о семъ Конвенту. Составленіе доклада по дѣлу поручалось комисіи изъ 21 членовъ, назначенныхъ по жребію, ка-

1) См. *Moniteur* (оригин. изд.) отъ 3, 8 и 9 брюмера. *Levasseur* въ своихъ мемуарахъ (t. IV, Par. 1831, p. 53—55) совершенно неправильно описываетъ засѣданія Конвента по данному вопросу. Проекты Мерлена и Переса онъ считаетъ декретами, принятыми собраніемъ, причѣмъ расточаетъ Конвенту большія похвалы за эти мѣропріятія. На стр. 111, однако, онъ обрушивается на декретъ 8 брюмера (см. ниже), совершенно сходный съ предложеніемъ Мерлена и называетъ его порожденіемъ реакціоннаго духа. Левассеръ ввелъ въ заблужденіе многихъ изслѣдователей, не обращающихъ къ первоисточникамъ.

2) Полный текстъ, помимо *Moniteur'a*, можно найти у *Buchez et Roux*, XXXIV, 132.

ждый разъ особо, изъ среды Конвента. Предварительно представленія доклада, комисія должна была выслушать обвиняемаго, которому имѣли быть сообщены все документа. По выслушаніи доклада, Конвентъ рѣшалъ вопросъ о предварительномъ задержаніи подсудимаго. Самое же постановленіе о преданіи суду должно было быть принято не иначе, какъ путемъ поименнаго голосованія. Въ случаѣ вынесенія Конвентомъ такого постановленія, комисія имѣла на слѣдующій же день представить обвинительный актъ, въ которомъ должны были заключаться тѣ именно факты, по поводу которыхъ обвиняемый былъ выслушанъ въ Конвентѣ и которые должны были служить основаніемъ для предварительнаго слѣдствія. Наконецъ, судебная инстанція, которой поручалось разсмотрѣніе дѣла, могла касаться только фактовъ, упомянутыхъ въ обвинительномъ актѣ.

Декретъ этотъ, какъ видно, былъ, главнымъ образомъ, направленъ противъ всемогущихъ Комитетовъ, деспотизмъ которыхъ сталъ невыносимъ для умѣренныхъ элементовъ Конвента. Понятно, что т. наз. „партія Комитетовъ“ была крайне недовольна новой мѣрой¹⁾ и всячески старалась ей противодѣйствовать. Ей ясно было, что благодаря отводимой Конвенту роли, многимъ изъ ея членовъ грозятъ преслѣдованія, отъ которыхъ Комитетами уже не будетъ возможности ихъ укрыть²⁾. Когда же вопросъ объ изданіи декрета оказался рѣшеннымъ въ принципѣ, лѣвое крыло употребило все усилія къ тому, чтобы какъ можно больше осложнить процедуру разсмотрѣнія доносовъ и обставить обвиняемыхъ депутатовъ наибольшими гарантіями. Противная же сторона, напротивъ того, стремилась по возможности все упростить, дабы легче и скорѣе посадить на скамью

1) Когда въ засѣданіи 29 вандемьера Таллиенъ впервые предложилъ образовать въ средѣ Конвента особую комисію для разсмотрѣнія жалобъ на представителей, его предложеніе встрѣтило чрезвычайно рѣзкій отпоръ со стороны нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ. Леженъ обвинялъ его даже въ желаніи создать новыя *chambres ardentes*. См. *Moniteur* отъ 3 брюмера.

2) Она не ошибалась, такъ какъ 8-го же брюмера вечеромъ была избрана комисія для сужденія по дѣлу Каррье. Вскорѣ затѣмъ послѣдовала цѣлый рядъ процессовъ противъ бывшихъ комиссаровъ.

подсудимых нѣкоторыхъ изъ комиссаровъ Конвента, особенно сильно возбудившихъ противъ себя общественное мнѣніе.

Самъ по себѣ, декретъ едва ли можетъ быть причисленъ къ числу реакціонныхъ мѣръ. Онъ былъ естественнымъ протестомъ противъ того порядка вещей, который установился благодаря правленію Комитетовъ и, во всякомъ случаѣ, давалъ обвиняемымъ весьма серьезныя гарантіи. Правда, примѣненіе его мало что измѣняло въ революціонномъ хаосѣ того времени, и положеніе народныхъ представителей оставалось по прежнему болѣе чѣмъ прекарнымъ. Но причина крылась, конечно, не въ декретѣ 8 брюмера, а въ общемъ характерѣ событій этой смутной эпохи.

Глава третья.

Конституція III года.

I.

Для большинства членовъ Конвента съ самаго начала было совершенно ясно, что о примѣненіи конституціи 1793 г. не можетъ быть и рѣчи. Просвѣщенные круги общества успѣли извѣриться во всемогущество радикально-демократическихъ началъ, а воцарившаяся анархія отрезвляющимъ образомъ подѣйствовала на тѣхъ, которые въ принципахъ 93 года склонны были видѣть палладіумъ свободы и незаблемыхъ правъ человѣка. Но настроеніе законодателей не соотвѣтствовало настроенію народа ¹⁾. Для большихъ массъ конституція 23 іюня продолжала служить непревзойденнымъ идеаломъ. Никто, поэтому, на первыхъ порахъ и не рѣшался открыто выступить съ критикой конституціи ²⁾.

14 жерминаля III года Конвентомъ избрана была особая коммисія для выработки органическихъ законовъ, необходимыхъ для приведенія въ дѣйствіе акта 23 іюня. Черезъ двѣ педѣли Камбасересъ представилъ отъ имени этой коммисіи докладъ, въ которомъ онъ, не предлагая измѣнить конституцію, ограничивался изложеніемъ плана выработки органическихъ статей. Какъ говоритъ Оларъ, коммисія

1) Zweig, Die Lehre vom Pouvoir Constituant, Tüb. 1909, S. 404, совершенно справедливо замѣчаетъ, что „die Entstehungsgeschichte der Direktorialverfassung ist die Geschichte eines Verfassungs-Konflikts zwischen Volk und Volksvertretung“.

2) Оларъ, назв. соч., стр. 599.

какъ бы признавала свое безсиліе или свою робость и требовала, чтобы возложенная на нее работа была передана въ другія руки¹⁾. Конвентъ уступилъ этому желанію и избралъ новую комисію изъ одиннадцати членовъ. Весьма скоро, однако, эта комисія пришла къ убѣжденію о непригодности конституціи 1793 г. и о необходимости приступить къ выработкѣ новаго фундаментальнаго закона²⁾. Послѣ преріальныхъ дней, когда Конвентъ, окруженный повстанцами, едва не сдѣлался жертвой народнаго гнѣва, отрицательное отношеніе къ демократическому радикализму вылилось въ совершенно опредѣленную форму. Умѣренная идеологія владѣющихъ классовъ одержала полную побѣду, и комисія, открыто порвавъ съ якобинскимъ міровоззрѣніемъ, начертала проектъ конституціоннаго закона, который она представила Конвенту 5 мессидора III года. 5 фруктидора того же года (22 августа 1795) проектъ этотъ былъ утвержденъ собраніемъ.

Новая конституція представляла во многихъ отношеніяхъ возвратъ къ акту 1791 г. Она была чрезвычайно тщательно редактирована — по мнѣнію Эсмена лучше всѣхъ конституцій, которыя когда либо имѣла Франція³⁾ — и по вопросу о положеніи народныхъ представителей содержала въ себѣ цѣлый рядъ статей, точно опредѣлявшихъ объемъ ихъ привилегій. Хотя не сохранилось ни журналовъ засѣданій, ни какихъ либо слѣдовъ преній комисіи одиннадцати⁴⁾, однако не трудно догадаться, какими соображеніями она руководствовалась при составленіи упомянутыхъ статей — принятыхъ, кстати замѣтить, Конвентомъ безъ всякихъ дебатовъ. Пережитое смутное время показало, къ чему могутъ повести отступленія отъ начала парламентской неприкосновенности.

1) Назв. соч., стр. 601.

2) См. Larevellière-Léreaux, Mémoires, t. I, Par. 1895, p. 229: „Dès le premier jour de notre réunion, nous convinmes, à la presque unanimité, qu'il ne devait être question entre nous ni de lois organiques, ni de constitution de 93, mais de préparer le plan d'une constitution raisonnable, aussi promptement qu'il serait possible, sans nuire à la perfection que nous étions capables de lui donner“. Ср. Оларъ, назв. соч., стр. 603 и слѣд.; Zweig, op. cit., S. 405.

3) Esmein, Précis élémentaire de l'histoire du droit français de 1789 à 1814, Par. 1908, p. 50.

4) Оларъ, назв. соч., стр. 602.

Провозгласивъ терроръ, Конвентъ вскорѣ самъ сдѣлался его жертвой. Отсутствие свободы слова повлекло за собой принятіе такихъ мѣръ и декретовъ, которые явно претили правосознанію большинства собранія¹⁾.

Съ другой стороны, политическій опытъ показалъ, что народному представительству можетъ грозить опасность не только отъ исполнительной власти. Послѣдняя за все время существованія Конвента была всецѣло въ его рукахъ — и тѣмъ не менѣ забвеніе принципа неприкосновенности привело къ самымъ тяжелымъ послѣдствіямъ. Безконечныя преслѣдованія и казни депутатовъ были дѣломъ не постороннихъ силъ, а самого Конвента. Поэтому, при выработкѣ новой конституціи, страхъ передъ исполнительной властью, которымъ продиктованы были многія постановленія предыдущихъ конституцій, уступилъ мѣсто стремленію организовать ее на началахъ независимости отъ власти законодательной.

„Независимость исполнительной власти, говорилъ докладчикъ комисіи одиннадцати — Боасси d'Англа — въ засѣданіи Конвента 5 мессидора III г. (23 іюля 1795 г.), не должна вамъ внушать никакого недовѣрія, забудьте впечатлѣніе, которое на васъ производили былыя наименованія, нынѣ совершенно измѣнившія свой смыслъ. Прежде, исполнительная власть была опорой престола, теперь она станетъ опорой республики. Вы напали на нее и ее ослабили, потому что хотѣли разрушить угрожавшій вамъ престолъ; теперь вы должны ее укрѣпить, такъ какъ ваша цѣль уже больше не заключается въ уничтоженіи, а въ сохраненіи правительства; вы должны окружить его властью, уваженіемъ и блескомъ; вы должны устранить все, что могло бы его притѣснить или унижить, ибо оно также является носителемъ значительной части народнаго достоянія“²⁾. Статьи конституціи, опредѣлявшія юридическое положеніе депутатовъ,

1) Въ доносѣ, представленномъ Конвенту вскорѣ послѣ термидорскихъ событій Леконтромъ (Lecointre) на нѣкоторыхъ изъ членовъ Комитетовъ Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности, прямо указывалось на то, что эти лица „de concert avec Robespierre, (ont) anéanti la liberté des opinions dans la Convention, en ne permettant point la discussion des projets de loi“. Barante, Histoire de la Convention, t. V, p.45.

2) Barante, op. cit., t. VI, p. 150 et suiv.

такимъ образомъ, едвали были продиктованы недовѣриемъ къ правительству. Чѣмъ руководились составители конституціи при редактированіи этихъ статей (110—123, подъ общимъ заглавіемъ „de la garantie des membres du Corps législatif“), изъ опубликованныхъ до сихъ поръ матеріаловъ въ точности неизвѣстно¹⁾. Но можно предположить, что принципъ неприкосновенности получилъ въ глазахъ комисіи особую цѣнность, благодаря тѣмъ ужаснымъ для самого Конвента послѣдствіямъ, которыя вызвало отступление отъ него за предшествовавшіе три года²⁾. Для нея уже было ясно, что народное представительство должно быть гарантировано не только отъ правительственнаго произвола, но и отъ всякихъ, вообще, попытокъ воздѣйствія на него, откуда бы эти попытки ни исходили. Это стремленіе ясно сказывается въ тѣхъ статьяхъ, которыя касаются жалобъ на депутатовъ, приносимыхъ законодательному корпусу.

Да и вообще необходимо замѣтить, что къ тому времени общественное мнѣніе уже успѣло признать въ т. наз. привилегіяхъ народныхъ представителей существенную гарантію свободы и необходимую принадлежность предста-

1) Какъ вышеупомянуто, протоколы засѣданій комисіи одиннадцати до сихъ поръ не найдены. Мемуары же современниковъ, касающіяся вообще исторіи составленія конституціи III года (ThibaudEAU, Mémoires sur la Convention et le Directoire, Par. 1824, t. I, ch. XV; Durand de Maillane, Histoire de la Convention Nationale, Par. 1875; Larevellière-Léreaux, Mémoires, Par. 1895, t. I, ch. XI), вопроса о привилегіяхъ депутатовъ не затрагиваютъ.

2) Louis Blanc, въ своей Histoire de la révolution française, t. XII, Par. 1862, p. 523, возмущается ст. 110: „Un article, dans la constitution de l'an III, говоритъ онъ, mérite qu'on s'y arrête: c'est celui qui met les membres du corps législatif à l'abri de toute recherche pour ce qu'ils auraient dit ou écrit dans l'exercice de leurs fonctions. Comment les réacteurs purent-ils voter un pareil article sans que le rouge leur montât au front? Comment purent-ils oublier à ce point que c'était en s'armant contre leurs adversaires de ce que ceux-ci „auraient dit ou écrit dans l'exercice de leurs fonctions“, qu'ils étaient parvenus à mettre, selon le langage des temps, la proscription à l'ordre du jour? Il était un peu tard pour s'apercevoir que la liberté de la tribune est une condition sans laquelle il n'est pas d'assemblée délibérante possible!“ Лучше поздно, чѣмъ никогда, можно на это отвѣтить. И составители конституціи лучше, чѣмъ кто бы то ни было, знали, къ чему привели декреты II года.

вительнаго строя. Всѣ конституціонные проекты, которые были представлены въ Конвентъ¹⁾, всѣ брошюры публицистическаго содержанія, которыя появились одновременно съ актомъ 5 фруктидора, признають неприкосновенность депутатовъ незыблемой основой новаго строя. При этомъ авторы даже рѣдко даютъ себѣ трудъ привести какія либо разсужденія въ доказательство необходимости привилегіи: эта необходимость какъ бы подразумѣвается сама собою²⁾.

II.

Обратимся теперь къ анализу соотвѣтственныхъ постановленій конституціи III года.

Ст. 110, санкціонировавшая привилегію безотвѣтственности, близко подходила къ аналогичной статьѣ конституціи 1791 г. „Граждане, говорилось въ ней, которые состоятъ или были членами Законодательнаго Корпуса, не могутъ быть преслѣдуемы, обвиняемы или судимы за сказанное или написанное ими во время исполненія ихъ обязанностей.“ О „дѣйствіяхъ“ (faits) депутатовъ, совершенныхъ *ex officio*, здѣсь, въ противоположность акту 1791 г., не говорится, но едва ли изъ этого умолчанія можно вывести заключеніе, что ст. 110 не покрываетъ голосованій. Слѣдуетъ также отмѣтить, что безотвѣтственность впервые здѣсь не приведена въ связь съ неприкосновенностью — *inviolabilité*. Этотъ послѣдній терминъ отнынѣ сталъ употребляться исключительно для обозначенія права депутатовъ подвергаться судебному преслѣдованію лишь съ разрѣшенія законодательнаго собранія.

1) См., напр., *Réflexions sur les bases d'une Constitution*, par le cit. *** et présentées par Bresson, député à la convention nationale, Paris, prairial, l'an III, p. 63 et 64.

2) См. напр., Adrien Lezay, Qu'est ce que la constitution de 95? Par. an III, p. 29: „Ainsi la pluralité, l'amovibilité, l'inviolabilité des Représentants, l'intégrité de la Représentation, tels sont les principes du gouvernement représentatif.“ По мнѣнію этого публициста „la Représentation prend tous les caractères du peuple qu'elle représente“: такъ какъ народъ не можетъ грѣшить (pécher) по отношенію къ самому себѣ, то и представители не могутъ этого дѣлать; потому они неприкосновенны. Ср. *Opinion du général Miranda sur la situation actuelle de la France*, Par. an III, p. 9 (неприкосновенность есть послѣдствіе свободы).

Ст. 111—114 касались именно этой второй привилегии. На основании ихъ, члены Законодательнаго Корпуса (т. е. какъ Совѣта Пятисотъ, такъ и Совѣта Старѣйшинъ), съ момента ихъ назначенія до истеченія 30 дней со времени окончанія ихъ полномочій, могли быть преданы суду лишь съ соблюденіемъ особыхъ формальностей. Аресту за преступныя дѣянія они подлежали только въ случаѣ *flagrant délit*; но немедленно объ этомъ должно было быть доведено до свѣдѣнія Законодательнаго Корпуса, и преслѣдованіе могло продолжаться лишь послѣ состоявшаго со стороны Совѣта Пятисотъ предложенія о преданіи суду и утвержденія такового предложенія Совѣтомъ Старѣйшинъ. Въ указаннаго случая, члены Законодательнаго Корпуса не могли ни быть приведены къ полицейскимъ чинамъ, ни подвергнуты аресту прежде, чѣмъ Совѣтъ Пятисотъ не предложитъ предать ихъ суду, а Совѣтъ Старѣйшинъ не вынесетъ соотвѣтственнаго постановленія¹⁾. Компетентнымъ судомъ для разбора такого рода дѣлъ былъ признанъ исключительно Верховный Судъ, организація котораго была опредѣлена статьями 265—273 конституціи.

Тому же суду депутаты объявлены были подсудными за измѣну, расхищеніе государственнаго достоянія, дѣйствія, направленныя къ уничтоженію конституціи и посягательства противъ виѣшней безопасности республики (ст. 115). Никакой доносъ на члена Законодательнаго Корпуса не могъ дать основаніе къ возбужденію преслѣдованія, если онъ не былъ изложенъ въ письменной формѣ, подписанъ и адресованъ въ Совѣтъ Пятисотъ (ст. 116). Совѣтъ, по обсу-

1) art. 111. Les membres du Corps législatif depuis le moment de leur nomination jusqu'au trentième jour après l'expiration de leurs fonctions, ne peuvent être mis en jugement que dans les formes prescrites par les articles qui suivent.

art. 112. Ils peuvent, pour faits criminels, être saisis en flagrant délit: mais il en est donné avis, sans délai, au Corps législatif et la poursuite ne pourra être continuée qu'après que le Conseil des Cinq-Cents aura proposé la mise en jugement et que le Conseil des Anciens l'aura décrétée.

art. 113. Hors le cas du flagrant délit, les membres du Corps législatif ne peuvent être amenés devant les officiers de police, ni mis en état d'arrestation, avant que le Conseil des Cinq-Cents ait proposé la mise en jugement et que le Conseil des Anciens l'ait décrétée.

жденіи доноса въ порядкѣ, установленномъ ст. 77¹⁾, отвергалъ или принималъ его (ст. 117). Въ послѣднемъ случаѣ, обвиняемаго вызывали въ Совѣтъ для дачи показаній въ трехдневный срокъ (ст. 118). По истеченіи этого срока, Совѣтъ, независимо отъ того, явился ли обвиняемый или нѣтъ, постановлялъ о томъ, подлежитъ ли поведеніе обвиняемаго обсужденію или не подлежитъ (ст. 119). Въ утвердительномъ случаѣ, обвиняемый вызывался въ двухдневный срокъ, причемъ, въ случаѣ явки, ему предоставлялось право дать показанія въ залѣ засѣданій Совѣта (ст. 120). Но и въ томъ случаѣ, когда обвиняемый уклонялся, Совѣтъ, по истеченіи срока и по обсужденіи дѣла въ порядкѣ ст. 91²⁾, постановлялъ, въ подлежащихъ случаяхъ, объ обвиненіи и предавалъ депутата Верховному Суду, который обязанъ былъ немедленно приступить къ разсмотрѣнію дѣла (ст. 122).

Наконецъ, ст. 348 регулировала положеніе членовъ тѣхъ собраній, которыя созывались для пересмотра конституціи. Имъ гарантирована была безотвѣтственность въ предѣлахъ 110 ст., а судебному преслѣдованію они подвергались только съ разрѣшенія самого собранія.

Какъ видно изъ этихъ постановленій, вопросъ о парламентскомъ иммунитетѣ былъ чрезвычайно тщательно разработанъ въ конституціи III года. Свобода слова была обезпечена абсолютная; всякое же вмѣшательство судебной власти, въ случаѣ совершенія депутатомъ преступленія или проступка, было поставлено въ зависимость отъ согласія Законодательнаго Корпуса. Исключеніе сдѣлано было лишь для *flagrant délit*, при которомъ арестъ виновнаго могъ имѣть мѣсто. Но и тутъ всякое дальнѣйшее судебное дѣйствіе зависѣло отъ разрѣшенія Совѣта Старѣйшинъ.

Послѣ провозглашенія конституціи 5 фруктидора Конвенту, казалось, оставалось только разойтись и уступить мѣсто вновь созданному Законодательному Корпусу. Однако, реакціонныя партіи успѣли къ тому времени настолько окрѣпнуть, что роялисты, только что привлечшіе на свою сторону генерала Пишгрю и нѣкоторыя секціи парижской національ-

1) Эта статья устанавливала систему трехъ чтеній, съ промежутками не короче 10 дней между каждымъ изъ нихъ.

2) Статья устанавливала три чтенія, съ промежуткомъ въ 5 дней.

ной гвардіи, твердо надѣялись получить большинство на предстоящихъ выборахъ въ Совѣтахъ Пятисотъ и Старѣйшинъ. Чтобы этого не допустить, Конвентъ, 5 фруктидора IV года, издалъ декретъ (дополненный 13 того же мѣсяца), по которому избирательныя собранія должны были послать въ Законодательный Корпусъ не менѣе двухъ третей наличныхъ членовъ Конвента, причемъ къ числу таковыхъ не причислялись депутаты, преданные суду или арестованные¹⁾. Этотъ законъ вызвалъ взрывъ негодованія и привелъ къ возстанію 13 вандемьера (5 октября 1795 г.), которое было подавлено благодаря энергичнымъ мѣрамъ Наполеона Бонапарта. Черезъ три недѣли, Конвентъ, признавъ свою миссію оконченною, разошелся, но наканунѣ роспуска (3 брюмера IV г.) успѣлъ вотировать декретъ, согласно которому родственникамъ эмигрантовъ, а также лицамъ, которыя взяли на себя инициативу мѣръ, противныхъ законамъ, или подписали таковыя, запрещалось, вплоть до заключенія общаго мира, нести какія бы то ни было обязанности въ законодательныхъ, муниципальных и судебныхъ учрежденіяхъ, а также быть присяжными засѣдателями при верховномъ судѣ и иныхъ судебныхъ инстанціяхъ²⁾. Цѣль этого закона, предложеннаго и проведеннаго наиболѣе революціоннымъ крыломъ собранія, заключалась въ томъ, чтобы устранить отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ роялистовъ и умѣренныхъ. Встрѣченный негодованіемъ, какъ возстановлявшій революціонный режимъ, актъ 3 брюмера незамедлилъ повести къ крупнымъ столкновеніямъ въ самой средѣ Законодательнаго Корпуса, открывшаго свои засѣданія въ томъ же мѣсяцѣ. Первое изъ нихъ возникло изъ за нѣкоего Эмэ (Aumé), подписавшаго протестъ противъ декретовъ 5 и 13 фруктидора³⁾. Коммисія, назначенная для повѣрки полномочій депутатовъ, потребовала исключенія его изъ числа членовъ Совѣта Пятисотъ. Умѣренная партія вступилась за Эмэ, доказывая, во первыхъ, что выборы, состоявшіеся до 3 брюмера, ни въ коемъ случаѣ не подпадаютъ подъ дѣйствіе новаго закона

1) См. *Varante*, op. cit., t. XI, pag. 239 et suiv.

2) Текстъ декрета см. у *Buchez et Roux*, XXXVII, 85.

3) *Thibaudeau*, op. cit., t. II, p. 62 et suiv.; *Sciout*, *Le Directoire*, t. I, Par. 1895, p. 507 et suiv.

и, во вторыхъ, что самый декретъ былъ изданъ незаконно и противорѣчитъ конституціи. Однако, собраніе не убѣдилось этими доводами, 14 и 18 нивоза оба Совѣта признали, что декретъ имѣетъ обратную силу, и Эмэ, а за нимъ 8 другихъ представителей, лишились своихъ мандатовъ¹⁾. Во время преній неоднократно возникалъ вопросъ о депутатскомъ иммунитетѣ. Такъ, въ засѣданіи Совѣта Пятисотъ 13 нивоза, Пасторетомъ дана ему была совершенно правильная характеристика: гарантія народныхъ представителей, говорилъ онъ, покоится на общественной пользѣ, а не на индивидуальномъ интересѣ депутата²⁾. Въ Совѣтѣ Старѣйшинъ, 17-го того же мѣсяца, Ренье, останавливаясь на резолюціи нижней палаты, пріостановившей мандатъ Эмэ, высказалъ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ депутатовъ эта резолюція заключаетъ въ себѣ косвенныя нарушенія гарантіи неприкосновенности. Если это такъ, то резолюція должна быть безусловно отвергнута; „я — продолжалъ ораторъ — всегда буду преклоняться передъ священнымъ догматомъ гарантіи членовъ Законодательнаго Корпуса и всегда буду помнить печальныя времена тиранніи Робеспьера; я никогда не забуду, что это чудовище смогло осуществить свои отвратительныя замыслы лишь послѣ того, какъ оно уничтожило гарантію и, подъ самыми негодными предлогами, обезсилило Конвентъ“³⁾.

Въ томъ же смыслѣ высказался цѣлый рядъ другихъ ораторовъ. Это не помѣшало, однако, Старѣйшинамъ одобрить резолюцію. Но въ данномъ случаѣ важенъ не столько результатъ дебатовъ, сколько высказанныя во время ихъ возрѣнія. Не прошло двухъ лѣтъ со дня изданія закона 8 брюмера, какъ отношеніе къ иммунитету совершенно измѣнилось: неприкосновенность признается теперь существенной гарантіей свободы и неотъемлимой принадлежностью конституціоннаго строя⁴⁾.

1) Декретъ былъ отмѣненъ только въ флореаль V года.

2) *Moniteur* (Milan 1805), 3-me période, VII, 149.

3) *Ibid.*, 270.

4) Ср. заявленіе Тіаппъ 16 брюмера IV г. „l'article le plus sacré (de la constitution), celui de la liberté, de la sûreté des membres du Corps législatif (*Ibid.*, I, 155); — Мадіэ, 4 нивоза: „le palladium de la liberté, le plus ferme appui de la constitution (*Ibid.*, VI, 124).

Вскорѣ произошелъ инцидентъ, едва не имѣвшій серьезныхъ послѣдствій. Послѣ того какъ былъ раскрытъ заговоръ Бабёфа, начались усиленныя преслѣдованія анархистовъ. 21 преріала полиціей данъ былъ приказъ объ арестѣ четырехъ членовъ Законодательнаго Корпуса. Эта мѣра вызвали цѣлую бурю въ Совѣтѣ Пятисотъ, причемъ Талліенъ выступилъ съ рѣчью, въ которой онъ обвинялъ правительство въ заговорѣ противъ народнаго представительства. Однако, по наведеніи справокъ, оказалось, что указы были даны полиціей по ошибкѣ¹⁾.

Между тѣмъ, положеніе Директоріи становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Правда, она безъ особаго труда справилась съ лѣвыми революціонными партіями, но зато оказалась безсильной въ дѣлѣ возстановленія порядка и, въ особенности, финансовъ страны. Выборы V года обезпечили роялистамъ большинство въ обоихъ Совѣтахъ, и реставрація Бурбоновъ казалась неизбежной. Директорія рѣшилась, для предотвращенія готовившагося переворота, сама устроить *coup d'état*. 18 фруктидора Ожеро, во главѣ 12-ти тысячной арміи, окружилъ мѣсто засѣданій Совѣтовъ и, несмотря на ихъ протестъ, арестовалъ цѣлый рядъ депутатовъ, принадлежавшихъ къ большинству^{2) 3)}. Восторжествовавшее меньшинство незамедлило воспользоваться своей побѣдой. Тотчасъ же были кассированы всѣ выборы въ 49 департаментахъ, и 53 депутата были сосланы безъ всякаго суда, простымъ декретомъ Законодательнаго Корпуса⁴⁾. Начались порядки, весьма напоминавшіе режимъ террора, причемъ роль Комитета Общественнаго Спасенія выпала на долю Директоріи, проявившей чисто диктаторскія наклонности. Вскорѣ, однако, среди республиканцевъ образовались двѣ партіи — правая, поддерживавшая Директорію, и лѣвая, ей враждебная. На выборахъ VI года перевѣсъ получила по-

1) Thibaudeau, loc. cit., p. 51 et suiv.; Sciout, loc. cit., 596.

2) Sciout, op. cit., II, p. 643 et suiv.

3) Барбэ-Марбуа рассказываетъ, что когда онъ спросилъ, на основаніи какого закона его арестуютъ, одинъ офицеръ отвѣтилъ ему: законъ этотъ — сабля (*la loi, c'est le sabre*). *Journal d'un déporté*, t. I p. 34 (цит. у Taine, *La Révolution*, t. III. p. 588).

4) Декретъ одобренъ былъ Старѣйшинами не безъ нѣкотораго колебанія, см. Sciout, op. cit., II, p. 653.

слѣдняя. Тогда Директорія рѣшила повторить переворотъ 18 фруктидора, и 13 флореаля обратилась къ Законодательному Корпусу съ предложеніемъ принять столь же дѣйствительныя мѣры, какъ въ прошломъ году ¹⁾. 19-го того же мѣсяца Совѣтъ Пятисотъ вотировалъ декретъ (утвержденный Старѣйшинами 22-го), на основаніи котораго въ 7 департаментахъ выборы были совершенно уничтожены, а въ остальныхъ департаментахъ утверждены были лишь выборы угодныхъ Директоріи лицъ.

Несмотря, однако, на эти мѣры, Директорія все болѣе и болѣе теряла подъ собою почву. Вновь избранная въ VII году треть депутатовъ ²⁾ была уже ей явно враждебна, и 30 преріаля Совѣтъ Пятисотъ потребовалъ отставки двухъ виднѣйшихъ членовъ Директоріи — Мерлена и Ларевельера-Лепо — и вотировалъ резолюцію, согласно которой, всякая власть, всякое лицо, которое посягнуло бы на безопасность и свободу Законодательнаго Корпуса или тѣхъ или другихъ изъ его членовъ, путемъ отдачи соотвѣтственнаго приказанія или исполненія его, объявлялись внѣ закона ³⁾.

Ничто, однако, не могло измѣнить положеніе вещей. Анархія продолжалась, и 18 брюмера Бонапарту не трудно было произвести переворотъ, положившій конецъ Директоріальному режиму.

1) Оларъ, назв. соч., стр. 750, 650, 651.

2) Согласно конституціи (ст. 53—55) оба Совѣта возобновлялись ежегодно его третямъ.

3) *Buchez et Roux*, XXXVIII, 68.

Ex libris univ. Tart.

Глава четвертая.

Консульство и Имперія.

I.

На основаніи декрета, изданнаго 19 брюмера, исполнительная власть была временно передана особой Консульской Коммисіи, въ составъ которой вошли Сійесъ, Роже-Дюко и Бонапартъ. Засѣданія Законодательнаго Корпуса были отсрочены до 1 вантоза, приче́мъ каждому Совѣту было предложено делегировать свои полномочія избранной изъ его среды коммисіи изъ 25 членовъ. На коммисіи возложенъ былъ и пересмотръ тѣхъ постановленій дѣйствующей конституціи, которыя при примѣненіи на практикѣ оказались неудовлетворительными. Но работа коммисій не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. 22 фримера VIII года была провозглашена новая конституція, составленная лично Наполеономъ и построенная на совершенно иныхъ принципахъ, чѣмъ ея предшественницы ¹⁾.

1) На конституціи VIII года отразились, до извѣстной степени, идеи Сійеса. Послѣднимъ были представлены два проекта, дѣликомъ, впрочемъ, до насъ не дошедшіе (относительно перваго см. Mignet, Histoire de la Révolution française, t. II, ch. XIV и appendice, также Miot de Méliot, Mémoires, t. I, Par 1858, p. 258 et suiv.; второй отпечатанъ въ извлеченіи у Boulay de la Meurthe, Théorie constitutionnelle de Sieyès, Par. 1836). Наполеонъ, однако, не одобрилъ ни того, ни другого, и самъ продиктовалъ свой проектъ. На этотъ послѣдній воззрѣнія Сійеса оказали нѣкоторое вліяніе. См. Buchez et Roux, XXXVIII, 279; Оларъ, назв. соч., стр. 778.

Законодательная власть, прежде всего, оказалась раздѣленной между тремя органами: Государственнымъ Совѣтомъ, Трибунатомъ и Законодательнымъ Корпусомъ. Инициатива законовъ была предоставлена одному только правительству, которое выработанные имъ законопроекты должно было представлять на предварительный просмотръ и обсужденіе Государственному Совѣту (ст. 44 и 53). Затѣмъ, законопроектъ переходилъ къ Трибунату, который, высказавшись за или противъ, назначалъ изъ своей среды трехъ ораторовъ для защиты принятаго рѣшенія передъ Законодательнымъ Корпусомъ (ст. 27 и 28). Послѣдній не обсуждалъ представленныхъ ему законопроектовъ, но, выслушавъ представителей правительства и Трибуната, постановлялъ свое рѣшеніе закрытой баллотировкой (ст. 34). Наконецъ, надзоръ за конституціонностью дѣйствій Трибуната и Законодательнаго Корпуса былъ порученъ Охранительному Сенату (*Sénat Conservateur*), который состоялъ изъ 80 пожизненныхъ членовъ и пополнялся путемъ кооптаціи изъ числа кандидатовъ, представляемыхъ, въ случаѣ открывшейся вакансіи, первымъ Консуломъ, Трибунатомъ и Законодательнымъ Корпусомъ (ст. 15, 16 и 21).

Что же касается состава Трибуната и Законодательнаго Корпуса, то оба эти учрежденія состояли изъ лицъ, избравшихся Сенатомъ въ числѣ 100 для перваго и 300 для втораго изъ числа гражданъ, занесенныхъ въ національные списки (ст. 20, 27 и 31).

О народномъ представительствѣ въ истинномъ значеніи слова, какъ видно, и рѣчи быть не могло. Законодательному Корпусу отведена была безмолвная роль судьи надъ цѣлесообразностью предлагавшихся правительствомъ законопроектовъ, и вся полнота власти, фактически, сосредоточивалась въ рукахъ Перваго Консула.

1) Согласно ст. 7—9 конституціи, граждане каждаго коммунальнаго округа избирали изъ своей среды тѣхъ, которыхъ они считали наиболѣе способными къ управленію общественными дѣлами. Эти лица, составлявшіе $\frac{1}{10}$ всего состава округа, заносились въ коммунальный списокъ. Въ свою очередь, они должны были избирать $\frac{1}{10}$ своего состава, и этимъ путемъ составлялся департаментный списокъ. Наконецъ, $\frac{1}{10}$ департаментскихъ списковъ составляла національный списокъ. Списки составлялись разъ на всегда.

14 термидора X года, Наполеонъ былъ провозглашенъ пожизненнымъ первымъ консуломъ, и черезъ два дня изданъ былъ особый органическій сенатусъ-консультъ, измѣнившій многія изъ постановленій конституціи VIII года. Сенатъ былъ лишенъ всякой самостоятельности, число членовъ Трибуната было сокращено, и система списковъ подверглась значительнымъ измѣненіемъ: на каждую должность избиратели имѣли представлять по два кандидата, причемъ окончательный выборъ лежалъ на обязанности Сената или исполнительной власти, по принадлежности. Законодательный Корпусъ, и безъ того представлявшій изъ себя по выраженію самого Наполеона, собраніе глухо-нѣмыхъ¹⁾ утратилъ всякое значеніе, и отъ представительнаго строя остались одни жалкіе обломки. Съ провозглашеніемъ Имперіи и изданіемъ сенатусъ-консульта 28 флореала XII года (18 мая 1804) вся власть фактически сосредоточилась въ рукахъ монарха, а Законодательный Корпусъ пересталъ вовсе собираться и съ полнымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на хронически повторявшіяся нарушенія его правъ и компетенціи. Въ 1807 г. Трибунатъ былъ вовсе уничтоженъ.

Юридическое положеніе членовъ квази-представительныхъ учреждений Наполеоновской эпохи регулировалось ст. 69 и 70 конституціи 22 фримэра VIII г. Содержаніе этихъ статей, входившихъ въ составъ VI титула, озаглавленнаго „объ отвѣтственности должностныхъ лицъ“ заключалось въ слѣдующемъ.

Обязанности членовъ Сената, Законодательнаго Корпуса, Трибуната, и Государственнаго Совѣта, гласила ст. 69, не могутъ влечь за собой никакой отвѣтственности (*ne donnent lieu à aucune responsabilité*). Согласно же ст. 70, личныя преступленія, влекшія за собой болѣе тяжелыя уголовныя кары (*délits personnels emportant peine afflictive ou infamante*), въ случаѣ совершенія ихъ тѣми же лицами, подлежали преслѣдованію въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, при условіи полученія соотвѣтственнаго разрѣшенія отъ того учрежденія, къ которому принадлежалъ обвиняемый. Постановленія эти, какъ видно, шли весьма далеко — они обезпе-

1) Duvergier de Hauranne, Histoire du gouvernement parlementaire en France, 2 éd., t. I, Par. 1870, p. 506.

чивали не только свободу слова, но и полную неприкосновенность, причем не дѣлалось исключенія даже для *flagrant délit*. Отъ разрѣшенія соотвѣтственнаго учрежденія зависѣли не только арестъ обвиняемаго или, вообще принятіе мѣръ пресѣченія, но и самое возбужденіе судебного преслѣдованія. Интересно отмѣтить, что такія гарантіи были предоставлены совершенно безсильнымъ и лишеннымъ всякой независимости учрежденіямъ. Можно думать, что здѣсь сказалось вліяніе Сійеса, столь горячо отстаивавшаго въ свое время иммунитетъ народныхъ представителей.

II.

Послѣдняя изъ конституцій, изданныхъ Наполеономъ, возвращается къ прежней системѣ. „Дополнительный Актъ къ имперскимъ конституціямъ“ 1815 г., редактированный, какъ извѣстно, Бенжаменомъ Констаномъ¹⁾, въ ст. 14 постановлялъ, что никто изъ членовъ той или другой палаты не можетъ быть арестованъ — за исключеніемъ *flagrant délit* —, ни преслѣдуемъ за преступленія, подсудныя уголовнымъ или исправительнымъ судамъ, иначе какъ по постановленію той палаты, въ составъ которой онъ входитъ. На редакцію этой статьи, несомнѣнно, повліяла хартія 1814 г. (см. ниже). Что же касается свободы слова, то „Дополнительный Актъ“ не содержалъ въ себѣ никакихъ указаній — также какъ и хартія 1814 г. Но можно думать, что этотъ пропускъ объясняется спѣшностью составленія текста конституціи, а не сознательнымъ желаніемъ лишить народныхъ представителей привилегіи безотвѣтственности. Что Наполеонъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ, рѣшился вернуть Франціи свободу и представительный строй, это видно изъ разговора, который онъ имѣлъ съ Б. Констаномъ²⁾. Съ другой стороны, принципъ парламентской свободы рѣчи настолько уже успѣлъ приобрѣсти всеобщее признаніе, что его

1) Duvergier de Hauranne, op. cit., t. II, p. 492 et suiv. Lajoux, Rapports du gouvernement et des chambres dans l'acte additionnel aux constitutions de l'Empire de 1815, Par. 1903, p. 9 et suiv.

2) B. Constant, Lettre sur les cent jours (цит. у Duvergier de Hauranne, loc. cit., 493.

можно было и не обезпечивать особой конституціонной нормой: его провозглашалъ, какъ мы выше видѣли, даже актъ 22 фримера VIII года, сводившій политическое значеніе народнаго представительства почти что къ нулю¹⁾.

1) Въ юнѣ 1815 г. особой комиссіей, избранной палатой представителей, былъ составленъ проектъ конституціи, представленный палатѣ въ началѣ юля. Разсмотрѣны, однако, были только 54 статьи (изъ 104, текстъ см. у Duguit et Monnier, op. cit., 198). Также какъ и въ „Дополнительномъ Актѣ“, безотвѣтственность не была особо оговорена. Неприкосновенность же предусматривалась ст. 46 и 61.

Глава пятая.

Эпоха Реставраціи и конституція 1814 г.

I.

Немедленно послѣ капитуляціи Парижа, Сенатомъ назначено было временное правительство, и признана была реставрація Бурбонскаго дома. Въ три дня составленъ былъ проектъ конституціи, который въ апрѣлѣ 1814 г. былъ принятъ Сенатомъ, а на слѣдующій день Законодательнымъ Корпусомъ. Актъ этотъ, обыкновенно называемый „сенаторіальной конституціей“ остался, какъ извѣстно, мертвой буквой. Онъ интересенъ лишь какъ памятникъ, свидѣтельствующій о господствовавшихъ въ то время настроеніяхъ въ извѣстной части французскаго общества. Конституція возстановляла монархію, и законодательную власть вручала Сенату, состоявшему изъ 150—200 несмѣняемыхъ и пожизненныхъ членовъ, и Законодательному Корпусу, избираемому населеніемъ. Юридическое положеніе представителей опредѣлялось ст. 13, въ которой постановлялось, что члены Сената и Законодательнаго Корпуса могли подлежать аресту лишь съ согласія той палаты, къ которой они принадлежали (о *flagrant délit* не упоминалось). При этомъ единственной компетентной инстанціей для суда надъ ними признавался Сенатъ. Неприкосновенность, такимъ образомъ, получала здѣсь особый характеръ: согласіе палаты требовалось только для лишенія свободы обвиняемаго, но не для возбужденія уголовного преслѣдованія. Что же касается свободы слова, то ст. 11 ограничивалась указаніемъ на то, что Законодательному

Корпусу принадлежит право обсуждения (*droit de discussion*). Правда, ст. 25 постановляла, что „никакой французъ не можетъ подвергнуться преслѣдованію за высказанныя имъ мнѣнія или голосованія“, но здѣсь едва ли можно видѣть что нибудь похожее на парламентскую безотвѣтственность. Статья имѣла въ виду общій принципъ свободы мнѣній, но не безнаказанность за совершенныя словами преступленія и проступки.

Хартія 4 іюня 1814 г., какъ извѣстно, демократическому принципу, лежавшему въ основѣ революціоннаго законодательства, противопоставила принципъ монархическій¹⁾. Порывая съ догматомъ народнаго суверенитета, она провозглашала себя добровольнымъ пожалованіемъ короля и учредительную власть сосредоточивала въ рукахъ послѣдняго. Тѣмъ не менѣе, многія изъ выработанныхъ въ предшествовавшую пору государственныхъ правовыхъ началъ, были восприняты и ею. Къ числу ихъ относится и парламентскій иммунитетъ. Неприкосновенность была признана какъ за членами палаты пэровъ, такъ и за депутатами. Относительно первыхъ ст. 34 постановляла что они могутъ быть арестованы только съ разрѣшенія палаты и ею же судятся по уголовнымъ дѣламъ. Здѣсь, очевидно, сказалось вліяніе англійскаго права, послужившаго образцомъ при созданіи верхней палаты. Что же касается депутатовъ, то ст. 52 возвращалась къ прежней системѣ и постановляла, что, за исключеніемъ *flagrant délit*, народный представитель подлежитъ преслѣдованію или аресту по дѣламъ уголовнымъ лишь съ согласія палаты. При этомъ впервые былъ указанъ срокъ привилегіи: послѣдняя распространялась только на время сессіи Парламента²⁾ Ст. же 51 воспрещала, въ теченіи сессіи и шести недѣль до начала и шести не-

1) Еллинекъ, Право современнаго государства, I, Спб. 1903, стр. 349.

2) Слѣдуетъ замѣтить, что конституціи 1791, 1793 и III г. не знали періодическихъ сессій. Представительныя собранія засѣдали непрерывно въ теченіи всей легислатуры. — По конституціи VIII г., Трибуналь засѣдалъ непрерывно, Законодательный же Корпусъ имѣлъ каждый годъ лишь одну сессію, длившуюся 4 мѣсяца. Хартія 1814, слѣдуя англійскимъ образцамъ, впервые установила систему ежегодныхъ сессій для обѣихъ палатъ.

дѣль послѣ ея окончанія, прибѣгать по отношенію къ депутату къ *contrainte par corps*, т. е. къ лишенію свободы¹⁾.

Постановленіе эти были буквально повторены въ хартіи 14 августа 1830 г. (ст. 29, 43, 44).

Но если неприкосновенность была обставлена точно формулированными юридическими нормами, нельзя того-же сказать о свободѣ слова. Также какъ и сенаторіальная конституція, хартія 4 іюня не заключаетъ въ себѣ традиціоннаго постановленія о томъ, что за сказанное съ трибуны, депутаты не подлежатъ уголовной отвѣтственности. Ст. 18 ограничивалась указаніемъ на то, что „всякій законъ долженъ быть свободно обсужденъ и вотированъ большинствомъ обѣихъ палатъ“, изъ чего едва-ли можно было заключить, что ораторы покрыты безотвѣтственностью за свои рѣчи, независимо отъ ихъ содержанія. Далѣе, ст. 11 постановляла, что „всякое преслѣдованіе за мнѣнія или голосованія, имѣвшія мѣсто до реставраціи, запрещены. То же забвеніе предписывается судамъ и гражданамъ“. Статья эта имѣла въ виду прошлое, но принципъ, изъ котораго она проистекала, несомнѣнно, лежалъ въ одной плоскости съ началомъ безотвѣтственности. Справедливость требуетъ признать, что ст. 11 въ первые годы эпохи реставраціи систематически нарушалась. Бѣлый терроръ былъ, главнымъ образомъ, направленъ противъ политическихъ дѣятелей революціи и имперіи, и 12 января 1816 г. былъ изданъ актъ, стоявшій въ явномъ противорѣчьи съ указанной статьей. Мы имѣемъ въ виду знаменитый законъ объ амнистіи, послужившій предметомъ оживленныхъ и продолжительныхъ дебатовъ въ палатѣ депутатовъ²⁾; согласно ст. 7 этого регулятива, отъ амнистіи исключались тѣ изъ „цареубійць“ (подразумѣвались лица, голосовавшія въ Конвентѣ за преданіе Людовика XVI смертной казни), которые высказались въ свое время за „Дополнительный Актъ“ 1815 г. или приняли на себя тѣ или другія должности при вторичнымъ воцареніи

1) Въ виду имѣлось не только личное задержанія за долги, но всякое вообще лишеніе свободы по гражданскимъ взысканіямъ. См. Languinais, *Constitution de la nation française*, t. I, Par. 1819, № 302.

2) См. Duvergier de Hauranne, *op. cit.*, t. III, p. 307 et suiv.

Наполеона. Эти лица подлежали вѣчному изгнанію изъ предѣловъ Франціи.

Законъ этотъ носилъ явный противо-конституціонный характеръ и въ литературѣ того времени встрѣтилъ съ этой точки зрѣнія должную оцѣнку¹⁾.

Возвращаемся къ вопросу о свободѣ слова. — Былъ ли пропускъ соотвѣтственной статьи въ хартіи намѣренный, или случайный — сказать трудно. Коммисія, выработавшая хартію, протоколовъ не вела, и все что намъ извѣстно о составленіи этого акта — это воспоминанія современниковъ (Бѣньо, Феррона и др.). На практикѣ, однако, привилегія признавалась, и депутаты за все время дѣйствія хартіи къ отвѣтственности не привлекались. Такъ, напр., въ надѣлавшее въ свое время много шума дѣло депутата Манюэля судебныя власти не вмѣшались²⁾. Во время преній, вызванныхъ въ палатѣ рѣчью Манюэля, нѣкоторые ораторы прямо указывали на то, что его, поступокъ — восхваленіе цареубійства — какъ неподлежащій вѣдѣнію судебныхъ установленій, долженъ повлечь за собой высшую дисциплинарную кару³⁾. Противъ самой постановки вопроса никто не возражилъ и всѣ дебаты вертились только вокругъ вопроса о мѣрѣ наказанія.

II.

Пробѣлъ, существовавшій въ хартіи, вскорѣ былъ отчасти заполненъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ опубликованнымъ рѣчамъ депутатовъ. Уже закономъ 21 октября 1814 г. о свободѣ прессы отъ предварительной цензуры изъ-

1) См. напр., Lanjuinais, op. cit., № 303.

2) Въ 1823 году Манюэль произнесъ въ палатѣ депутатовъ рѣчь, въ которой консервативное большинство усмотрѣло восхваленіе цареубійства. Въ нарушение наказа Манюэль былъ исключенъ изъ палаты, согласно ея постановленію, и выведенъ изъ зала засѣданія manu militari. Viel-Castel, Histoire de la Restauration, t. XII, Par. 1877, p. 195 et suiv.

3) Такъ, напр., Де-ла-Бурдоннэ заявилъ, что „c'est par cela-même que cette inviolabilité des opinions le soustrait encore à la juridiction des tribunaux, qu'il doit exister quelque part une haute juridiction à laquelle soient soumis de pareils délits. C'est en vous qu'elle réside, messieurs, cette haute juridiction“. Viel-Castel, loc. cit., 215.

яты были всѣ „opinions“ членовъ обѣихъ палатъ (ст. 2, § 5). Пять лѣтъ спустя, а именно 17 мая 1819, былъ изданъ новый законъ о печати, точно установившій безотвѣтственность представителей за ихъ рѣчи съ трибуны. Согласно ст. 21, рѣчи, произнесенныя въ той или другой палатѣ, равно какъ доклады и всякаго рода документы, опубликованные по распоряженію парламента, не могли служить основаніемъ для вчиненія какого бы то ни было иска¹⁾. Имѣлось въ виду воспрещеніе какъ публичнаго, такъ и частнаго обвиненія. Изданіе этого закона послужило поводомъ для весьма интересныхъ дебатовъ, въ которыхъ, при участіи многихъ выдающихся членовъ палаты, вопросъ подвергся подробному анализу, какъ съ принципиальной, такъ и съ технической стороны. Поводомъ къ этому послужило предложеніе Лэнэ распространить привилегію безотвѣтственности на тѣ рѣчи депутатовъ, которыя не были ими произнесены, но только написаны и напечатаны по распоряженію палаты. Противъ этой поправки рѣзко выступили министръ юстиціи, Ройэ-Колларъ и другіе ораторы. Министръ произнесъ двѣ пространныя рѣчи, въ которыхъ подробно изложилъ теорію депутатской привилегіи. „Принципъ, говорилъ де-Серръ, согласно которому мнѣнія народныхъ представителей не подлежатъ юрисдикціи общихъ судовъ, заключается въ суверенномъ характерѣ упражняемой палатой власти. Ея дебаты потеряли бы свою свободу и независимость, если бы они могли быть представлены на усмотрѣніе судьи, взятаго не изъ ея среды²⁾. Нѣтъ свободы для націи, если она не принимаетъ никакого участія въ управленіи. Когда она въ немъ участвуетъ непосредственно, на лицо имѣется чистая демократія. При представительномъ образѣ правленія участіе народа выражается черезъ посредство особыхъ легальныхъ органовъ, функціи которыхъ сводятся къ совмѣстному обсужденію и голосованію законопроектовъ. Распространить

1) „Ne donneront ouverture à aucune action, les discours tenus dans le sein de l'une des deux Chambres, ainsi que les rapports ou toutes autres pièces imprimées par ordre de l'une des deux Chambres.“ Статья эта вошла въ составъ нынѣ дѣйствующаго во Франціи закона о печати 29 іюня 1881 г. (ст. 41).

2) См. *Moniteur* отъ 21 апрѣля 1819 г., № 111.

привилегію на такія мнѣнія, которыя, не были высказаны въ палатѣ или не подвергались ея суду, было бы равносильно допущенію аппеляціи со стороны депутатовъ къ самому народу и открытѣ легальную возможность прибѣгать безнаказанно къ революціоннымъ, по существу, средствамъ“.

Аналогичныя соображенія были высказаны и Королевскимъ Коммисаромъ Кю вь э. Неприкосновенность палатъ въ ихъ цѣломъ, аргументировалъ ораторъ, основаны на необходимости свободнаго ихъ участія въ составленіи законовъ. Безотвѣтственность отдѣльныхъ депутатовъ за произнесенныя ими рѣчи основывается отчасти на мотивахъ, совпадающихъ съ предыдущими — ибо результатъ дебатовъ зависитъ отъ участія и содѣйствія каждаго члена палаты — отчасти на соображеніяхъ иного рода; а именно весьма возможно, чтобъ ораторъ, въ пылу спора, проронилъ такія слова, отъ которыхъ онъ воздержался бы, если бы онъ свое мнѣніе изложилъ письменно при полномъ спокойствіи. Но въ данномъ случаѣ имѣется спеціальная гарантія въ видѣ юрисдикціи палаты надъ своимъ членомъ. Если произнесенная съ трибуны рѣчь заключаетъ въ себѣ ложное изобличеніе третьихъ лицъ, то эти послѣднія могутъ отвѣтить и направить свой отвѣтъ въ палату, гдѣ онъ получитъ ту же самую гласность, что рѣчь депутата; этого не будетъ, если безотвѣтственность распространить на непроизнесенныя, а лишь напечатанныя рѣчи народныхъ представителей ¹⁾.

Несмотря на энергичную поддержку Манюэля, поправка Лэнэ была отвергнута палатой, и ст. 21 прошла въ вышеизложенной редакціи.

Приведенные нами дебаты интересны прежде всего въ томъ отношеніи, что въ нихъ весьма ярко отражается взглядъ официальной Франціи эпохи Людовика XVIII на существо одной изъ важнѣйшихъ парламентскихъ привилегій. Безотвѣтственность требуется представителями всѣхъ направленій, какъ послѣдствіе представительнаго строя. При этомъ та глубокая идейная пропасть, которая раздѣляла строгихъ конституціоналистовъ отъ сторонниковъ

1) Ibid., № 111.

парламентаризма¹⁾, но отношенію къ данному вопросу роли не играетъ. Необходимость иммунитета признается одинаково всѣми, споръ вызываетъ лишь его бѣльшій или меньшій объемъ.

Во французской литературѣ, однако, былъ высказанъ взглядъ, согласно которому съ изданіемъ хартіи 1814 г. характеръ депутатскихъ привилегій совершенно измѣнился. По мнѣнію Массунъ-де-Фонтэна²⁾, въ революціонную пору привилегія носила характеръ защиты меньшинства палаты отъ его большинства, тогда какъ, начиная съ эпохи реставраціи, она является институтомъ, оберегающимъ законодателя отъ посягательствъ исполнительной власти. Парламентскій иммунитетъ, говоритъ авторъ, мыслимъ только при кабинетномъ управленіи и составляетъ существенную принадлежность парламентаризма.

Возрѣнія де-Фонтэна должны быть признаны абсолютно невѣрными, и притомъ въ двоякомъ отношеніи. Прежде всего, установленіе принциповъ неприкосновенности и безотвѣтственности въ 1789 г. имѣло какъ разъ въ виду огражденіе парламента отъ возможныхъ посягательствъ правительства. На этомъ вопросѣ мы останавливались съ достаточной подробностью. Далѣе, слѣдуетъ замѣтить, что составители хартіи были весьма далеки отъ мысли ввести во Франціи парламентаризмъ³⁾. Послѣдній возникъ случайно, какъ результатъ партійныхъ домогательствъ и на почвѣ, стремленій ультра-роялистическаго большинства подчинить себѣ министерство. Съ другой стороны, поставленіе депутатовъ въ особое привилегированное положеніе ни въ коемъ случаѣ не стояло въ какой бы то ни было теоретической связи съ доктриной парламентаризма. Въ Англійи, какъ извѣстно, привилегія свободы слова возникла еще при Эдуардѣ III⁴⁾, когда

1) См. Barthélemy, L'introduction du régime parlementaire en France, Par. 1904., въ частности стр. 18 и слѣд., гдѣ дается характеристика борющихся въ палатѣ партій.

2) Vicomte de Massougnés des Fontaines, De l'immunité parlementaire et des autorisations de poursuite, etc., Par. 1900. p. 6 et suiv.

3) См. Barthélemy, op. cit., p. 7 et suiv.; Bonnefon, Le régime parlementaire sous la Restauration, Par. 1905, p. 65 et suiv.

4) См. Redlich, Recht und Technik des Englischen Parlamentarismus, Lpz. 1905, S. 591 ff.

о кабинетномъ управленіи не было и помину, а т. наз. неприкосновенность неизвѣстна и по сіе время. Во Франціи же необходимость иммунитета сознается какъ сторонниками, такъ и противниками парламентаризма, внѣ всякой зависимости отъ вопроса объ отношеніи палатъ къ исполнительной власти. Достаточно вспомнить о томъ, что при обсужденіи закона 1819 года, за безотвѣтственность, въ принципѣ, высказывалась какъ де Серръ и Ройэ-Колларъ, такъ и Манюэль и Лэнэ.

III.

Небезинтересной представляется справка съ литературой того времени по интересующему насъ вопросу. Какъ смотрѣла публицистика первой половины XIX столѣтія на юридическое положеніе депутатовъ, какъ относилась она къ парламентскимъ привилегіямъ и въ чемъ усматривала ихъ внутреннее основаніе?

Вопросу, въ общемъ, удѣлялось мало вниманія. Ни у Б. Констанана, ни у Шаробріана — виднѣйшихъ теоретиковъ парламентаризма и толкователей хартіи — никакихъ указаній найти нельзя. Первый ограничивается въ своихъ „Réflexions sur les constitutions et les garanties“, появившихся въ 1814 году, замѣчаніемъ, что никакое отозваніе или исключеніе членовъ нижней палаты не можетъ имѣть мѣсто, кромѣ случая совершенія ими предусмотрѣнныхъ закономъ преступленій¹⁾ Второй, какъ въ своей „Monarchie selon la Charte“, такъ и въ политическихъ памфлетахъ, обходитъ вопросъ полнымъ молчаніемъ.

Въ специальной юридической литературѣ, иммунитетъ находитъ себѣ довольно разнообразныя оправданія²⁾. Такъ, напр., Ланжюинэ безотвѣтственность за рѣчи и мнѣнія

1) „Aucune révocation, expulsion ni exclusion ne peut avoir lieu contre les membres de la seconde chambre si ce n'est pour des délits prévus par les lois“. Cours de politique constitutionnelle, éd. Laboulaye, Par. 1872, t. I, p. 228.

2) Совершенно одиноко звучитъ голосъ португальскаго публициста (писавшаго и по французски) Пинхейро-Феррейра, который въ своемъ Cours de droit public interne et externe, Par. 1882, t. I, § 30, рѣзко высказывается противъ иммунитета въ случаѣ совершенія депутатомъ дѣянія, направленного противъ отдѣльныхъ лицъ.

основывается на естественномъ правѣ¹⁾, для Шассана этотъ принципъ вытекаетъ изъ начала народнаго суверенитета и можетъ быть оправданъ только соображеніями общей пользы²⁾. Тотъ же мотивъ сквозитъ и въ аргументаціи Макареля, ссылающагося, для оправданія неприкосновенности депутатовъ, съ одной стороны, на возможность нарушенія правильнаго хода занятій въ парламентѣ въ случаѣ частыхъ арестовъ его членовъ, съ другой — на участіе народныхъ представителей въ наиболѣе важной функціи суверенной власти³⁾.

Нужно сказать, что несмотря на энергичный походъ, предпринятый школой либерализма, догматъ народнаго суверенитета все же продолжалъ, въ болѣе или менѣе скрытомъ видѣ, витать надъ современной литературой. Какъ замѣтилъ еще Ройэ-Колларъ, ему безсознательно поклонялись даже тѣ, которые противъ него боролись. Правда, со времени Руссо онъ значительно видоизмѣнился: за народными представителями признавалось значеніе уже не простыхъ повѣренныхъ — *commis* — а, напротивъ того, лучшихъ и наиболѣе способныхъ выразителей народной воли⁴⁾. Этотъ взглядъ проводится не только въ литературѣ, но онъ получаетъ еще и полуоффиціальное признаніе. Его влияніе ясно сказывается въ тѣхъ рѣчахъ, которые были произнесены въ палатѣ депутатовъ при обсужденіи закона 1819 г. о печати. Не даромъ де-Серръ говорилъ о „*l'élite de la nation*“ и подчеркивалъ участіе депутатовъ въ осуществленіи высшей государственной функціи.

То внутреннее противорѣчіе, которое скрывалось въ самомъ ученіи, обнаружилось лишь гораздо позднѣе, когда понятіе народнаго верховенства было подвергнуто историче-

1) *Op. cit.*, t. I, № 303.

2) Chassan, *Traité des délits et contraventions de la parole, de l'écriture et de la presse*, 2 éd., Par. 1846, t. I, p. 62: „Le privilège exorbitant de n'être pas responsable devant les tribunaux de nos paroles ou de nos écrits, ne peut se justifier que par un grand motif d'utilité publique et par un principe tiré de la Souveraineté nationale.“

3) Macarel, *Eléments de droit politique*, Brux. 1834, tit. III, ch. II, № 9.

4) Объ этой эволюціи см. Новгородцевъ, назв. соч., стр. 113 и слѣд.

ской и юридической критикѣ. Но на этомъ вопросѣ намъ ниже придется подробно остановиться.

IV.

Наступилъ 1848 г. 4 мая собралось Національное Собраніе, а 12 назначена была коммисія для выработки проекта конституціи. Послѣдній былъ представленъ Собранію 30 августа, и въ октябрѣ начались пренія по поводу тѣхъ постановленій, которыя регулировали положеніе депутатовъ. Ст. 34 гласила, что „народные представители неприкосновенны. Они ни въ какое время не могутъ быть преслѣдуемы, обвиняемы и судимы за мнѣнія, которыя они высказали въ Національномъ Собраніи“. Постановленіе это было принято безъ всякихъ преній и составило ст. 36 конституціи 4 ноября 1848 г. Безотвѣтственность, какъ видно, распространено было не только на мнѣнія, но и на голосованія, которыя были специально оговорены. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ разсматриваемой статьѣ понятие „inviolabilité“ вновь приурочено было къ свободѣ слова.

Статья 35 проекта касалась другой обычной привилегіи и гласила, что „они (т. е. народные представители) не могутъ быть ни преслѣдуемы, ни арестуемы по уголовнымъ дѣламъ, за исключеніемъ *flagrant délit*, иначе какъ съ разрѣшенія палаты.“

Какихъ либо преній общаго характера статья эта не вызвала. Въ необходимости и цѣлесообразности иммунитета, повидимому, никто изъ членовъ Національнаго Собранія не сомнѣвался. Разномысліе вызвало только вопросъ о *flagrant délit*. Фланденъ, ссылаясь на неопредѣленность этого понятія, внесъ предложеніе, согласно которому объ арестованіи депутата, застигнутаго на мѣстѣ преступленія, должно было быть немедленно доведено до свѣдѣнія собранія, которое имѣло рѣшить вопросъ о сохраненіи или снятіи ареста. По мнѣнію оратора, въ дѣйствовавшей до того времени хартіи заключался въ данномъ отношеніи крупный пробѣлъ, который велъ къ тому, что вопросъ о наличности *flagrant délit* разрѣшался исключительно судебными инстанціями. Между тѣмъ, продолжалъ Фланденъ, такое положеніе вещей противорѣчитъ принципу независимости депутатовъ, лежащему въ

основѣ статьи. Несмотря на возраженія Дюпена (старшаго), ссылавшагося на бесполезность поправки Фландена¹⁾, а также на то, что выработывался особый декретъ, имѣвшій регулировать всё подробности уголовного преслѣдованія народныхъ представителей²⁾, поправка была принята Собраніемъ.

Въ томъ же засѣданіи сдѣлано было также предложеніе включить въ конституцію статью, согласно которой неприкосновенность распространялась бы также и на жилище депутата³⁾. Но инициаторъ его (Реналь) вскорѣ затѣмъ самъ предложилъ приобщить поправку къ разрабатываемому проекту декрета⁴⁾.

Второе чтеніе разбираемыхъ статей состоялось 3 Ноября. Ст. 34 проекта (= 36 конституціи) была принята безъ измѣненій, ст. 35 (= 37 конституціи) въ нѣсколько измѣненной редакціи, предложенной самой комиссіей. Окончательный текстъ ея былъ слѣдующій:

„Они (народные представители) не подлежатъ, по уголовнымъ дѣламъ, ни аресту — за исключеніемъ поимки на мѣстѣ преступленія — ни преслѣдованію иначе, какъ съ разрѣшенія собранія. Въ случаѣ задержанія на мѣстѣ преступленія, объ этомъ немедленно доводится до свѣдѣнія собранія, которое разрѣшаетъ продолжать дѣло, или отказываетъ въ этомъ. Это постановленіе примѣняется также и въ томъ случаѣ, когда арестованный гражданинъ избранъ представителемъ“. Послѣдній абзацъ былъ включенъ по предложенію самой комиссіи⁵⁾.

1) Дюпенъ доказывалъ, что вопросъ о преслѣдованіи депутата долженъ во всякомъ случаѣ быть поставленъ на разрѣшеніе палаты, и что послѣдняя, даже въ случаѣ *flagrant délit*, имѣетъ возможность отмѣнить арестъ, признавъ его незаконность или неумѣстность.

2) Такой декретъ никогда изданъ не былъ.

3) „Le domicile du représentant du peuple ne pourra être soumis aux visites de l'autorité que sur l'autorisation de l'Assemblée Nationale“.

4) *Moniteur* отъ 5 Октября 1848 г.

5) *Moniteur* отъ 4 Ноября 1848 г.

Глава шестая.

Вторая Имперія и третья Республика.

I.

Конституція 14 января 1852 г. составлена была, какъ извѣстно, чрезвычайно поспѣшно, и авторы ея позабыли включить въ нее какія бы то ни было постановленія касательно иммунитета народныхъ представителей. Этотъ пробѣлъ былъ восполненъ органическимъ декретомъ 2 февраля того же года. Ст. 9 декрета почти буквально воспроизводила ст. 36 конституціи 1848 года, ст. же 11, касавшаяся неприкосновенности, возвращалась къ прежней формулировкѣ¹⁾, причемъ продолжительность привилегіи ограничивала сесіей. Согласно же ст. 10, никакое личное задержаніе (*contrainte par corps*) не могло имѣть мѣста по отношенію къ члену Законодательнаго Корпуса какъ во время сесіи, такъ и въ теченіи 6 недѣль до и послѣ нея. Сенаторовъ декретъ не касался, и до 1858 года ихъ положеніе не регулировалось никакими правовыми нормами. 4 іюня изданъ былъ особый сенатусъ-консультъ, признавшій подвѣдомственнымъ верховному уголовному суду, учрежденному въ 1852 г., преступленія и проступки, совершенныя членами верхней палаты. На основаніи ст. 6, сенаторы могли быть преслѣдуемы или арестуемы за преступленія, проступки или правонарушенія, влекуція за собой тюремное заключеніе, лишь съ

1) „Aucun membre du Corps législatif ne peut, pendant la durée de la session être poursuivi ni arrêté en matière criminelle, sauf le cas de flagrant délit, qu'après que le Corps législatif a autorisé la poursuite“.

разрѣшенія Сената. Въ случаѣ задержанія *in flagrante*, протоколь немедленно препровождался министромъ юстиціи Сенату, которой постановлялъ о продолженіи или прекращеніи преслѣдованія. Разрѣшенія не требовалось въ тѣхъ случаяхъ, когда къ сенатору предъявлено было обвиненіе въ преступленіи, касающемся военной службы.

Постановленія декрета 1852 г. дѣйствовали вплоть до изданія закона 16 іюля 1875 г. Конституція 1870 г., также какъ и ея предшественница, не касалась вовсе иммунитета. Тѣмъ же декретомъ руководствовалось созванное въ 1871 г. для выработки новой конституціи Національное Собрание.

II.

Дѣйствующее право по вопросу о привилегіяхъ народныхъ представителей заключается въ ст. 13 и 14 конституціоннаго закона 16 іюля 1875 г. „о взаимныхъ отношеніяхъ государственныхъ властей“.

Согласно первой изъ этихъ статей, „никто изъ членовъ той или другой палаты не можетъ подвергнуться розыску или преслѣдованію за мнѣнія или голосъ, поданные имъ при исполненіи своихъ обязанностей“.

По ст. 14 „никто изъ членовъ той или другой Палаты не можетъ, во время сессіи, подвергнуться по дѣламъ уголовнымъ или исправительной полиціи, судебному преслѣдованію или аресту иначе, какъ съ разрѣшенія той палаты, въ составъ которой онъ входитъ, за исключеніемъ случая поимки на мѣстѣ преступленія.

Задержаніе или преслѣдованіе члена той или другой Палаты пріостанавливаются во время сессіи и на всю продолжительность ея, если Палата того потребуетъ“¹⁾.

1) Art. 13: „Aucun membre de l'une ou de l'autre Chambre ne peut être poursuivi ou recherché à l'occasion des opinions ou votes émis par lui dans l'exercice de des fonctions“.

Art. 14: „Aucun membre de l'une ou de l'autre Chambre ne peut, pendant la durée de la session, être poursuivi ou arrêté en matière criminelle ou correctionnelle qu'avec l'autorisation de la Chambre dont il fait partie, sauf le cas de flagrant délit.“

La détention ou la poursuite d'un membre de l'une ou de l'autre Chambre est suspendue, pendant la session, et pour toute sa durée, si la Chambre le requiert“.

На редакцію этихъ статей оказало весьма значительное вліяніе постановленія бельгійскаго права. На самомъ дѣлѣ, ст. 44 и 45 конституціи 7 февраля 1831 г. почти буквально совпадаютъ съ ст. 13 и 14 закона 1875 г.¹⁾ Повидимому, комисія, составившая проектъ французскаго конституціоннаго закона, реципировала бельгійскія постановленія чисто механически. По крайней мѣрѣ въ томъ докладѣ, который былъ представленъ Національному Собранію отъ имени комисіи Лабулэ, вопросу объ иммунитѣ было удѣлено чрезвычайно мало вниманія. „Большая часть статей, которую мы предлагаемъ вамъ вотировать, говорилъ докладчикъ, взяты изъ нашихъ прежнихъ конституцій. Это — правила, которыя вамъ давно извѣстны и которыя, до извѣстной степени, составляютъ общее право всѣхъ свободныхъ народовъ . . . Безотвѣтственность сенаторовъ и депутатовъ за всѣ мнѣнія и голосованія, прерогатива, которая покрываетъ ихъ во время сессій, — все это конституціонныя гарантіи, которыя давно уже не оспариваются“²⁾. Комиссія, такимъ образомъ, не сочла нужнымъ войти въ теоретическое разсмотрѣніе вопроса. Она ограничилась ссылкой на всеобщее правосознаніе, самую же редакцію статей заимствовала изъ бельгійскаго законодательства. Предположенія ея были приняты Собраніемъ безъ всякихъ преній и составили вышеприведенныя ст. 13 и 14 закона 16 іюля.

Санкціей этихъ поставленій является 121 ст. уголовного кодекса, грозящая лишеніемъ правъ всѣмъ должностнымъ лицамъ, виновнымъ въ привлеченіи къ отвѣтственности народнаго представителя безъ соотвѣтственнаго разрѣшенія палаты³⁾.

1) Въ ст. 45 конституціи, соотвѣтствующей ст. 14 французскаго закона, вмѣсто выраженія „en matière criminelle ou correctionnelle“, говорится „en matière de répression“ — каковое понятіе обнимаетъ и т. наз. *contraventions de simple police*. Затѣмъ, въ конституціи предусмѣтрѣно также задержаніе за долги: „Aucune contrainte par corps ne peut être exercée contre un membre de l'une ou de l'autre Chambre durant la session, qu'avec la même autorisation.“ Ст. 74 конституціи тождественна съ ст. 13 закона 1875 г.

2) *Annales de l'Assemblée Nationale*, t. XXXVIII, Annexe, p. 221.

3) *Code pénal*, art. 121: „Seront, comme coupables de forfaiture, punis de la dégradation civique, tout officier de police judiciaire, tous procu-

Послѣдній изъ текстовъ, касающихся депутатскихъ привилегій — § 41 ст. закона о печати 29 іюня 1881 г., почти буквально повторяетъ ст. 22 закона 1819 г. (см. выше). Любопытно, что предложенный палатамъ проектъ закона не заключалъ въ себѣ постановленія, ограждающаго свободу рѣчи съ парламентской трибуны — настолько коммисія, выработавшая проектъ, была увѣрена, что иммунитетъ подразумѣвается самъ собою. Однако, во время преній въ Палатѣ депутатовъ, предсѣдатель замѣтилъ, что невключеніе въ текстъ закона соотвѣтственнаго постановленія можетъ быть истолковано какъ отказъ со стороны Палаты отъ привилегіи безотвѣтственности. Это соображеніе и побудило парламентъ включить § 41¹⁾.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что содержавшееся въ прежнихъ конституціяхъ постановленіе о свободѣ народныхъ представителей отъ задержанія за долги отпало въ законѣ 1875 г. Оно сдѣлалось излишнимъ послѣ того какъ въ 1867 отмѣнено было личное задержаніе по гражданскимъ и торговымъ дѣламъ.

Мы ознакомились съ историческимъ развитіемъ депутатскихъ привилегій и постарались показать, съ какимъ кругомъ идей въ различныя эпохи связывалось ученіе объ иммунитѣ, какъ послѣдній конструировался и каково было его значеніе въ общей системѣ государственно-правовыхъ институтовъ Франціи. Въ послѣдующихъ главахъ, мы изложимъ современное состояніе вопроса въ этой странѣ, причемъ всѣ детали и чисто техническія контроверзы бу-

reurs généraux ou du Roi, tous substitués, tous juges, qui auront provoqué, donné ou signé un jugement, une ordonnance ou un mandat tendant à la poursuite personnelle ou accusation soit d'un ministre, soit d'un membre de la Chambre des Pairs, de la Chambre des Députés ou du Conseil d'Etat, sans les autorisations prescrites par les lois de l'Etat; ou qui hors le cas de flagrant délit ou de clameur publique, auront, sans les mêmes autorisations, donné ou signé l'ordre ou le mandat de saisir ou arrêter un ou plusieurs ministres, ou membres de la Chambre des Pairs, de la Chambre des Députés ou du Conseil d'Etat“.

1) Chartier, Les immunités parlementaires en France dans leur développement historique, Par. 1905, p. 20.

дуть нами оставлены безъ вниманія. Мы остановимся исключительно на принципиальной сторонѣ вопроса и рассмотримъ только обоснованіе привилегій вообще и юридическую ихъ конструкцію, поскольку они нашли себѣ выраженіе въ современной французской литературѣ и въ практикѣ парламента и судовъ.

Глава седьмая.

Современное обоснованіе иммунитета.

I.

Относительно принципіальнаго обоснованія иммунитета въ современной французской литературѣ можно отмѣтить два различныхъ направленія.

Одно изъ нихъ подчеркиваетъ практичекій характеръ привилегій, усматривая въ нихъ лишь средство для наилучшаго исполненія депутатами лежащихъ на нихъ обязанностей. Народные представители нуждаются въ возможно полной независимости; они, поэтому, не должны опасаться никакихъ невыгодныхъ послѣдствій усиленнаго исполненія ими своихъ обязанностей. Депутаты должны быть ограждены какъ отъ всякихъ воздѣйствій правительства, такъ и отъ неосновательныхъ преслѣдованій со стороны частныхъ лицъ: лишь при этихъ условіяхъ они въ состояніи исполнять возложенную на нихъ миссію ¹⁾.

1) Il s'agit, говорить Esmein, *Eléments de droit constitutionnel*, 4 éd., Par. 1906, p. 806, — d'assurer aux représentants l'indépendance et la sécurité la plus complète pour l'accomplissement de leur mission. Il ne faut pas que, par des poursuites vexatoires et mal fondées, le pouvoir exécutif ou les particuliers puissent arracher le sénateur ou le député aux travaux parlementaires, ou le troubler, l'inquiéter, l'intimider*. De la Bigne de Villeneuve, *Eléments de droit constitutionnel français*, Par. (безъ года), p. 310: „Pour bien remplir leurs fonctions, les représentants du pays doivent jouir d'une complète indépendance. En vue d'assurer cette indépendance, toutes nos constitution, depuis 1789, ont accordé aux membres des assemblées législatives une double immunité, savoir:

Въ частности, необходимость т. наз. неприкосновенности объясняется тѣмъ, что, въ случаѣ конфликтовъ, правительство легко могло бы пользоваться преданіемъ депутатовъ суду подѣ самыми пустыми предлогами для временнаго устраненія неугодныхъ ему лицъ отъ участія въ политической жизни. Къ тому же средству могли бы прибѣгать и частныя лица для удаленія изъ состава парламента своихъ политическихъ противниковъ¹⁾. Массовыя возбужденія уголовныхъ преслѣдованій передъ разсмотрѣніемъ какого-нибудь серьезнаго дѣла могли бы, несомнѣнно, оказаться прекраснымъ средствомъ воздѣйствія на палаты и ослабленія оппозиціонныхъ партій. Мало того, деморализующее вліяніе можетъ возымѣть даже арестъ одного лица, играющаго особенно видную роль въ качествѣ лидера партіи, вдохновителя ея и т. п.

На этой точкѣ зрѣнія, въ общемъ, стоитъ и самъ французскій парламентъ — кстати замѣтить, весьма ревниво оберегающій свои привилегіи²⁾. Можно привести цѣлый рядъ рѣчей, произнесенныхъ въ Сенатѣ или Палатѣ депутатовъ, гдѣ ораторами развивалась мысль о необходимости иммунитета для огражденія независимости народныхъ представителей отъ всякихъ внѣшнихъ давленій³⁾.

l'irresponsabilité politique et l'inviolabilité“. D u g u i t, Droit constitutionnel, Par. 1907, p. 809: „Il importe d'assurer l'indépendance du député, non seulement à l'égard du gouvernement, mais encore à l'égard des particuliers“ (относительно безотвѣтственности); p. 813: „Toujours dans le but d'assurer l'indépendance des membres du parlement, etc.“ (неприкосновенность). Ср. M o r e a u, Précis élémentaire de droit constitutionnel, 5 éd., Par. 1905, p. 242, 244. C h a r t i e r, op. cit., Par. 1905, p. 23.

1) См. Pierre, Traité de droit politique, électoral et parlementaire, 3 éd., Par. 1908, № 1062.

2) Это вѣрно подмѣчено американцемъ B o d l e y, La France. Essai sur l'histoire et le fonctionnement des institutions politiques française. Par. 1904, p. 350.

3) См. напр., докладъ деп. Клода (Claude) 21 декабря 1872 г.: „Dans les temps troublés, lorsque la représentation nationale se trouve en lutte avec des gouvernements qui ont été quelquefois des gouvernements despotiques, on devait craindre qu'un pouvoir peu scrupuleux, sous le prétexte d'une poursuite judiciaire, parvint à se débarrasser d'un représentant dont il pouvait redouter la parole, le vote ou même l'influence personnelle sur ses collègues; on pouvait craindre aussi que le pouvoir exécutif, par

Аналогичный взгляд проводится и во многих судебных рѣшеніяхъ 1).

Этой точкѣ зрѣнія, однако, издавна противопоставляется другая. Какъ прежде, такъ и теперь въ литературѣ, судебных рѣшеніяхъ и парламентскихъ рѣчахъ встрѣчаются попытки построить весь институтъ на принципіальномъ фундаментѣ. Въ основу привилегій кладутся не практическія потребности политической жизни, а тотъ или другой государственно-правовой догматъ. И главную роль въ этомъ отношеніи играютъ ученія о народномъ суверенитетѣ и раздѣленіи властей 2).

Различіе между той и другой постановкой вопроса, несомнѣнно, чрезвычайно глубоко. Если извѣстный институтъ является непреложнымъ послѣдствіемъ опредѣленнаго правового принципа, то объемъ и содержаніе его должны оставаться неизмѣнными, пока существуетъ данный строй.

des voies indirectes, ne portât atteinte à cette inviolabilité du député relative à ses actes et à ses paroles dans le sein de l'assemblée ou dans l'exercice de ses fonctions. S'il est souverainement regrettable qu'un simple citoyen ait à subir la plus légère atteinte dans le libre exercice de ses droits et surtout dans sa personne, le fait ne se produit qu'occasionnellement et reste limité à l'individu même; le député, au contraire, revêtu d'un mandat qui multiplie sa personnalité, vit pour l'exercer au milieu de la lutte incessante des partis. Il n'a pas seulement à en redouter les attaques, si vives, si marquées de passions injustes et haineuses, il a à craindre quelquefois les entreprises criminelles et la vengeance d'adversaires aspirant à parvenir au pouvoir". Цит. у Chartier, *op. cit.*, 22. Одинаковыя соображенія приводились уже въ 1833 г. деп. Мартеномъ, см. Pierre, *op. cit.*, p. 1211.

1) См. рѣшенія, приведенныя у Pierre, *op. cit.*, №№1062—1119.

2) См., напр., Fuzier-Herman, *La séparation des pouvoirs*, Par. 1880, p. 327. Pierre, *op. cit.*, № 1118 (относительно безответственности). Seidler, *op. cit.*, S. 32. Hubrich, *op. cit.*, S. 114. Въ двумъ послѣднимъ авторамъ вполнѣ присоединяется г. фонъ-Резонъ, Объ особенныхъ правахъ выборныхъ членовъ Госуд. Совѣта и членовъ Госуд. Думы, Журн. Мин. Юст., Сентябрь 1909 г., стр. 18, 19. Ср. мотивы къ проекту закона объ иммунитетѣ, представленнаго бельгийскому Сенату Дешаномъ (Deschamps) 4 апрѣля 1900 г.: „Les immunités parlementaires se rattachent intimement aux exigences primordiales du régime représentatif et au jeu normal des institutions dans les gouvernements représentatifs. Elles tiennent à l'économie de la division des pouvoirs et au principe de la souveraineté législative". Цит. у Pierre, *op. cit.*, p. 1211; ср. также рѣшеніе Парижскаго кассационнаго суда отъ 13 іюня 1879 г., *ibid.*, № 1118.

Если же, наоборотъ, институтъ вызванъ въ жизнь временными потребностями, то его структура можетъ и должна видоизмѣняться, соотвѣтственно измѣненіямъ въ жизненныхъ отношеніяхъ.

Такъ, напр., съ точки зрѣнія теоріи народнаго суверенитета, всеобщее избирательное право является непремѣннымъ условіемъ всякаго разумнаго и справедливаго государственнаго строя. Малѣйшее ограниченіе его есть искаженіе принципа, ничѣмъ не оправдываемое отступленіе отъ основнаго начала общежитія. Если же, напротивъ того, на избирательное право смотрѣть какъ на средство для рациональнаго устройства законодательныхъ палатъ, то бѣльшій или меньшій объемъ его, та или другая его структура — все это превращается въ вопросы цѣлесообразности, политической мудрости, ничего не имѣющіе общаго съ отвлеченными теоретическими началами ¹⁾.

Все сказанное относится и къ ученію объ иммунитѣ. При взглядѣ на него какъ на необходимый постулатъ представительнаго строя, объемъ его долженъ представляться величиной неизмѣнной и неподлежащей случайнымъ колебаніямъ. Напротивъ того, если иммунитетъ есть лишь средство, а не цѣль, то размѣръ привилегіи долженъ находиться въ тѣсной связи съ независимостью судебной власти, самостоятельностью правительства и т. наз. гарантіями личности.

На самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ законодательнымъ палатамъ противустоитъ сильная исполнительная власть, покушенія со стороны этой послѣдней могутъ имѣть чрезвычайно серьезное значеніе и служить существенной помѣхой для исполненія депутатами изъ профессиональныхъ обязанностей. Въ данномъ случаѣ вполне умѣстно и разумно окружить народныхъ представителей плотной сѣтью гарантій. Но тамъ, гдѣ власть исполнительная, какъ, напр. въ странахъ парламентарныхъ, находится въ полной зависимости и подъ контролемъ законодателя, являясь какъ бы его эманацией, поставленіе депутатовъ въ особо-привилегированное положеніе находить себѣ оправданіе лишь постольку, поскольку это

1) См. интересныя замѣчанія Ribot, Du suffrage universel et de la souveraineté du peuple, Par. 1874, p. 91 et suiv.

безусловно необходимо для безпрепятственного отправления ими своихъ обязанностей. Привилегіи свободы слова и неприкосновенности, сами по себѣ, настолько серьезныя отступленія отъ общихъ, обязательныхъ для всѣхъ гражданъ нормъ, что объясненіе себѣ онѣ могутъ найти только въ крайне существенныхъ мотивахъ. Во всякомъ случаѣ, изъятія отъ общаго правила не должны превышать разумной мѣры необходимости.

Какъ нами упомянуто выше, въ качествѣ апріорныхъ теоретическихъ предпосылокъ депутатскихъ привилегій выставлялись и выставляются и понынѣ два догмата: теорія народнаго суверенитета и ученіе о раздѣленіи властей. Разсмотримъ ту и другое.

II.

Мы уже указали на то, что ученіе о народномъ суверенитетѣ пережило со времени Руссо довольно сложную эволюцію. Въ своемъ чистомъ, первоначальномъ видѣ оно просуществовало недолго. При первыхъ же попыткахъ осуществить его на дѣлѣ пришлось отступить отъ основной предпосылки — что общая воля не можетъ быть представлена: конституція 1791 г. оказалась построенной на представительномъ началѣ, и воля парламента была отождествлена съ волей народа. Это была первая брешь. Съ теченіемъ времени, народный суверенитетъ все болѣе и болѣе утрачиваетъ характеръ юридическаго начала и мало по малу превращается въ нравственный принципъ. Верховенство народа перестаетъ означать реальную, фактическую власть, принадлежащую совокупности гражданъ. Какъ говоритъ проф. Новгородцевъ „самое главное вѣрованіе Руссо — что народная воля не нуждается для своего выраженія ни въ посредникахъ, ни въ представителяхъ, что подобно свѣту дня, она всегда и непосредственно даетъ о себѣ знать, это вѣрованіе у позднѣйшихъ послѣдователей Руссо не встрѣчается . . . Въ „Общественномъ договорѣ“ была высказана оригинальная и замѣчательная мысль о возможности утвердить политику на основѣ безошибочнаго и непогрѣшимаго, такъ сказать, автоматическаго дѣйствія общей воли. Послѣдователи Руссо идею автоматическаго образованія общей

воли замѣнили идеей психическаго труда исканій и борьбы на содержаніе общей воли. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, само собою выдвинулся на первый планъ вопросъ объ органахъ, при посредствѣ которыхъ выражается воля народа. Но для того, чтобы сохранить принципиальную связь съ идеей народнаго суверенитета, послѣдователи Руссо должны были сдѣлать одно допущеніе, въ извѣстной степени, оправдывавшее ихъ отступленіе отъ теоріи „Общественнаго договора“. Они должны были допустить, что устами своихъ представителей говорить самъ народъ, что органы, уполномоченные къ выраженію народной воли, являются истинными глашатаями народной правды, что черезъ нихъ обнаруживается та самая постоянная и неизблемая общая воля, о которой говорилъ Руссо въ „Contrat social“. „За народомъ, говорить тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ, было признано значеніе высшей моральной санкціи, дѣйствительный же авторитетъ былъ перенесенъ на его представителей“¹⁾.

Прежняя точка зрѣнія, однако, и понынѣ поддерживается цѣлымъ рядомъ государствѣдовъ, все еще оперирующихъ съ понятіемъ народнаго суверенитета и выводящихъ изъ него разныя „послѣдствія“. Наиболѣе типичными изъ новѣйшихъ, являются Эсменъ и Лебонъ, на взглядахъ которыхъ мы вкратцѣ и остановимся.

Эсменъ начинаетъ съ отрицанія ученія объ общественномъ договорѣ, положеннаго Руссо въ основу всей теоріи народнаго суверенитета. Послѣдняя, по мнѣніи Парижскаго профессора, покоится на двухъ идеяхъ, взаимно другъ друга восполняющихъ. Первая изъ нихъ самоочевидна: она заключается въ томъ, что публичная власть вообще и правительство въ частности, существуютъ исключительно въ интересахъ лицъ, составляющихъ націю. Отсюда слѣдуетъ, что то, что установлено въ интересахъ всѣхъ, должно нормироваться волей заинтересованныхъ лицъ, другими словами — общей волей. Послѣдняя же образуется при участіи всѣхъ гражданъ, съ условіемъ подчиненія закону большинства.

Но этого мало. Каковъ бы ни былъ легальный источникъ суверенитета у даннаго народа, въ какія бы руки ни

1) Наз. соч., стр. 115, 114.

отдавалъ его законъ, онъ проявляется лишь тогда, когда ему повинуются. Такое повиновение можетъ быть достигнуто лишь двумя средствами: либо силой, либо давлѣніемъ общественнаго мнѣнія. Сила, однако, имѣетъ эфемерное значеніе; она можетъ поддержать суверенитетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Основнымъ и необходимымъ политическимъ рычагомъ является общественное мнѣніе. Оно — фактической суверенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда легальный суверенитетъ находится не у націи. Тогда право и фактъ не совпадаютъ, другъ другу не соотвѣтствуютъ. Наоборотъ, врученіе легальнаго суверенитета націи, носительницѣ реальной политической мощи и общественнаго мнѣнія, возстановляетъ нарушенную гармонію. Признавать, организовывать и уважать народный суверенитетъ, это значитъ давать общественному мнѣнію, этой высшей силѣ, точное выраженіе, юридическую цѣнность, легальный авторитетъ ¹⁾.

На аналогичной точкѣ зрѣнія стоитъ и Лебонъ. Для него принципъ народнаго суверенитета означаетъ, что вся государственная власть имѣетъ своимъ источникомъ народъ. Это начало, однако, не можетъ быть выведено изъ предположенія о заключенномъ нѣкогда между людьми общественномъ договорѣ — эта фикція, въ настоящее время, должна быть оставлена. Гдѣ же тогда корни суверенитета? Въ здоровомъ человѣческомъ разсудкѣ, отвѣчаетъ Лебонъ. Такъ какъ публичная власть существуетъ только въ интересахъ всѣхъ индивидовъ, составляющихъ народъ, то разумно, что-

1) *Eléments*, 4 éd., 1906, p. 203—205, 211, 213: „Mais si l'opinion publique est ainsi la force politique primordiale et nécessaire, si elle est la souveraineté de fait, lors que la souveraineté légale réside ailleurs que dans la nation d'où sort cette opinion, celle-ci ne peut exercer son empire que d'une façon imparfaite, irrégulière ou révolutionnaire. L'opinion souveraine ne se traduit alors que par des expressions confuses ou par des vœux vagues ou inefficaces; elle ne peut se présenter au souverain légal que sous la forme d'une émeute ou d'une révolution. Il y a un manque d'harmonie entre le fait et le droit. Placer, au contraire, la souveraineté légale là où réside nécessairement la souveraineté de fait ou d'opinion, c'est rétablir l'harmonie, c'est traduire dans le droit aussi exactement que possible le fait inévitable. Reconnaître, organiser et respecter la souveraineté nationale, c'est donner à l'opinion publique, force supérieure, une expression précise, une valeur juridique, une autorité légale“ (p. 213).

бы соотвѣтственныя дѣла разрѣшались всѣми заинтересованными лицами, по принципу большинства. Съ другой стороны, у учреждений имѣются только два средства успѣшнаго существованія. Одно изъ нихъ есть власть, которая приводитъ къ цѣли лишь въ заключительныхъ случаяхъ, да и то лишь на время; другое — общественное мнѣніе. Это послѣднее есть существенный критерій дѣйствительности, ибо для того, чтобы достовѣрно познать общую волю, нужно предоставить всѣмъ людямъ участіе въ публичной власти ¹⁾.

Такова точка зрѣнія консервативно-традиціонной школы. Новѣйшіе же французскіе государствовѣды, отчасти подъ вліяніемъ германской доктрины, отвергають и эту блѣдную тѣнь теоріи народнаго суверенитета. Строго говоря, знамя возстанія противъ ученія Руссо поднято было уже весьма давно. При обсужденіи конституціи 3 года Сіе съ горячо возражалъ противъ неограниченной власти народа ²⁾. Отрицательно къ ученію отнеслась, само собою разумѣется, реакціонная школа начала XIX в. (Де Местръ, Бональдъ и др.). Но и либеральная доктрина, главнѣйшимъ выразителемъ которой явился Бенжаменъ Констанъ, требовала внесенія въ него значительныхъ поправокъ. Ко времени составленія конституціи 1875 г. образовалось два крупныхъ

1) André Lebou, Das Verfassungsrecht der Französischen Republik (въ сборникѣ Das öffentliche Recht der Gegenwart, herausg. von Jellinek, Laband und Piloty), Tüb. 1909, S. 17: „Wir haben gesehen, dass die Volkssouveränität auf keinem sozialen Vertrag — diese Fiktion muss zurückgewiesen werden — beruht. Wo sind aber deren Wurzeln zu suchen? Im gesunden Menschenverstande: da die öffentliche Gewalt nur im Interesse aller Individuen, die das Volk bilden, besteht, so ist es vernünftig, dass die betreffenden Angelegenheiten von allen Interessenten entschieden werden, und zwar nach dem Gesetze der Majorität. Andererseits besitzt eine Einrichtung, um sich durchzusetzen und zu dauern, nur zwei Mittel: entweder die Gewalt, welche nur in aussergewöhnlichen Fällen zum Ziele führt, und jedenfalls nur auf eine Zeitlang, oder die öffentliche Meinung. Dieses letzte Mittel ist das einzige Kriterium der Wirklichkeit, denn um auf eine sichere Weise den allgemeinen Willen zu erfahren, muss man alle Menschen an der öffentlichen Gewalt teilnehmen lassen“.

2) „Non, le peuple n'a pas par lui-même, ces pouvoirs, ces droits sans limites que des flatteurs lui attribuent. La souveraineté illimitée du peuple est une conception royaliste et monacale, une conception destructive de la liberté et ruineuse de la chose publique comme de la chose privée“ (Цит. у d'Eichthal, op. cit., p. 84—85).

теченія: консервативное и либеральное. Первое признавало принципъ народнаго суверенитета неправильнымъ по существу¹⁾, либеральное же отстаивало обще-демократическіе идеалы и, болѣе или менѣе удачно, стремилось связать ихъ съ народнымъ верховенствомъ. Но лишь за послѣднее время критика, перенесенная на юридическую почву, приобрѣла особенную остроту.

Наиболѣе опредѣленную и рѣзкую форму она нашла себѣ въ трудахъ Дюги. На его воззрѣніяхъ мы и позволимъ себѣ теперь вкратцѣ остановиться. По мнѣнію Бордосскаго ученаго, принципъ народнаго суверенитета не только не доказанъ и не доказуемъ, но онъ еще и бесполезенъ. Изъ него нисколько не вытекаетъ необходимости всеобщаго избирательнаго права: прежде, чѣмъ это утверждать, необходимо было бы доказать, что *suffrage universel* есть лучшій способъ для обнаруженія общей воли; такого доказательства, однако, до сихъ поръ не представлено. Равнымъ образомъ, нѣтъ основанія утверждать, что авторитетъ общественнаго мнѣнія и суверенитетъ совпадаютъ. Дюги выступаетъ по этому поводу съ рѣзкой критикой воззрѣній Эсмена. Нѣтъ никакого сомнѣнія, аргументируетъ Дюги, что тѣ, которые обладаютъ властью, должны пользоваться ею въ интересахъ всѣхъ, слѣдовательно правительство должно получить организацію, при которой обезпечивалось бы, — поскольку это, вообще, возможно, — такое положеніе вещей, чтобы люди, пользующіеся властью, дѣйствовали въ интересахъ всѣхъ. Тезисъ этотъ, самъ по себѣ совершенно справедливый, не можетъ, однако, оправдать метафизическую концепцію происхожденія власти.

То же самое слѣдуетъ сказать и о второмъ положеніи, выставляемомъ Эсменомъ²⁾. Разумѣется, въ каждой націи, въ опредѣленный моментъ существуетъ извѣстное число общихъ идей, образующихъ т. наз. общественное мнѣніе, и лица, находящіеся у власти, будутъ встрѣчать тѣмъ больше

1) Типичнымъ представителемъ является Ribot, *op. cit.*, въ особенности гл. IV — „Que le principe de la souveraineté du peuple, qui est le principe du suffrage universel, est faux“.

2) О совпаденіи общественнаго мнѣнія съ народнымъ суверенитетомъ, см. выше, стр. 79.

повиновенія, чѣмъ строже они стануть сообразовываться съ общественнымъ мнѣніемъ. Но это нисколько не доказываетъ существованія суверенной національной воли, выражаемой большинствомъ произвольно составляемаго избирательнаго корпуса; это свидѣтельствуеть лишь объ обязанности лицъ, находящихся у власти, дѣйствовать въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ¹⁾.

Таковы воззрѣнія новѣйшей французской школы. За началомъ народнаго суверенитета отрицается значеніе юридической категоріи, въ лучшемъ смыслѣ за нимъ признается характеръ нравственно-теоретическаго принципа, выражающаго зависимость власти отъ народа²⁾. Но вынести отсюда необходимость того или другого института, а тѣмъ болѣе предопредѣлить его правовую структуру, представляется совершенно невозможнымъ. Всякія попытки этого рода заранѣе обречены на неудачу. Въ частности это относится и къ иммунитету народныхъ представителей.

III.

Въ такомъ же переходномъ состояніи, какъ и ученіе о народномъ суверенитетѣ находится и теорія раздѣленія властей.

Съ самаго начала ученіе Монтеस्कье было понято какъ обще-теоретическое построеніе, какъ система безусловныхъ положеній, имѣющихъ абсолютную цѣнность для всякаго государства. Этимъ предопредѣлилось все дальнѣйшее отношеніе къ его доктринѣ. Между тѣмъ, Монтеस्कье имѣлъ въ виду дать не отвлеченную теорію, а лишь простое объясненіе англійской конституціи³⁾. Съ другой

1) Droit constitutionnel, p. 31 et suiv.

2) По совершенно справедливому замѣчанію Новгородцева, назв. соч., стр. 242, для выраженія идеи зависимости власти отъ народа въ настоящее время юристы пользуются другими понятіями, болѣе скромными, но и болѣе отвѣчающими своей цѣли — понятіемъ о народѣ, какъ о субъектѣ государственной власти, понятіемъ о юридической личности государства и т. п. — Отрицательно къ народному суверенитету какъ юридическому принципу относятся, изъ новѣйшихъ французскихъ писателей, также и M o r e a u, op. cit., p. 14 et suiv., и D' E i c h t h a l, op. cit., p. 85.

3) На это совершенно справедливо было уже указано Н. М. Коркуновымъ, Указъ и Законъ, СПб. 1894, стр. 200 и слѣд.

стороны, „Духъ Законовъ“ отнюдь не стоитъ на точкѣ зрѣнія безусловнаго и полнаго отдѣленія одной власти отъ другой ¹⁾. Расчлененіе государственной власти между тремя независимыми другъ отъ друга системами органовъ было дѣломъ того политическаго ученія, подъ флагомъ котораго прошла французская революція и которое было воспринято Учредительнымъ Собраніемъ. Конституція 3 сентября 1791 г., какъ извѣстно, представляетъ изъ себя типичную попытку доведенія принципа раздѣленія властей до конца ²⁾.

Однако, политическій опытъ въ самой Франціи показалъ, что подобнаго рода эксперименты цѣли не достигаютъ. Равновѣсія властей не получалось, напротивъ того, „séparation des pouvoirs“, на практикѣ, неизмѣнно приводила либо къ порабощенію законодателя исполнительной властью, либо наоборотъ, къ полному подчиненію правительства народному представительству. Съ другой стороны, введеніе парламентаризма, съ вытекающимъ изъ него контролемъ палатъ надъ министерствомъ, не могло не отразиться на политической доктринѣ. Парламентарный режимъ, предполагающій тѣснѣйшую связь и взаимодействіе между законодательствомъ и управленіемъ, находится, несомнѣнно, въ противорѣчьи съ догматомъ раздѣленія властей. При политически отвѣтственномъ министерствѣ трудно говорить о полномъ обособленіи власти исполнительной: высшіе органы послѣдней, напротивъ того, до извѣстной степени сливаются съ законодательными палатами, являясь какъ бы ихъ эманацией. Французскимъ теоретикамъ государственнаго права пришлось поэтому волей неволей внести извѣстныя поправки въ

1) См. выше, стр. 4. Ср. Duguit, Droit constitutionnel, p. 319: „Jamais Montesquieu n'a exposé une théorie de la séparation des pouvoirs impliquant une séparation absolue des organes exerçant la fonctions exécutive et la fonction législative; il estime qu'il doit exister une action continuelle des deux pouvoirs l'un sur l'autre, et une véritable collaboration, et Montesquieu explique d'une manière très nette qu'en Angleterre le pouvoir exécutif participe à la législation, que le pouvoir législatif exerce un contrôle continu sur l'exécutif et que finalement le gouvernement anglais repose sur une collaboration constante et intime des pouvoirs“.

2) Что подъ этимъ ученіемъ скрывалось недовѣріе къ исполнительной власти и стремленіе подчинить ее контролю народнаго представительства, объ этомъ уже была рѣчь въ главѣ I, см. выше стр. 6—7.

традиціонное ученіе. Мало по малу стали также проникать во Францію доктрины германскихъ юристовъ, издавна отрицающихъ самую идею раздѣленія властей. Въ результатъ получилась пестрая картина борьбы между различными направленіями, исходящими изъ діаметрально-противоположныхъ предпосылокъ.

Въ настоящее время, если оставить всторонѣ не имѣющія существеннаго значенія детальныя различія во взглядахъ, во французской литературѣ можно отмѣтить три главнѣйшія направленія.

Въ главѣ одного изъ нихъ стоятъ тѣ два автора, которые и по вопросу о народномъ суверенитетѣ являются представителями традиціонной доктрины. Мы имѣемъ въ виду Лебона и Эсмена.

По мнѣнію перваго изъ нихъ, принципъ раздѣленія властей является и по нынѣ краеугольнымъ камнемъ французскаго государственнаго строя. Онъ окончательно укрѣпленъ законами 1875 г., опредѣляющими организацію государственныхъ властей и ихъ взаимныя отношенія. Однако, терминъ „раздѣленіе властей“ не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ; это „раздѣленіе“ должно существовать въ принципѣ, но не можетъ имѣть абсолютное значеніе. Власти должны взаимно комбинироваться, т. сказ. сростись между собой. Если бы онѣ были рѣзко разграничены, то отъ этого страдало бы нормальное теченіе государственныхъ дѣлъ; такъ, напр., если бы носитель исполнительной власти былъ бы совершенно независимъ отъ власти законодательной, то права гражданъ утратили бы всякую гарантію, законодатель потерялъ бы право на полезный, часто, контроль надъ актами управленія и получилась бы возможность длящихся конфликтовъ между обѣими властями. Если же пойти еще дальше и постановить, что акты управленія не подвѣдомственны судамъ, то этимъ можно подвергнуть величайшей опасности права гражданъ, защиту которыхъ какъ разъ преслѣдуетъ раздѣленіе властей, ибо отнимется возможность обжаловать судебнымъ порядкомъ неправомѣрныя дѣйствія администраціи¹⁾.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Лебона, послѣдо-

1) Op. cit., § 17.

вательное проведеніе начала раздѣленія властей ведетъ къ результатамъ, противоположнымъ тѣмъ, которые достигаются частичнымъ его осуществленіемъ. При этомъ, однако, авторомъ не указывается грань, отдѣляющая полное раздѣленіе отъ частичнаго. Въ качествѣ послѣдствій, вытекающихъ отъ отдѣленія власти законодательной отъ исполнительной, имъ приводится то, что послѣдняя: 1) не можетъ, при посредствѣ указовъ, ни толковать, ни измѣнять, ни отмѣнять законовъ и 2) не вправѣ принимать рѣшенія по вопросамъ, требующимъ законодательнаго разсмотрѣнія. Отдѣленіе же законодательной власти отъ судебной выражается въ томъ, что судъ обязанъ уважать всѣ постановленія, принятія палатами и не можетъ ихъ отмѣнять, измѣнять, критиковать, обсуждать и т. д.

Что же касается отдѣленія власти судебной отъ исполнительной, то оно нашло себѣ выраженіе въ § 2 ст. 127 уголовного кодекса ¹⁾.

Не трудно усмотрѣть, что всѣ перечисляемыя Лебономъ послѣдствія раздѣленія властей сводятся къ тому общему и безспорному принципу, что каждый органъ и каждое учрежденіе имѣютъ свою опредѣленную компетенцію, которую они не вправѣ преступить. Но это начало носить чисто-формальный характеръ: имъ не предрѣшается еще вопросъ о матеріальномъ критеріи для распредѣленія функций власти между отдѣльными органами ея.

Довольно близко къ воззрѣніямъ Лебона подходятъ взгляды Эсмена. Абсолютное раздѣленіе властей имъ, равнымъ образомъ, отвергается. Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ этотъ авторъ, что между различными властями должны установиться постоянныя отношенія и что дѣйствія ихъ должны быть координированы. Неизбѣжно даже, чтобы

1) „Les juges, les procureurs généraux ou du Roi, ou leurs substitués, les officiers de police judiciaire, qui auraient excédé leur pouvoir, en s'immisçant dans les matières attribuées aux autorités administratives, soit en faisant des règlements sur ces matières, soit en défendant d'exécuter les ordres émanés de l'administration ou qui, ayant permis ou ordonné de citer des administrateurs pour raison de l'exercice de leurs fonctions, auraient persisté dans l'exécution de leurs jugements ou ordonnances, nonobstant l'annulation qui en aurait été prononcée ou le conflit qui leur aurait été notifié.“

одна изъ властей, а именно законодательная, получила перевѣсъ надъ другими. Тѣмъ не менѣе, принципъ раздѣленія властей сохраняетъ свою силу: онъ сводится къ тому, что признанныя власти должны имѣть не только отдѣльныхъ, но и независимыхъ другъ отъ друга носителей (titulaires), съ тѣмъ, чтобы ни одна изъ властей не могла по своему усмотрѣнiю смѣщать представителей другой власти¹⁾.

На діаметрально противоположной точкѣ зрѣнiя стоитъ повѣйшая французская школа. Мы остановимся на взглядахъ Д'Эйхтала и Дюги, являющихся, какъ мы выше видѣли, диссидентами и по вопросу о національномъ суверенитетѣ.

По мнѣнiю перваго изъ нихъ, конституція 1875 г. совершенно порвала съ традиціоннымъ ученiемъ. Нынѣ, раздѣ-

1) *Eléments*, p. 371: „Il est bien certain que des rapports constants doivent s'établir entre les divers pouvoirs, et que leur action doit être coordonnée. Il est même inévitable que l'un des pouvoirs ait la prépondérance sur les autres, et celui-là est tout naturellement désigné: c'est le pouvoir législatif. Cela résulte de ce que, par les lois qu'il fait, il est le régulateur de tous les autres, etc. . . . Mais cela étant reconnu, le principe de la séparation des pouvoirs disparaît-il ou perd-il toute utilité? En aucune façon. Il se réduit alors à ceci: que les pouvoirs reconnus distincts doivent avoir des titulaires, non seulement distincts, mais indépendants les uns des autres, en ce sens qu'un des pouvoirs ne puisse pas révoquer à volonté le titulaire d'un autre pouvoir. C'est là, dans l'irrévocabilité réciproque que gît le principe actif et bienfaisant.“ На сходной точкѣ зрѣнiя стоятъ Ducrocq, *Cours de droit administratif*, 7 éd., Par. 1897, t. I, p. 12 et suiv.; Michoud, *La théorie de la personnalité morale*, Par. 1906, t. I, № 111. Особенно отчетливо у Garçonnet, *Précis de procédure civile*, 4 éd. par César-Bru, Par. 1901, p. 9 et. suiv. Отдѣленіе законодательной власти отъ судебной выражается, по мнѣнiю этого автора, въ томъ, что суды не могутъ: 1^о, издавать т. наз. регламенты (réglements), т. е. выносить рѣшенія, заранѣе и въ общей формѣ устанавливающія, какъ судъ отнесется къ тѣмъ или другимъ юридическимъ вопросамъ, если таковые ему будутъ предложены; 2^о, препятствовать приведенію законовъ въ исполненіе и 3^о, оцѣнивать законы съ точки зрѣнiя ихъ конституціонности и оспаривать ихъ обязательную силу. Раздѣленіе судебной и административной (sic) властей сказывается въ томъ, что судьи: а) не вправѣ принимать мѣры, относящіяся исключительно къ администраціи, б) не компетентны для разсмотрѣнiя спорныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ административнымъ судамъ и в) не должны толковать административныя распоряженія, препятствовать ихъ исполненію и ихъ аннулировать.

леніе властей замѣнено формальнымъ сотрудничествомъ президента республики, министровъ и палатъ¹⁾.

Еще категоричнѣе высказывается Дюги, отрицающій какъ состоятельность самого принципа, такъ и фактъ реципированія его дѣйствующими конституціонными законами. „Версальское собраніе, говоритъ Дюги имѣло слишкомъ большую политическую опытность, чтобы хотя на одинъ моментъ подумать взять какъ основу вотируемаго имъ политическаго законодательства метафизическую теорію раздробленія суверенитета на различныя части, суверенныя каждая въ отдѣльности, но образующія въ своемъ соединеніи единый и недѣлимый суверенитетъ. Допустить, что собраніе исходило изъ такой концепціи было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы оно это прямо высказало, но этого оно не сдѣлало ни въ законахъ, ни въ преніяхъ“. „Если, продолжаетъ Дюги, общее начало раздѣленія властей есть норма нашего конституціоннаго права, то никакой текстъ, заключающій въ себѣ принципъ, не мѣшаетъ опредѣлять его смыслъ и значеніе любымъ образомъ. Легко показать, что то, что нынѣ называется раздѣленіемъ властей, есть правило, въ силу котораго существуетъ нѣсколько органовъ представительства сувереннаго народа, внутреннее и постоянное сотрудничество этихъ органовъ, взаимное ихъ воздѣйствіе, а также отдѣленіе административнаго персонала отъ судебнаго, съ предоставленіемъ послѣднему сколь можно значительной независимости. Все наше современное публичное право, вся наша политическая жизнь протестуютъ противъ полнаго изолированія различныхъ органовъ и заключаютъ въ себѣ напротивъ того, ихъ внутреннее проникновеніе“²⁾.

1) Op. cit., p. 151. Cp. p. 152: „Dans cet agencement de gouvernement muni d'un cabinet responsable, sous la direction d'un „premier“, désigné lui-même indirectement par le pouvoir législatif et choisi par le président issu d'un vote des chambres . . . il est impossible de retrouver l'ancienne séparation des pouvoirs : elle a été remplacée par une combinaison d'efforts et de contrôles, une coordination et une hiérarchie de fonctions, les unes d'initiative, les autres de délibération et d'examen, d'autres d'exécution et d'application, d'autres enfin de censure avec droit de châtement, qui toutes concourent à l'oeuvre de gouvernement“.

2) Droit constitutionnel, p. 330, 331. Русск. пер. стр. 439. Къ возрѣніямъ Дюги, находящагося подъ несомнѣннымъ вліяніемъ гер-

Такъ смотритъ на дѣло новѣйшая радикальная школа. Взгляды ея, однако, пока раздѣляются лишь немногими. Большинство современныхъ французскихъ государствовѣдовъ занимаетъ какъ бы среднюю позицію и, признавая, въ принципѣ, догматъ раздѣленія властей, сводитъ его къ распредѣленію функций государственнаго властвованія между различными органами, съ обезпеченіемъ каждому изъ нихъ опредѣленной компетенціи.

Такъ, напр., по мнѣнію Отто Майера раздѣленіе властей заключается въ разграниченіи двухъ видовъ государственнаго волеизъявленія — закона и исполненія — примѣнительно къ способу ихъ возникновенія. Для созданія закона существенно участіе народнаго представительства, въ дѣлѣ же исполненія главную роль играетъ глава государства. Но какъ бы ни было обставлено положеніе носителей власти, въ какія бы они ни вступали отношенія между собой для упражненія той или другой функціи, во внѣ это никогда не проявляется: съ внѣшней стороны, налицо всегда имѣются двѣ отдѣльныя власти¹⁾.

Болѣе опредѣленно высказывается Моро. По его мнѣнію терминъ „pouvoir“ употребляется въ двоякомъ значеніи: имъ обозначаются какъ функціи, такъ и органы государства. Эта терминологическая путаница отразилась и на постановкѣ вопроса о раздѣленіи властей. На самомъ дѣлѣ, здѣсь слѣдуетъ различать двѣ вещи: во первыхъ, вопросъ о томъ, сколько въ государствѣ имѣется отличныхъ другъ отъ друга функций, и во вторыхъ, вопросъ о цѣлесообразности упражненія этихъ функций одними и тѣми же или же различными органами. Первый изъ этихъ вопросовъ

манской доктрины, примыкаетъ Barthélemy, *Le rôle du pouvoir exécutif dans les républiques modernes*, Par. 1906. Ср. слѣдующій passus на стр. 67: „Tout le monde s'accorde à critiquer l'expression de „pouvoir“ exécutif“. Il est bien entendu d'abord qu'il n'y a pas de „pouvoirs“ dans l'Etat, mais des manifestations de l'activité de l'Etat dans des formes diverses: législative, exécutive, judiciaire. Ainsi il n'y a pas de pouvoir exécutif, mais seulement des organes de l'Etat pour la fonction exécutive“.

1) Otto Mayer, *Theorie des französischen Verwaltungsrechts*, Strassb. 1886, S. 2. Майеръ, какъ и многіе французскіе писатели, признаетъ лишь двѣ власти, законодательную и исполнительную.

чисто-научный, классификационный; второй носитъ практической характеръ и относится къ политическому искусству.

Государственныхъ же функций двѣ — законодательная и исполнительная. Первая заключается въ формулировкѣ нормъ, вторая въ ихъ примѣненіи. Проявленія той и другой весьма разнообразны. Такъ, функция законодательная выражается въ дѣятельности учредительной, законодательной въ тѣсномъ смыслѣ и указной; исполнительная же проявляется въ двоякомъ направленіи такъ какъ примѣненіе нормы можетъ быть спорнымъ или безспорнымъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ юрисдикціонной дѣятельностью государства, которая можетъ быть поручена общимъ судебнымъ инстанціямъ или административно-судебнымъ учрежденіямъ; во второмъ, рѣчь идетъ о дѣятельности правительственной или административной, при которой споровъ о примѣненіи правовой нормы не возникаетъ¹⁾.

Для полноты обзора мы остановимся еще на взглядахъ Артюра, посвятившаго вопросу обширную монографію²⁾ Исходная точка зрѣнія автора та, что понятія раздѣленія властей и обособленія государственныхъ функций другъ друга покрываютъ. Функций же три: законодательная, состоящая въ выработкѣ законовъ (подъ которыми Артюръ правила общаго характера), исполнительная, заключающаяся въ управленіи (*gouvernement* и *administration*), и судебная³⁾. Онѣ имѣются въ каждомъ государствѣ, но могутъ быть либо расчленены, либо слиты. Въ послѣднемъ случаѣ много шансовъ за то, чтобы онѣ осуществлялись неудовлетворительнымъ образомъ. При раздѣленіи же ихъ, свобода и право получаютъ большія гарантіи, и произволу удѣляется меньше мѣста. Однако, всѣ три власти должны быть координированы и другъ другу содѣйствовать⁴⁾.

1) Op. cit., p. 18 et suiv.

2) Arthur, *Séparation des pouvoirs et séparation des fonctions*, Par. 1905. Появилась первоначально въ видѣ статей въ *Revue de droit public et de la science politique*, t. XIII и XIV (1900). Наши ссылки относятся къ этимъ статьямъ.

3) *Revue*, XIII, p. 218.

4) „Il est indispensable que les pouvoirs soient séparés: pouvoir législatif en de certaines mains, pouvoirs exécutif en d'autres, pouvoir judiciaire en d'autres. Il faut cependant que ces trois pouvoirs concourent, il faut qu'ils régissent ensemble la société, ce qui nécessite entre eux un certain concert“. Ibid., p. 472.

Для достиженія же этой цѣли существуетъ цѣлый рядъ средствъ. Такъ, глава государства участвуетъ, черезъ совѣтъ министровъ, въ составленіи законовъ, власть законодательная вліяетъ на общую политику и, стало быть, на дѣятельность исполнительной власти, поставляя ей министровъ изъ своей среды и т. п. Точно также, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, судебныя функціи присваиваются парламенту.

Что же, однако, спрашиваетъ себя А р т ю р ь , означаетъ терминъ „власти“ (pouvoirs), когда говорятъ о раздѣленіи ихъ? Тутъ возможно двоякое пониманіе дѣла. Во первыхъ, подъ этимъ словамъ подразумѣваются лица и учрежденія (autorités), коимъ поручено отправленіе отдѣльныхъ функцій и которыя надѣлены достаточной независимостью для осуществленія этой задачи. Независимость же необходима для того, чтобы были „отдѣльныя“ власти. Во вторыхъ, терминъ „власть“ означаетъ лица и учрежденія, назначаемыя непосредственно народнымъ избраніемъ. Это послѣднее значеніе термина власть, однако, обязательно лишь для тѣхъ, кто стоитъ на точкѣ зрѣнія народнаго суверенитета, примѣнительно къ ученію Руссо ¹⁾.

Приведеннаго обзора литературы вполне достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о современномъ положеніи вопроса во Франціи. Традиціонное ученіе о раздробленіи государственной власти между тремя или двумя системами органовъ совершенно оставлено. Весь вопросъ нынѣ сводится къ приуроченію государственныхъ функцій къ отдѣльнымъ, болѣе или менѣе независимымъ другъ отъ друга, органамъ. Къ этому, въ конечномъ анализѣ, приводятъ даже взгляды такого представителя традиціонныхъ воззрѣній какъ Эсменъ. И у него отъ старой „séparation des pouvoirs“ остались одни воспоминанія: всѣ т. наз. „послѣдствія“ принципа, имъ приводимыя, представляютъ изъ себя рядъ публично-правовыхъ положеній, основанныхъ на выяснившейся путемъ продолжительнаго политическаго опыта необходимости гарантировать взаимную независимость и самостоятельность органовъ, вѣдающихъ различныя по существу отрасли государственной дѣятельности, Въ своей новѣйшей формѣ

1) Revue, XIV, p. 63, 64.

французская доктрина раздѣленія властей весьма близко подходит къ выработавшемуся на германской почвѣ учению о формальныхъ и матеріальныхъ государственныхъ функціяхъ ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ и какъ бы, теоретически, ни смотрѣть на начало раздѣленія властей, можно съ увѣренностью сказать, что законы 1875 г. изъ него не исходятъ, а напротивъ того, всецѣло построены на идеѣ сотрудничества отдѣльныхъ государственныхъ органовъ, съ преобладающимъ вліяніемъ палатъ. Это явно вытекаетъ изъ исторіи составленія дѣйствующей конституціи.

Какъ извѣстно, литературное движеніе, которое, ставъ подъ знамя демократизма, обнаружилось въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, незадолго до паденія второй имперіи, было склонно къ увеличенію власти народнаго представительства на счетъ прочихъ государственныхъ органовъ. Прево-Парадоль, наиболѣе талантливый представитель этого направленія, прямо требовалъ признанія превалирующаго значенія нижней палаты. „Необходимо, писалъ онъ въ своей извѣстной книгѣ „La France nouvelle“ (2 éd. Par., 1868), — книгѣ, оказавшей огромное вліяніе на политическое міровоззрѣніе французскаго общества, — чтобы въ случаѣ разногласія между публичными властями, послѣднее слово принадлежало одной изъ нихъ. Если это слово должно принадлежать исполнительной власти, — народное собраніе только совѣщательный органъ, и деспотизмъ установленъ въ самой отвратительной формѣ, ибо, вмѣсто того, чтобы требовать молчаливаго и спокойнаго послушанія, людей собираютъ и запрашиваютъ только для виду, чтобы, въ концѣ концовъ, повиноваться лишь одному, а этотъ сложный видъ повиновенія болѣе торжественъ, болѣе обдуманъ и, стало

1) Вліяніе нѣмецкой идеологіи сказалось и на конструкціи исполнительной власти, сущность которой новѣйшими французскими государствомъдами усматривается не въ одномъ только механическомъ осуществленіи предписаній закона, а также и въ административной дѣятельности, въ представительствѣ государства во внѣ и внутри (Barthélemy), въ созданіи субъективнаго права и правовыхъ состояній (Duguit) и т. п.

быть, болѣе унижителемъ, чѣмъ простое порабощеніе. Если же, напротивъ того, послѣднее слово принадлежитъ народному собранію, то сама нація распоряжается своею судьбою черезъ своихъ представителей, причемъ имѣется то преимущество, что нація можетъ всегда измѣнить свое сужденіе, благодаря возобновленію состава палаты при посредствѣ общихъ выборовъ“.

Когда собралось Версальское Національное Собраніе, почва для отрицательнаго отношенія къ традиціонной доктринѣ была уже вполне подготовлена 2).

Парламентаризмъ и политическая отвѣтственность министровъ, которые предполагались ввести, находились съ ней въ непримиримомъ противорѣчьи — что въ то время вполне уже сознавалось. Поэтому въ основу новой конституціи были положены преобладаніе законодательной власти и — до извѣстной степени — недовѣріе къ власти исполнительной 3) — недовѣріе, которое, какъ мы видѣли, уже на зарѣ конституціонной жизни Франціи явилось важнымъ факторомъ при организаціи властей и ихъ взаимныхъ отношеній.

1) Р, 93.

2) Ср. Hanoteaux, Histoire de la France contemporaine, t. III, p. 397: „A l'époque où la constitution de 1875 fut votée, on savait à quoi s'en tenir. On avait débarrassé la thèse de la couche d'erreurs dont les premiers commentateurs — à commencer par Montesquieu — l'avaient recouverte. Des écrivains anglais, Bagehot, Stuart Mill, Cornevall-Lewis; des écrivains français, Tocqueville et Prévost-Paradol avaient montré à nu le ressort principal de l'organisme. Bagehot notamment, dont l'autorité fut invoquée au cours de la discussion devant l'assemblée nationale, avait apporté deux affirmations qui élucidaient le problème: l'une que le cabinet est un comité du corps législatif choisi pour être le corps exécutif; et l'autre, que la séparation des pouvoirs tant vantée est si peu la caractéristique du parlementarisme que, tout au contraire, sous ce régime, les trois pouvoirs sont étroitement combinés et solidaires“.

3) Какъ замѣчаетъ D'Eichthal, op. cit., p. 153, „cette démocratie jalouse de ses droits souverains, a, soit directement, soit encore plus dans sa représentation élue, conservé contre le pouvoir dit exécutif, des défiances profondes que, jusqu'à un certain point, l'histoire explique, et elle cherche par un effort constant, à faire revivre en sa propre faveur, c. à. d. au profit du pouvoir législatif qu'elle nomme directement, l'ancien principe de la séparation“. Эти слова получаютъ особый смыслъ, если вспомнить, что Мабли, Сійесъ и др. понимали подъ раздѣленіемъ властей, см. выше, стр. 7.

Можно смѣло сказать, что современный государственный строй Франціи не покоится на принципѣ равноправія и самостоятельности властей. То, что въ публицистической литературѣ носитъ названіе „*séparation des pouvoirs*“, со всѣми выводимыми отсюда послѣдствіями, есть ни что иное, какъ рефлексъ тѣхъ или другихъ публично-правовыхъ положеній, составляющихъ общее достояніе всѣхъ культурныхъ народовъ. Ихъ необходимость при этомъ выводится не изъ апріорныхъ постулатовъ, а изъ данныхъ политическаго опыта¹⁾.

IV.

Мы рассмотрѣли тѣ двѣ идеи, которыя съ самаго начала введенія конституціоннаго строя во Франціи признавались краеугольными камнями всего новаго государственнаго зданія. Намъ пришлось убѣдиться, что въ настоящее время ни принципъ раздѣленія властей, ни догматъ народнаго суверенитета теоретическимъ оправданіемъ тѣхъ или другихъ институтовъ служить не могутъ.

Это, въ частности, относится и къ привилегіямъ народныхъ представителей. Лишь крайне поверхностнымъ знакомствомъ съ современной французской литературой публичнаго права можно объяснить все еще часто встрѣчающееся утвержденіе, будто въ основѣ безотвѣтственности и неприкосновенности лежатъ упомянутыя начала. Ни то,

1) На этой точкѣ зрѣнія вполне ясно и опредѣленно стоитъ, изъ новѣйшихъ писателей, Léon Marie, *Le droit positif et la juridiction administrative*, Par. 1903, t. I, p. 403: „Dans la réalité en effet, l'organisation politique et administrative française, est loin de reposer sur une séparation des pouvoirs aussi nettement tranchée que celle qui vient d'être indiquée. La législation positive française reconnaît bien l'existence dans l'Etat de deux organes distincts, dont l'un porte le titre de pouvoir législatif et l'autre la qualification de pouvoir exécutif, organes qui agissent au lieu et place de la nation souveraine, et dont celle-ci fait siens les actes et les décisions; mais entre ces deux organes il n'y a pas la répartition d'attributions que comporterait logiquement la séparation des pouvoirs comprise comme il vient d'être dit ci-dessus, etc.“. На самомъ дѣлѣ, если юридическіе термины и понятія имѣютъ какой-нибудь опредѣленный смыслъ, то „раздѣленіе властей“, заключающееся въ сотрудничествѣ разнородныхъ по упражняемымъ функціямъ органовъ, есть non-sens. „Раздѣленіе властей“, существуетъ или его нѣтъ. Tertium non datur. Ср. Barthélemy, *op. cit.*, p. 629 et suiv.

ни другое нынѣ не выставляется въ качествѣ достаточнаго оправданія того исключительнаго положенія, которымъ пользуются члены парламента. Если народный суверенитетъ или раздѣленіе властей и приводятся въ качествѣ обоснованія иммунитета, то это дѣлается скорѣе по инерціи, чѣмъ въ силу сознанія внутренней необходимости¹⁾. Рядомъ съ этимъ, какъ вы выше видѣли, постоянно приводится соображенія утилитарнаго свойства и въ нихъ, дѣйствительно, лежитъ центръ тяжести вопроса. Нельзя забывать историческаго происхожденія иммунитета. Возникъ онъ въ то время, когда на ряду съ исконной королевской властью нарождалась новая — власть народного представительства. Послѣдняя, какъ мы выше видѣли, имѣла полное основаніе опасаться правительства, власти исполнительной; чтобы оградить себя отъ ея возможныхъ посягательствъ, Національное Собраніе провозглашаетъ депутатовъ неприкосновенными, т. е. переноситъ на нихъ одинъ изъ атрибутовъ королевскаго достоинства. Практически, „inviolabilité“ выливается въ рядъ положеній, имѣющихъ цѣлью защитить представителей народа отъ возможныхъ посягательствъ на ихъ свободу — въ прямомъ и переносномъ смыслѣ. Иммунитетъ, такимъ образомъ, возникъ въ качествѣ боевого лозунга, а отнюдь не принципа, вытекающаго изъ существа представительнаго, демократическаго, конституціоннаго, парламентарнаго или иного строя. Этотъ характеръ, въ общемъ, сохранился за нимъ и въ дѣйствующемъ правѣ: привилегіи существуютъ для того, чтобы депутаты хорошо исполняли свои обязанности. Такова его жизненная, реальная подкладка, соотвѣтствующая историческому ходу событій²⁾.

1) Любопытно, что самъ Duguit, категорически отвергающій какъ народный суверенитетъ, такъ и раздѣленіе властей, въ одномъ мѣстѣ отдаетъ дань традиціи. „L'inviolabilité, читаемъ мы на стр. 814 его Droit constitutionnel, pas plus que l'irresponsabilité n'est établie à vrai dire dans l'intérêt du député qui en profite, mais dans l'intérêt du parlement, dans l'intérêt peut on dire, de la souveraineté nationale que le parlement est sensé représenter“.

2) Мы должны сдѣлать оговорку въ томъ смыслѣ, что все сказанное относится исключительно къ Франціи. Въ другихъ странахъ пройденный историческій путь былъ совершенно иной, и иммунитетъ вслѣдствіе этого получилъ совершенно другую окраску.

Одсюда, однако, вытекаетъ одинъ весьма существенный выводъ, а именно тотъ, что объемъ иммунитета не есть нѣчто априорно данное, неизмѣнное и неизбежное. Напротивъ того, этотъ объемъ можетъ и долженъ измѣняться въ зависимости отъ политическихъ и социальныхъ условий. Предоставляемая народнымъ представителямъ привилегія должны находиться въ тѣсной связи съ существующей политической обстановкой. Чѣмъ прочнѣе гарантіи личной свободы, чѣмъ крѣпче узы между законодателемъ и исполнительной властью, тѣмъ меньше имѣется оснований для поставленія депутатовъ въ исключительно-привилегированное положеніе. Наоборотъ, чѣмъ прекарнѣе положеніе народнаго представительства, чѣмъ большія опасности грозятъ ему со стороны сильнаго и независимаго правительства и находящихся у него въ подчиненіи судовъ, тѣмъ интенсивность иммунитета должна быть больше, тѣмъ прочнѣе должна быть та стѣна, которая ограждаетъ депутатовъ отъ покушеній правительственной власти.

Справедливость требуетъ, однако, признать, что на эту сторону вопроса во Франціи не обращается никакого вниманія. Иммунитетъ разсматривается какъ нѣчто, данное разъ на всегда и стоящее внѣ условий времени и пространства¹⁾. Равнымъ образомъ совершенно игнорируется возможность злоупотребленія со стороны депутатовъ предоставленной имъ свободой: какъ будто бы предполагается, что такого злоупотребленія и быть не можетъ. Между тѣмъ, въ другихъ странахъ, какъ напр. въ Германіи, на этотъ вопросъ за послѣднее время обращено серьезное вниманіе. Все это придаетъ французскому ученію объ иммунитетѣ какой-то характеръ неподвижности и отрѣшенности отъ жизненныхъ потребностей.

1) Едва ли не единственное исключеніе представляетъ изъ себя Rossi, Cours de droit constitutionnel (Oeuvres complètes, Par. 1867, t. IV), 77-me leçon, p. 14. Но и у этого писателя дѣло ограничивается бѣглымъ замѣчаніемъ о томъ, что чѣмъ слабѣе гарантіи личности, тѣмъ интенсивнѣе должна быть привилегія неприкосновенности.

Глава восьмая.

Юридическая природа иммунитета.

I.

Въ противоположность германской, французская литература отличается полнымъ единодушіемъ по вопросу о юридической структурѣ иммунитета народныхъ представителей. Въ это время какъ по ту сторону Рейна спорять о томъ, представляютъ ли изъ себя привилегіи членовъ законодательныхъ собраній субъективное право этихъ лицъ или же только рефлексъ объективной нормы¹⁾, во Франціи издавна признается, что иммунитетъ установленъ не въ частномъ, а въ общемъ, публичномъ интересѣ²⁾: охраной пользуются не отдѣльные депутаты, а народное представительство какъ таковое.

Отсюда вытекаетъ, что отказъ отъ привилегіи со стороны заинтересованнаго лица не допустимъ — и въ этомъ сходятся какъ теорія³⁾, такъ и парламентская и судебная

1) См. напр., Laband, Staatsrecht des deutschen Reiches, 4-e Auf., Tüb. 1901, B. I, S. 329 ff., Jellinek, System der subjektiven öffentlichen Rechte, Freib. 1892, S. 161 ff.; Hubrich, op. cit., S. 340 ff.

2) Вполнѣ отчетливая постановка вопроса у Duguit, L'état, les gouvernants et les agents, Par. 1903, p. 195 et suiv., также Droit constitutionnel, p. 814. Ср. Curet, L'immunité accordée par la législation française aux discours et à la reproduction des discours tenus dans les chambres, Aix, 1908, p. 51 et suiv., и Savelli, Della immunità parlamentare in Francia, Fir. 1908, p. 21, 22.

3) См., напр., Moreau, op. cit. p. 244; Pierre, op. cit., № 1063. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ communis opinio doctorum. Само собою разумѣется при этомъ, что практическое значеніе можетъ имѣть только отказъ отъ неприкосновенности, такъ какъ существо безответственности состоитъ въ томъ, что суды вообще лишены возможности принимать къ своему разсмотрѣнію какія бы то ни было жалобы на депутатовъ по поводу сказаннаго ими съ трибуны.

практика¹⁾. Принципъ проводится настолько строго, что члену парламента, къ которому предъявленъ встрѣчный искъ, не разрѣшается безъ дозволенія палаты отвѣчать по нему. Такъ, напр., сенаторъ или депутатъ, возбудившій противъ кого-нибудь уголовное преслѣдованіе (напр. за оскорбленіе) не могъ бы, безъ предварительнаго испрошенія согласія палаты, быть привлеченъ къ отвѣтственности по встрѣчной жалобѣ этого лица. Вопросъ разрѣшенъ былъ въ указанномъ смыслѣ еще въ 1865 г. Безансонскимъ судомъ и съ тѣхъ поръ, повидимому, сомнѣній не возбуждаетъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса о содержаніи понятій безотвѣтственности и неприкосновенности.

II.

Сущность т. наз. привилегіи свободы слова заключается по французскому праву въ томъ, что рѣчи, произносимыя депутатами при исполненіи ими своихъ обязанностей, а равно документы и отчеты о засѣданіяхъ, отпечатанные по распоряженію палаты, по принадлежности, не могутъ служить поводомъ къ привлеченію ихъ авторовъ къ какой либо отвѣтственности, хотя бы они и заключали въ себѣ полный составъ преступленія или проступка. Исключенными являются при этомъ какъ уголовное преслѣдованіе — безразлично, въ порядкѣ публичнаго или частнаго обвиненія — такъ и гражданскій искъ. Единственная кара, которой можетъ подвергнуться народный представитель — дисциплинарное взысканіе со стороны предсѣдателя палаты.

Спрашивается, однако, какова юридическая структура безотвѣтственности — по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія французскихъ юристовъ?

Въ данномъ отношеніи мы имѣемъ дѣло съ двумя воззрѣніями. Согласно одному изъ нихъ, привилегія носитъ матеріально-правовой характеръ. Иммунизированными являются сами рѣчи, произносимыя депутатами при отправленіи ими своихъ служебныхъ обязанностей. Эта конструкция въ настоящее время можетъ считаться господствующею, ее защищаютъ такіе авторитеты, какъ напр., Эсменъ,

1) См., напр., рѣшенія судовъ: Reims, 29. III. 62; Besançon, 10. IV. 65; Paris, 24. VI. 92. Chartier. op. cit., p. 61.

усматривающей въ безотвѣтственности своего рода *dispensatio generalis* отъ уголовного закона, установленную въ пользу народныхъ представителей¹⁾.

Другое направлѣніе исходитъ изъ принципа неподсудности дѣйствій народныхъ представителей судебнымъ властямъ. Неподсудность эта, въ свою очередь, выводится изъ самостоятельности и независимости палатъ, входящихъ въ составъ властей — носительницъ суверенитета²⁾.

Ни та ни другая точка зрѣнія, однако, не является выдержанной до конца. Какъ мы сейчасъ увидимъ, законы и судебная практика не признаютъ рѣчей народныхъ представителей сами по себѣ покрытыми безотвѣтственностью, такъ какъ иммунитетомъ онѣ пользуются лишь при наличности извѣстныхъ условій. Съ другой стороны, не всѣ дѣйствія, совершаемыя въ палатахъ народными представителями, являются иммунизированными: — безотвѣтственность покрываетъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ.

Чтобы разобраться въ этихъ конструкціяхъ, остановимся прежде всего на вопросѣ объ объемѣ свободы слова.

Согласно буквальному смыслу ст. 13 закона 16 іюля 1875 г.³⁾, иммунитетъ распространяется на всѣ дѣйствія, совершенныя депутатомъ или сенаторомъ при исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей безотносительно къ тому, гдѣ эти дѣйствія совершены. Безразлично, поэтому, произнесена ли была рѣчь или имѣло мѣсто голосованіе въ пленарномъ собраніи, въ засѣданіи комисіи или отдѣла или даже во время парламентарной анкеты. До 1875 г. вопросъ могъ считаться спорнымъ: за-

1) *Eléments*, p. 805: „*Sous la forme que lui donne notre loi constitutionnelle, c'est en quelque sorte une dispense générale de la loi pénale pour tous les actes que le sénateur ou le député accomplit dans l'exercice même de ces fonctions, et qui peuvent contenir un délit faisant corps avec l'exercice de ces fonctions*“.

2) Связь этого воззрѣнія съ ученіемъ о раздѣленіи властей очевидна. Типичны утвержденія *Chartier*, *op. cit.*, p. 24: *L'irresponsabilité qui couvre d'une façon générale les paroles et les votes des représentants du pays ne permet pas que les actes du Sénat et de la Chambre des députés soient appréciés par les tribunaux; ils échappent à la compétence de toutes les juridictions parce que les deux chambres font partie des pouvoirs publics dans l'ensemble desquels réside la souveraineté*. *Cp. Pierre*, *op. cit.*, № 1118.

3) „*Opinions ou votes émis . . . dans l'exercice de ses fonctions*“.

конъ 1819 г., конституція 1848 г. и декретъ 2 февраля 1852 г. говорили о „opinions émises au sein de l'assemblée“¹⁾. На практикѣ, повидимому, превалировано ограничительное толкованіе. Во время преній по поводу закона 1819 г. ораторы постоянно возвращались къ той мысли, что свобода слова потому не представляетъ изъ себя опасности, что все сказанное съ трибуны контролируется собраніемъ и его предсѣдателемъ²⁾. Наиболѣе видный толкователь закона 1819 г., Шассанъ, говоря о положеніи членовъ парламента, исходитъ все время изъ предположенія, что рѣчи, покрытыя безотвѣтственностью, произнесены были въ присутствіи всей палаты³⁾.

Въ настоящее время, благодаря широкой формулировкѣ закона 1875 г., не подлежитъ сомнѣнію, что существеннымъ реквизитомъ для иммунизированія дѣйствія депутата является совершеніе его при исполненіи имъ своихъ обязанностей. Съ этимъ положеніемъ согласны рѣшительно всѣ толкователи французскаго права⁴⁾. Но зато, если упомянутое условіе достаточно, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, и необходимо: дѣйствія, совершенныя внѣ исполненія депутатами ихъ профессиональныхъ обязанностей, привилегіей не покрываются. Сюда относятся не только поступки депутата, входящіе въ сферу его частной жизни, но также и всевозможнаго рода обращенія къ избирателямъ, рѣчи на митингахъ, въ различныхъ собраніяхъ и даже въ зданіи парламента, если только депутатъ,

1) Хартиі 1814 и 1830 г.г. вовсе обходили вопросъ молчаніемъ.

2) См. засѣданіе 19 апрѣля 1819 г. Министръ Юстиціи: „Mais il ne faut pas étendre ce privilège à ce qui ne fait point partie de nos délibérations: or elles se composent uniquement de ce qui est proféré à haute voix dans cette chambre“. Королевскій Коммисаръ Кювье: . . . il est très possible qu'un député entraîné par le sentiment de justice et de sagesse qu'il croit voir dans son opinion, laisse échapper des paroles indiscrettes qu'il aurait retenu dans le calme de l'opinion écrite. Ici, il y a encore une garantie: la chambre peut reprendre l'orateur, elle peut le censurer, etc.“. Moniteur отъ 21 апрѣля, № 111.

3) Chassan, Traité des délits et contravention de la parole, 2 éd., Par. 1846, t. I, p. 61 et suiv.

4) Duguit, Droit constitutionnel, p. 810; Pierre, op. cit., № 1113, Barbier, Code expliqué de la presse, Par. 1887, t. II, p. 259; Chartier, op. cit., p. 33; Garraud, Précis de droit criminel, 10 éd., Par. 1909, p. 113.

въ данномъ случаѣ, выступалъ какъ частное лицо ¹⁾. Однако, понятіе „при исполненіи обязанностей“ толкуется практикой довольно широко. Она относитъ сюда не только непосредственное участіе ихъ въ преніяхъ палаты и ихъ комиссій, но и выступления въ качествѣ экспертовъ ²⁾.

Такимъ образомъ, иммунитетъ покрываетъ собой все сказанное народнымъ представителемъ *ex professo*. Иное дѣло рѣчи не произнесенныя, но впослѣдствіи опубликованныя ихъ авторами. Уже въ 1819 г. Лэнэ, какъ мы видѣли ³⁾, предложено было распространить привилегію на рѣчи, которыя депутаты, хотя и не умѣли произнести, но напечатали и роздали своимъ коллегамъ. Противъ этой поправки выступилъ министръ юстиціи де-Серръ. „Рѣчь, говорилъ онъ, отдѣльно напечатанная, обойдетъ отдѣльно и все королевство; однако она была произнесена не отдѣльно. Если въ ней заключаются оскорбленія, на нихъ, быть можетъ, было тотчасъ же отвѣчено въ палатѣ. Преимущество вашихъ дебатовъ заключается въ томъ, что они полны; — если зло совершено, оно тотчасъ же можетъ быть исправлено“ ⁴⁾.

Аргументація эта убѣдила палату, которая и отвергла предложеніе Лэнэ. Съ тѣхъ поръ какъ теорія, такъ и практика твердо держатся той точки зрѣнія, что только произнесенныя рѣчи не влекутъ за собой отвѣтственности. Рѣчи же, опубликованныя депутатомъ *proprío motu* или какимъ нибудь другимъ лицомъ, напротивъ того, привилегіей не покрываются ⁵⁾.

1) Въ 1896 г. Тулузскій судъ призналъ по дѣлу *Resseguier-Jaurès*, что депутатъ, склоняющій рабочихъ къ организаци стачки, подлежитъ отвѣтственности за свои рѣчи. Кассационный судъ 29 мая 1897 г. утвердилъ это рѣшеніе.

2) Въ 1903 г. администрація газеты „*Le Français*“ возбудила дѣло противъ сенатора Е.-В., заявившаго въ одной комисіи, куда онъ вызванъ былъ въ качествѣ эксперта, что авторъ одной изъ статей, появившихся въ этой газетѣ, былъ подкупленъ. Образованная для разсмотрѣнія этого дѣла парламентская комиссія высказалась противъ выдачи Е.-В. судебной власти. *Pierre*, *op. cit.*, *Supplément*, № 1114.

3) См. выше, стр. 61.

4) *Moniteur* отъ 21 апрѣля 1819 г.

5) См. напр., *Chassan*, *op. cit.*, t. I, p. 63 et suiv.; *Barbier*, *Code expliqué de la presse*, Par. 1887, t. II, p. 259. Правда, ст. 150 наказа палаты

Такимъ образомъ, иммунизированными являются парламентскіе дебаты въ ихъ цѣломъ, включая сюда весь матеріалъ, легшій въ основу преній, буде таковой былъ представленъ кѣмъ-либо изъ членовъ той или другой палаты¹⁾. Но отрывки парламентскаго дѣлопроизводства, будь то отдѣльная рѣчь, или часть ея, или фигурировавшій во время преній документъ, не подпадаютъ подъ дѣйствіе привилегіи, и ни авторъ, ни издатель ихъ не освобождаются отъ отвѣтственности въ случаѣ опубликованія ихъ. Такъ, напр., Сенскій исправительный судъ приговорилъ въ 1897 г. за диффамачію нѣкоего Берто, издателя журнала „Revue antisémite“ за напечатаніе въ этомъ органѣ статьи депутата Каstelléна, состоявшей изъ выписокъ изъ его рѣчей²⁾.

Абсолютный характеръ привилегіи, устраняющій всякую отвѣтственность народнаго представителя, приводитъ современную французскую доктрину, равно какъ и судебную практику къ отказу заинтересованнымъ лицамъ въ правѣ возраженія на заявленія, сдѣланныя съ трибуны и попавшія затѣмъ въ печать³⁾. До 1852 г. вопросъ представлялся довольно спорнымъ, такъ какъ въ то время официальныхъ

постановляетъ, что „депутатъ можетъ на свой счетъ отпечатать и свободно роздать произнесенную имъ рѣчь“, однако эта статья иммунитета не обезпечиваетъ. Sic: Meynier de Salinelles, *Les garanties d'indépendance et de liberté des membres du parlement*, Poit. 1892, p. 100.

1) Документы, исходящіе отъ постороннихъ лицъ, иммунитетомъ не пользуются. Сюда относятся всякаго рода петиціи, протесты по поводу избирательныхъ операцій и т. п. См. Barbier, *op. cit.*, t. II, p. 260 и приведенная у него юриспруденція; Chartier, *op. cit.*, p. 35 et suiv. При обсужденіи проекта закона 1819 г. Манюэлемъ сдѣлано было предложеніе распространить привилегію и на петиціи, подаваемые въ палаты, но собраніе единодушно высказалось противъ этой поправки. Moniteur, *loc. cit.*

2) „Attendu, говоритъ рѣшеніе, qu'il ne peut être licite de s'approprier les termes et assertions d'un discours ayant joui, lors qu'il a été prononcé, d'une immunité pour le rééditer plusieurs mois après, même dans un but patriotique, dans un brochure soumise aux obligations et aux responsabilités de la loi de 1881“. Curet, *op. cit.*, p. 103.

3) Согласно ст. 13 закона о печати 1881 г (= ст. 11 зак. 1819 г.) издатель обязанъ въ трехдевный срокъ или въ ближайшемъ номерѣ помѣстить возраженіе всякаго названнаго или указаннаго въ данномъ органѣ лица.

отчетовъ о засѣданіяхъ палатъ не существовало, и каждый органъ печати воспроизводилъ на свой страхъ и рискъ доставлявшійся его корреспондентами матеріаль. При такихъ условіяхъ понятно, что суды склонялись къ разрѣшенію вопроса о правѣ отвѣта въ положительномъ смыслѣ. Дѣло измѣнилось послѣ изданія конституціи 1852 г. Согласно ст. 42 этого акта отчетность о засѣданіяхъ Законодательнаго Корпуса при посредствѣ газетъ или иныхъ способовъ гласности должна была заключаться въ воспроизведеніи протокола, составляемаго въ концѣ cadaго засѣданія подъ руководствомъ предсѣдателя. Соотвѣтственно этому измѣнилась и юриспруденція, которая стала на ту точку зрѣнія, что разъ опубликованный какимъ либо органомъ печати отчетъ представляетъ изъ себя не плодъ творчества, а оффиціальныи документъ, то не можетъ быть рѣчи объ обязанности издателя печатать какія-бы то ни были возраженія, исходящія отъ частныхъ лицъ¹⁾.

Въ настоящее время издаются лишь необязательные, но оффиціальныи отчеты, которые публикуются въ *Journal Officiel*. Эти отчеты покрыты иммунитетомъ и, буде составлены *bona fide*, не могутъ вызвать привлеченія къ отвѣтственности издателя или редактора газеты, ихъ воспроизведшей. Равнымъ образомъ они, какъ это признано современной практикой, не даютъ заинтересованнымъ лицамъ права возраженія.

Послѣдній вопросъ, на которомъ намъ надлежитъ остановиться въ данной связи, касается голосованій народныхъ представителей. Ст. 13 закона 16 іюля 1875 г. покрываетъ иммунитетомъ, какъ мы выше видѣли, не только мнѣнія членовъ парламента, но и ихъ вотумы. Можно, однако, себя спросить, какимъ образомъ, вообще говоря, голосованіе можетъ, само по себѣ, оказаться преступнымъ? По совершенно справедливому замѣчанію Эсмена, о незаконности вотума можетъ быть рѣчь только въ томъ случаѣ, когда онъ самъ является результатомъ какого нибудь преступнаго дѣйствія со стороны депутата²⁾. Возникаетъ

1) *Eléments*, p. 805.

2) См. дѣло *Leymarie y Pierre*, *op. cit.*, № 1116.

поэтому дальнѣйшій вопросъ: подлежатъ ли народные представители отвѣтственности въ томъ случаѣ, когда мотивами ихъ поведенія въ парламентѣ являются какъ разъ подобнаго рода дѣйствія?

До 1889 г. вопросъ этотъ считался спорнымъ, такъ какъ прямыхъ указаній въ законѣ не содержалось. Ст. 177 code pénal, предусматривающая взяточничество и подкупъ, относится, строго говоря, только къ должностнымъ лицамъ административнаго и судебнаго вѣдомствъ (fonctionnaires publics de l'ordre administratif et judiciaire). Тѣмъ не менѣе, на практикѣ, она получила распространительное толкованіе, и судебные анналы зарегистрировали нѣсколько случаевъ возбужденія преслѣдованія по этой статьѣ противъ членовъ представительныхъ учреждений. Въ 1888 г. вспыхнуло скандальное дѣло Вильсона: послѣдній, вмѣстѣ съ другими депутатами, уличенъ былъ въ томъ, что обѣщалъ нѣкому Среспин де ла Жанвигере выхлопотать ему орденъ Почетнаго Легіона за вознагражденіе въ 20,000 франковъ. Сенскій исправительный судъ призналъ названныхъ лицъ виновными, но приговоръ отмѣненъ былъ апелляціонной инстанціей за отсутствіемъ состава преступления¹⁾.

Дѣло это, крайне взволновавшее общественное мнѣніе, послужило непосредственнымъ поводомъ къ изданію 4 іюля 1889 особаго закона, предусматривающаго мздоимство и лихоимство со стороны народныхъ представителей²⁾.

Этимъ, однако, нисколько не былъ подорванъ принципъ, выраженный въ ст. 13 закона 16 іюля. На самомъ дѣлѣ, голосованіе депутатовъ можетъ носить преступный характеръ лишь въ томъ случаѣ, если оно является послѣдствіемъ дѣйствій, закономъ воспрещенныхъ. При оцѣнкѣ этихъ дѣй-

1) См. Curet, op. cit., p. 69.

2) Законъ 1889 г. включенъ былъ въ составъ 177 ст. code pénal. „Sera puni des mêmes peines (т. е. штрафу, равному двойной цѣнѣ взятки, но не менѣе 200 франковъ), toute personne investie d'un mandat électif, qui aura agréé des offres ou promesses ou reçu des dons ou présents pour faire obtenir ou tenter de faire obtenir des décorations, médailles, distinctions ou récompenses, des places, fonctions, ou emplois, des faveurs quelconques, accordées, par l'autorité publique, des marchés, entreprises, ou autres bénéfices résultant de traités conclus également avec l'autorité publique, et aura ainsi abusé de l'influence réelle ou supposée que lui donne son mandat“.

ствій съ уголовной точки зрѣнія, вотумъ въ расчетъ не принимается: депутатъ несетъ отвѣтственность за все совершенное имъ, кромѣ подачи голоса. При этомъ совершенно безразлично, по какимъ именно мотивамъ голосовалъ депутатъ и даже голосовалъ ли онъ вообще: основаніе къ возбужденію преслѣдованія имѣется на лицо, если народнымъ представителемъ учинено одно изъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ ст. 177 уголовного уложенія¹⁾.

III.

Юридическая структура неприкосновенности значительно сложнѣе свободы слова. Здѣсь возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, до сихъ поръ окончательно не разрѣшенныхъ и вызывающихъ споръ какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Юридическій анализъ „inviolabilité“ никакъ не можетъ быть признанъ законченнымъ, ибо по цѣлому ряду пунктовъ мы встрѣчаемся съ неясностями и противорѣчіями.

Въ общемъ, существо привилегіи заключается въ томъ, что во время сессіи народный представитель можетъ подвергнуться преслѣдованію, за исключеніемъ случая *flagrant délit*, лишь съ согласія той палаты, въ составъ которой онъ входитъ. Всѣ совершенныя имъ правонарушенія сохраняютъ свой преступный характеръ; онѣ отнюдь не иммунизируются, но судебная (*lato sensu*) процедура отсрочивается до окончанія сессіи. Привилегія, такимъ образомъ, носитъ не матеріально-, а формально-правовой, процессуальный характеръ. Такова отправная точка зрѣнія законодателя. Но ею еще не предрѣшается ни объемъ неприкосновенности, ни юридическая структура отдѣльныхъ его элементовъ.

Прежде всего необходимо точно опредѣлить, какія именно дѣянія подпадаютъ подъ привилегію. Французское право, какъ извѣстно, различаетъ преступления (*crimes*), проступки (*délits*) и полицейскія правонарушенія (*contraventions de simple police*). Спрашивается теперь, покрываются ли не-

1) Эта точка зрѣнія въ настоящее время общепринята во французской литературѣ, см. Esmein, *loc. cit.*; Duguit, *op. cit.*, p. 811; Moreau, *op. cit.*, p. 243, и др. Руководящее значеніе имѣетъ рѣшеніе кассационнаго суда по дѣлу Лессенса, см. Curet, *op. cit.*, p. 72 et suiv.

прикосновенностью дѣянiя всѣхъ трехъ видовъ или только нѣкоторыя изъ нихъ? Вопросъ этотъ какъ былъ прежде, такъ и понынѣ остался спорнымъ. Хартии 1814 и 1830 гг., конституція 1848 г. и декретъ 1852 г. говорили о „matières criminelles“, не опредѣляя ближайшимъ образомъ этого понятiя. По мнѣнiю одной группы писателей, опиравшихся на кассационное рѣшенiе отъ 1833 г., привилегiя не распространялась на полицейскiя правонарушенiя. Другiе авторы, напротивъ того, противопоставляя „matières criminelles“ „matières civiles“, толковали соотвѣтственные статьи распространительно. Эта послѣдняя точка зрѣнiя была усвоена сенатусъ-консультумъ 4 iюня 1858 г., опредѣлившимъ компетенцiю Верховнаго Суда. Этимъ актомъ предусматривались не только преступленiя и проступки, но и „contraventions entraînant la peine de l'emprisonnement (ст. 6)“. Такимъ образомъ, постановленiя декрета 2 февраля 1852 г. получили аутентическое распространительное толкованiе¹⁾.

Дѣйствующiй нынѣ законъ 1875 г. упоминаетъ, какъ мы видѣли, лишь о „matière criminelle et correctionnelle“. На первый взглядъ, казалось бы, подведенiе подъ это понятiе полицейскихъ правонарушенiй совершенно исключено. Многiе авторы, какъ, напр., Дюги²⁾ и Эсменъ³⁾, и придерживаются этой точки зрѣнiя. Оба при этомъ указываютъ на то, что сколько нибудь серьезное значенiе въ смыслѣ покушенiя на независимость депутата могутъ имѣть лишь преслѣдованiя по болѣе важнымъ дѣламъ, ибо въ данномъ случаѣ какъ мѣры пресѣченiя, такъ и сами наказанiя затрагиваютъ существенныя права личности⁴⁾.

Съ другой стороны, однако, слѣдуетъ замѣтить, что по французскому праву нѣкоторыя правонарушенiя обложены, сравнительно, тяжелымъ наказанiемъ, а именно арестомъ⁵⁾; лица же, приговоренныя къ штрафу, въ случаѣ неуплаты

1) См. Chartier, op. cit., p. 94 et suiv.

2) Droit constitutionnel, p. 816.

3) Eléments, p. 810.

4) Того же мнѣнiя Meunier de Salinelles, op. cit., p. 139 et suiv.; Massougnés des Fontaines, op. cit., p. 88 et suiv.; Moreau, op. cit., p. 245; Garraud, Traité d'instruction criminelle et de procédure pénale, Par. 1907, t. I, p. 374.

5) Code pénal, art. 464.

такового, подлежать задержанію на срокъ не свыше 15 дней ¹⁾. Наконецъ, въ случаѣ подачи апелляціонной жалобы, виновный можетъ оказаться подсуднымъ высшей инстанціи, а именно суду исправительной полиціи ²⁾. Въ виду этихъ соображеній нѣкоторые писатели и высказываются за распространительное толкованіе закона 1875 г., признавая вмѣстѣ съ тѣмъ такое толкованіе болѣе соответствующимъ общему духу парламентской неприкосновенности ³⁾.

На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и новѣйшая практика. Въ 1886 г. въ этомъ смыслѣ категорически высказался предсѣдатель Палаты депутатовъ, и съ нимъ согласился департаментъ уголовныхъ дѣлъ министерства юстиціи. Далѣе, въ 1892 г. были привлечены къ отвѣтственности два депутата — одинъ за нарушеніе закона о собраніяхъ, другой за нарушеніе обязательнаго постановленія, изданнаго префектомъ. Узнавъ объ этомъ, президентъ Палаты увѣдомилъ министра юстиціи, что, по его мнѣнію, нарушены прерогативы парламента. Министръ отказался войти въ обсужденіе юридической стороны вопроса, но тѣмъ не менѣе распорядился о томъ, чтобы вызовъ обвиняемыхъ въ судъ былъ произведенъ лишь по окончаніи сессіи ⁴⁾. Аналогическій случай имѣлъ мѣсто въ 1904 г. Одинъ изъ членовъ Палаты депутатовъ былъ вызванъ въ Дурданскій полицейскій судъ за нарушеніе постановленій, регулирующихъ автомобильную ѣзду. Предсѣдатель Палаты возбудилъ ходатайство о приостановкѣ дѣла до окончанія сессіи, на что министерство юстиціи выразило свое согласіе ⁵⁾.

Несмотря, однако, на всѣ эти прецеденты, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что распространительное толкованіе постановленія ст. 14 закона 1875 г. сколько нибудь вѣскихъ юридическихъ основаній за собой не имѣетъ. Къ этому выводу приводитъ какъ буквальный смыслъ статьи, такъ и исторія ея составленія. На самомъ дѣлѣ, бельгійская кон-

1) Ibid., art. 467.

2) Code d'instruction criminelle, art. 174.

3) Сюда относятся, напр., Pierre, op. cit., № 1081; Chartier, op. cit., p. 96.

4) Pierre, op. cit., №№ 1081, 1082.

5) Pierre, op. cit., Supplément, № 1081.

ституція, послужившая въ данномъ случаѣ образцомъ¹⁾, говоритъ о неприкосновенности „en matière de repression“, причемъ эта формула была признана эквивалентной предложенной комиссией редакціи „en matière criminelle, correctionnelle et de simple police“. Отсюда, а contrario, можно сдѣлать выводъ, что французскій законодатель не безъ намѣренія опустилъ послѣдній терминъ формулы, упомянувъ лишь о преступленіяхъ и проступкахъ. Принятое же практикой направленіе является однимъ изъ проявленій отмѣченнаго нами уже выше стремленія французскаго парламента какъ можно упорнѣе ограждать себя отъ воздѣйствія исполнительной и судебной властей.

Такимъ образомъ, вопросъ о полицейскихъ правонарушеніяхъ можетъ считаться открытымъ. Если его оставить въ сторонѣ, то слѣдуетъ отмѣтить, что иммунитетъ покрываетъ собой всѣ преступныя дѣянія, совершенныя народными представителями, безотносительно къ тому, имѣютъ ли они отношеніе къ ихъ служебнымъ обязанностямъ или нѣтъ. Онъ распространяется и на тѣ случаи, когда сенаторъ или членъ Палаты, несущій какія-либо обязанности по администраціи (напр., префекта полиціи), совершитъ преступленіе противъ долга службы. На этой точкѣ зрѣнія твердо стоитъ какъ доктрина, такъ и практика²⁾.

Таковъ объемъ привилегіи. Формальная сущность ея заключается въ томъ, что разрѣшеніе Палаты депутатовъ — или Сената — необходимо для принятія всѣхъ тѣхъ процессуальныхъ дѣйствій, которыя требуютъ личнаго присутствія или участія обвиняемаго³⁾. Ст. 14 категорически гла-

1) См. выше, стр. 70.

2) Pierre, op. cit., № 1064; Duguit, op. cit., p. 814.

3) Прекрасную формулировку даетъ Massougnés des Fontaines, op. cit., p. 60: „Toutefois la garantie politique n'empêche pas tout exercice de l'action publique, mais seulement les actes d'instruction ou de poursuite qui exigent la présence de l'inculpé; en d'autres termes elle suspend seulement la poursuite personnelle. Toutes les opérations d'une instruction criminelle gênante pour la liberté du mandataire de la nation sont donc interdites; celui-ci ne doit être soumis ni à un interrogatoire, ni à une visite domiciliaire; aucun mandat ne peut être décerné contre lui, pas plus le mandat de comparution que le mandat d'arrêt; aucune poursuite devant la juridiction répressive ne peut être commencée à son encontre“. Буквальное повтореніе у Savelli, op. cit., p. 35.

ситъ: „aucun membre . . . ne peut . . . être poursuivi ou arrêté“. Преслѣдованіе, такимъ образомъ, пріостанавливается до окончанія сессіи, поскольку оно, т. сказ., затрагиваетъ личность депутата. Всѣ же прочія процессуальныя дѣйствія, какъ-то составленіе тѣхъ или другихъ протоколовъ, осмотры на мѣстахъ, экспертизы, допросы свидѣтелей и т. д., могутъ имѣть мѣсто, если, по обстоятельствамъ дѣла, они не требуютъ участія обвиняемаго.

Необходимо замѣтить, что всякое лишеніе или стѣсненіе свободы депутата путемъ ли ареста, привода въ судъ, допроса и т. д., совершенное безъ предварительнаго испрошенія согласія палаты, считается юридически ничтожнымъ¹⁾. Поэтому, въ случаѣ постановленія заочнаго рѣшенія, такое не только подлежало бы отмѣнѣ, въ случаѣ протеста со стороны депутата, но и все производство должно было бы быть признано ничтожнымъ.

Спорнымъ, однако, представляются вопросы о допустимости обысковъ у народныхъ представителей и о правѣ судебныхъ властей вызывать ихъ въ качествѣ свидѣтелей.

Практика зарегистрировала три случая обыска у депутата: одинъ въ 1848, другой въ 1849, третій въ 1893 году. Въ первомъ случаѣ, полиція удалилась послѣ того какъ хозяинъ квартиры удостовѣрилъ свое званіе, и министръ внутреннихъ дѣлъ одобрилъ ея поведеніе. Во второмъ, обыскъ былъ произведенъ, несмотря на протесты присутствовавшихъ депутатовъ, въ помѣщеніи, гдѣ происходило собраніе. Вслѣдствіе сдѣланнаго по этому поводу запроса въ Палатѣ, представители правительства категорически заявили, что, по ихъ мнѣнію, привилегія ни въ коемъ случаѣ на жилища народныхъ представителей и на мѣста, гдѣ они собираются, не распространяется. Палата, признавъ правильность этой точки зрѣнія, вотировала простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ. Наконецъ, въ 1893 г. рѣчь шла объ обыскѣ, произведенномъ агентами управленія косвенными налогами въ имѣніи, при-

1) Ст. 1030 code de procédure civile, согласно которой „aucun exploit ou acte de procédure ne pourra être déclaré nul, si la nullité n'en est pas formellement prononcée par la loi“ — въ данномъ случаѣ примѣненія не получаетъ. Это категорически признано было еще въ 1882 г. кассационнымъ судомъ.

надлежавшемъ одному депутату совмѣстно съ его братомъ. По этому поводу министромъ финансовъ были принесены извиненія въ засѣданіи Палаты ¹⁾).

Такова практика. Что же касается доктрины, то нѣкоторые авторы, признавая за привилегіей чисто-личный характеръ, отказываются распространять ее на жилище представителей ²⁾. Другіе, напротивъ того, усматривая въ обыскѣ стѣсненіе свободы депутата, приравниваютъ его къ дѣйствіямъ, могущимъ имѣть мѣсто лишь съ разрѣшенія палаты ³⁾. Эта послѣдняя точка зрѣнія, однако, едва ли гармонируетъ съ общимъ характеромъ иммунитета, покрывающаго депутата какъ такового и лишь постольку, поскольку это необходимо для безпрепятственнаго отправленія имъ своихъ обязанностей ⁴⁾.

Что же касается права судебныхъ властей вызывать депутатовъ въ качествѣ свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ, то ни доктрина, ни практика не стоятъ на сколько нибудь твердой почвѣ.

Впервые принципиальному обсужденію со стороны Палаты вопросъ подвергся въ 1830 г. по дѣлу депутата де Ламетта (de Lamett). Послѣдній вызванъ былъ къ судебному слѣдователю при Сенскомъ судѣ первой инстанціи по поводу сдѣланныхъ имъ въ засѣданіи Палаты заявленій. Ламеттъ передалъ вопросъ въ Палату которая избрала особую комиссію для его разсмотрѣнія. Тѣмъ временемъ поступило отъ прокурора суда письмо, въ которомъ онъ энергично отстаивалъ ту точку зрѣнія, что такъ какъ, согласно уставу уголовного судопроизводства, всякое вызванное въ

1) Pierre, op. cit., № 1065.

2) См., напр., Chartier, op. cit., p. 67; Moreau, op. cit., p. 245; Duguit, op. cit., p. 818. Повидимому также Pierre, loc. cit.

3) На этой точкѣ зрѣнія стоитъ, повидимому, Garraud, op. cit. I p. 313.

4) Одилонъ Барро былъ совершенно правъ, утверждая въ 1849 г., что „vouloir étendre ce privilège au domicile, vouloir faire de ce domicile un lieu d'asile, vouloir protéger, par cette inviolabilité de votre personne, même un objet matériel, même une circonscription de terrain, et en interdire l'accès à la justice, ce serait l'extension la plus abusive et la moins justifiable donnée à ce privilège, et vous savez que les privilèges ne peuvent jamais s'étendre“. Pierre, loc. cit.

качествѣ свидѣтеля лицо обязано явиться въ судъ для дачи показаніи (ст. 80), за исключеніемъ лишь принцовъ и принцессъ крови, высихъ сановниковъ королевства и министра юстиціи, то дѣйствіе этого правила распространяется и на членовъ законодательныхъ палатъ. Въ одномъ только отношеніи ихъ положеніе отличается отъ положенія прочихъ гражданъ: въ случаѣ ихъ неявки, прокураторъ не можетъ, безъ согласія палаты, потребовать примѣненія тѣхъ мѣръ понужденія, которыя закономъ предписываются относительно прочихъ лицъ.

Эти заявленія подверглись обстоятельной критикѣ въ представленномъ комиссіей докладѣ. Комиссія не стала отрицать, что вообще говоря, депутатъ можетъ быть вызванъ въ качествѣ свидѣтеля; но, по ея мнѣнію, необходимо провести строгую грань между тѣми случаями, когда депутатъ вызывается по дѣламъ, не имѣющимъ отношенія къ его служебнымъ обязанностямъ и вызовомъ его для дачи объясненій по поводу сдѣланныхъ имъ съ трибуны заявленій. Въ первомъ случаѣ, полагала комиссія, отказъ депутата дать показаніе былъ бы лишенъ всякаго основанія; во второмъ, наоборотъ, вызовъ народнаго представителя являлся бы форменнымъ нарушеніемъ принадлежащихъ ему прерогативъ. Выслушавъ этотъ докладъ, Палата 19 ноября вынесла резолюцію, согласно коей дѣйствія судебной власти признавались неправильными и отказъ де Ламетта дать показанія — законнымъ¹⁾.

Доктрина, установленная комиссіей 30-го года, была усвоена и позднѣйшей практикой. Въ принципѣ, право судовъ вызывать депутатовъ въ качествѣ свидѣтелей по дѣламъ, не связаннымъ съ ихъ служебными обязанностями, не отрицается. Однако, если депутатъ или сенаторъ, сославшись на свое званіе, откажется явиться въ судъ, то, согласно установившемуся обычаю, такой отказъ признается уважительнымъ. Сколько нибудь твердо установленныхъ принциповъ до сихъ поръ не выработано, да и едвали это можетъ случиться иначе, чѣмъ законодательнымъ путемъ. Парламентъ и суды какъ бы избѣгаютъ поставить вопросъ ребромъ, и потому возникавшіе конфликты улаживались до

1) Pierre, op. cit., № 1087.

сихъ поръ путемъ взаимныхъ уступокъ, примѣнительно каждый разъ къ данному конкретному дѣлу. Такъ, въ 1892 г. цѣлый рядъ депутатовъ былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтелей по дѣлу о диффамаци, возбужденному однимъ изъ ихъ коллегъ. За исключеніемъ одного, всѣ въ судъ явились. Въ 1899 г., по жалобѣ одного сенатора, возбуждено было дѣло противъ редактора и издателя одной газеты. Обвиняемые потребовали, между прочимъ, вызова въ судъ всѣхъ членовъ верхней палаты. 9 мая по этому поводу бюро Сената вынесена была резолюція, согласно которой каждому сенатору предоставлялась полная свобода дѣйствій. Въ судъ явились президентъ Сената и нѣсколько членовъ. Повѣренный обвиняемыхъ поднялъ вопросъ о приводѣ „хотя бы силой“ неявившихся свидѣтелей, но въ этомъ ходатайствѣ судъ ему отказалъ.

Въ 1894 г. Палатѣ пришлось высказаться по вопросу о вызовѣ депутата въ качествѣ свидѣтеля по поводу служебной его дѣятельности. Собраніе признало необходимость испрошенія разрѣшенія и таковое дала. Въ 1896 и 1899 два депутата, по аналогичнымъ дѣламъ, отказались явиться въ судъ; послѣдній противъ этого не возражалъ¹⁾.

Что же касается научной литературы, то и она склонна разрѣшать вопросъ въ положительномъ смыслѣ, хотя въ общемъ удѣляетъ ему мало вниманія. Во всякомъ случаѣ можно въ увѣренность сказать, что, фактически, неявка депутата съ качествѣ свидѣтеля никогда не можетъ, въ виду ст. 14 закона 16 іюля, повлечь за собой принятіе какихъ либо репрессивныхъ мѣръ.

Привилегія неприкосновенности распространяется, какъ мы видѣли, только на уголовныя дѣянія, совершенныя народными представителями. По дѣламъ гражданскимъ ни о какомъ иммунитетѣ рѣчи быть не можетъ. Но затрудненія возникаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда депутатъ вызывается въ уголовный судъ въ качествѣ лица, несущаго гражданско-правовую отвѣтственность за дѣянія, совершенныя другимъ, неотвѣтственнымъ лицомъ, напр., несовер-

1) Всѣ приведенные въ текстѣ прецеденты заимствованы у Pierr e, op. cit., №№ 1087, 1088.

шеннолѣтнимъ сыномъ, слугой и т. п. Въ литературѣ склонны, въ общемъ, разрѣшать вопросъ въ томъ смыслѣ, что такъ какъ рѣчь идетъ объ отвѣтственности гражданской, хотя бы дѣло и производилось въ уголовномъ судѣ, то отпадаютъ тѣ мотивы, которые вообще лежатъ въ основаніи иммунитета. Поэтому большинство авторовъ держится того мнѣнія, что разрѣшенія палаты въ дѣлахъ этого рода не требуется¹⁾. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и судебная практика²⁾.

Переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса о срокѣ дѣйствія привилегіи. Законъ, какъ упомянуто выше, говоритъ, что народные представители пользуются ею „pendant la durée de la session“. Выраженіе это носитъ довольно неопредѣленный характеръ. Благодаря этому, возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, значительная часть которыхъ и понынѣ является спорной. Чтобы разобраться въ нихъ, намъ необходимо вкратцѣ остановиться на нормахъ французскаго законодательства, регулирующихъ вопросъ о сессіяхъ палатъ, ихъ началѣ, перерывѣ и окончаніи. На основаніи ст. 1 и 2 закона 16 іюля 1875 г., обѣ палаты должны засѣдать каждый годъ по меньшей мѣрѣ пять мѣсяцевъ, причемъ какъ Сенатъ, такъ и Палата депутатовъ должны *sua sponte* собираться ежегодно во второй вторникъ января мѣсяца, если только они не будутъ созваны раньше президентомъ республики. На ряду съ этими — обычными — сессіями, законъ знаетъ и экстренныя сессіи: эти послѣднія созываются президентомъ республики либо по собственному усмотрѣнію, либо по требованію абсолютнаго большинства членовъ каждой изъ палатъ.

Закрытіе сессій — какъ обычныхъ, такъ и экстренныхъ — зависитъ исключительно отъ правительства, причемъ относительно первыхъ президентъ республики ограниченъ пятимѣсячнымъ срокомъ. Правительству принадлежитъ также и право отсрочивать (*ajourner*) засѣданія палатъ — на срокъ не далѣе одного мѣсяца и не чаще двухъ разъ въ теченіи одной и той же сессіи. Само собой разу-

1) См., напр., Pierre, *op. cit.*, № 1089; Chartier, *op. cit.*, p. 100.

2) Pierre, *ibid.*

мѣется при этомъ, что правило относится только къ обычнымъ сессіямъ, такъ какъ экстренныя могутъ быть закрыты правительствомъ въ любой моментъ. Время, въ теченіи котораго палата, благодаря отсрочкѣ, не засѣдала, вычитается изъ тѣхъ пяти мѣсяцевъ, которые составляютъ минимальный срокъ сессіи. Сами себя палаты отсрочивать не могутъ, но онѣ не лишены права приглашать правительство, при помощи мотивированнаго перехода къ очереднымъ дѣламъ, декретировать отсрочку или даже закрытіе сессіи¹⁾. Точно также палаты могутъ себя пророгировать²⁾, т. е. прерывать свои засѣданія на время, продолжительность которыхъ опредѣляется ими самими. При этомъ, согласно установившемуся обычаю, вопросъ разсматривается предварительно въ особомъ совѣщаніи, состоящемъ изъ президіума Сената и Палаты депутатовъ.

Юридически, различіе между отсрочкой и пророгаціей заключается въ томъ, что первая прерываетъ сессію, вторая же нѣтъ. Поэтому пророгаціи не принимаются въ расчетъ при исчисленіи легальнаго пятимѣсячнаго срока продолжительности сессіи.

Наконецъ, самый роспускъ Палаты депутатовъ представленъ президенту республики, при условіи предварительнаго испрошенія согласія Сената.

На практикѣ, однако, приведенныя правила о прерывности занятій парламента утратили въ значительной степени свое значеніе. На самомъ дѣлѣ, обычныя сессіи почти всегда длятся болѣе пяти мѣсяцевъ, за ними, по болѣшей части, слѣдуютъ сессіи экстренныя, которыя обыкновенно открываются въ ноябрѣ. Перерывъ занятій палатъ длится, такимъ образомъ, лишь весьма краткій срокъ, и *de facto*, господствуетъ система непрерывности засѣданій³⁾.

Возвращаемся къ вопросу о неприкосновенности. Согласно точному смыслу ст. 14 закона 16 іюля, она начинается со дня открытія сессіи и заканчивается на слѣдующій день послѣ закрытія послѣдней. Пророгаціи при этомъ въ счетъ не идутъ, такъ какъ онѣ сессіи не прерываютъ: де-

1) Примѣръ см. у Duguit, *op. cit.*, p. 829.

2) Пророгація носитъ также названіе „*suspension de travaux*“.

3) Esmein, *Éléments*, p. 620.

путать и во время ихъ покрыть иммунитетомъ. То же самое рѣшеніе дается доктриной, хотя и не совсѣмъ послѣдовательно, для отсрочекъ¹⁾. Что же касается практики, то, ея строго говоря, не существуетъ вовсе, такъ какъ за все время съ 1875 г. президентъ воспользовался только одинъ разъ своимъ правомъ отсрочки.

Можетъ, однако, случиться, что конецъ легислатурнаго періода наступитъ во время сессіи. Закономъ 22 іюля 1893 г. было постановлено, чтобы, въ видѣ исключенія, полномочія палаты, избранной въ августъ-сентябрѣ 1893 г., были продлены до 31 мая 1898 г. Такимъ образомъ, начиная съ 1898 г., возобновленіе палаты происходитъ во время обычной сессіи. Спрашивается, каково юридическое положеніе тѣхъ депутатовъ, которые оказались не переизбранными? Сохраняютъ ли они неприкосновенность до истеченія полномочій той палаты, въ составъ которой они входятъ? На этотъ вопросъ, какъ практика, такъ и теорія отвѣчаютъ утвердительно: до закрытія сессіи всѣ народные представители считаются покрытыми иммунитетомъ, безотносительно къ тому, возобновленъ ли ихъ мандатъ или нѣтъ. Такое рѣшеніе опирается на буквальный смыслъ ст. 14.

Но тогда возникаетъ вопросъ: въ какомъ же положеніи находятся вновь избранные депутаты? Съ какого момента они могутъ пользоваться привилегіей — со дня ли избранія, или со дня открытія сессіи новой палаты? По общему правилу, таковымъ считается моментъ избранія даннаго лица²⁾. Съ этого именно момента представитель, не дожидаясь провѣрки своихъ полномочій, вступаетъ въ отправленіе своихъ обязанностей и можетъ участвовать въ преніяхъ и голосованіяхъ палаты³⁾. Спорнымъ представляется лишь вопросъ о положеніи депутата или сенатора, утвержденіе выборовъ

1) См. Esmein, op. cit., p. 813; Duguit, op. cit., p. 815; Chartier, op. cit., p. 75.

2) Въ 1847 году вопросъ подвергся подробному обсужденію въ особой консультаціи, въ составъ которой вошли такія свѣтила юридическаго міра какъ Одилонъ Барро, Билльо и др. Консультація высказалась въ указанномъ въ текстѣ смыслѣ, см. Chartier, op. cit., p. 76. Точка зрѣнія эта составляетъ въ настоящее время communis opinio; на ней стоитъ и практика.

3) Ст. 6 регламента Палаты депутатовъ; ст. 9 регламента Сената.

котораго было отсрочено палатой. Согласно ст. 6 регламента Палаты депутатов (= ст. 10 регламента Сената), право этихъ лицъ принимать участие въ вотумахъ приостанавливается до окончательнаго разрѣшенія палатой вопроса о правильности выборовъ. Приостанавливается ли и дѣйствіе привилегіи? Въ 1847 г. въ этомъ смыслѣ высказался кассационный судъ по дѣлу депутата Друльера. Послѣдній былъ привлеченъ къ отвѣтственности за подкупъ избирателей тотчасъ по окончаніи выборной процедуры. Въ виду возбужденнаго протеста, вопросъ объ утверженіи избранія Друльера былъ отложенъ разсмотрѣніемъ впредь до выясненія обстоятельствъ дѣла. Тѣмъ временемъ, судъ вынесъ обвинительный приговоръ, на который Д. принесъ кассационную жалобу, ссылаясь на нарушение парламентскаго иммунитета. Жалоба, однако, была отклонена на томъ основаніи, что конституціонная гарантія, предусмотрѣнная ст. 44 хартіи, можетъ относиться только къ депутатамъ, избраніе коихъ признано палатой правильнымъ, подъ каковое условіе не подходятъ лица, утвержденіе коихъ отсрочено. На аналогичную точку зрѣнія стали Тюльскій судъ и Лиможская палата въ 1890 г.

Однако, уже въ 1847 г., во время преній по дѣлу Друльера, былъ высказанъ и иной взглядъ, а именно Одилономъ Барро. И въ настоящее время нѣкоторые писатели, исходя изъ общаго характера ст. 14 закона 1875 г., признають, что иммунитетъ распространяется и на „отсроченныхъ“ депутатовъ, ибо отсрочка не лишаетъ ихъ званія народныхъ представителей и связанныхъ съ нимъ правъ и преимуществъ¹⁾.

Что же касается депутатовъ, избранныхъ во время сессіи при интегральномъ возобновленіи палаты, то гарантія распространяется на нихъ лишь со дня открытія засѣданія палаты въ новомъ составѣ. Въ этомъ смыслѣ высказался въ 1903 г. кассационный судъ. Нѣкій X... былъ избранъ 27 апрѣля 1902 г., причемъ слѣдующій легислатурный періодъ имѣлъ начаться 1 іюня. 1 мая онъ былъ вызванъ въ судъ по об-

1) См., напр., Chartier, op. cit., p. 77 et suiv. Ту же мысль проводилъ уже Faustin Hélie, Traité de l'instruction criminelle, Brux. 1863, t. I, № 1152.

виненію въ оскорбленіи и диффамациі. Дѣло дошло до кассационной инстанціи, которая признала, что для привлеченія X . . . къ отвѣтственности разрѣшенія Палаты депутатовъ не требовалось, такъ какъ, хотя въ день вызова X . . . (1 мая) имѣло мѣсто сессія Палаты, но не того состава, къ которому онъ принадлежалъ, а того, который избранъ былъ въ началѣ данной легислатуры, начавшейся 1 іюня 1898 г. Такимъ образомъ, X . . . долженъ былъ разсматриваться какъ членъ новой Палаты, имѣвшій открытъ свои засѣданія 1 іюня 1902 г., съ каковаго только срока ему и предоставлена была возможность упражнять депутатскія функціи и пользоваться присвоенными народнымъ представителямъ правами и привилегіями.

Рѣшеніе кассационнаго суда нашло сочувственный откликъ въ литературѣ, признавшей его стоящимъ на принципиально правильной почвѣ¹⁾. Вновь избранные депутаты, такимъ образомъ, до начала новой легислатуры иммунитетомъ не пользуются; но послѣдній зато продолжаетъ покрывать всѣхъ членовъ наличнаго состава Палаты до дня окончанія сессіи. Въ этомъ заключается одна изъ причинъ, почему вновь избранные депутаты, имѣющіе вступить въ отправленіе своихъ обязанностей при открытіи новой легислатуры, гарантіей не пользуются: въ противномъ случаѣ могли бы оказаться на лицо какъ бы двѣ неприкосновенныя палаты (если бы ни одинъ изъ депутатовъ не былъ переизбранъ), что безусловно противорѣчило бы духу дѣйствующаго права. —

Изъ общаго правила о томъ, что ни арестъ, ни судебное преслѣдованіе народнаго представителя не могутъ имѣть мѣсто безъ разрѣшенія палаты, издавна французское право знаетъ одно исключеніе. Это — случай *flagrant délit*²⁾, о

1) См. Pierre, op. cit., Supplément, № 1068; Delpech, Sessions et immunités parlementaires, въ Revue de droit public, t. XIX, p. 272 et suiv.

2) Что въ данномъ случаѣ подразумѣвается подъ *flagrant délit*, не совсѣмъ ясно. Согласно ст. 41 code d'instruction criminelle „le délit qui se commet actuellement, ou qui vient de se commettre, est un flagrant délit. Sont aussi réputés flagrant délit, le cas où le prévenu est poursuivi par la clameur publique et celui où le prévenu est trouvé saisi d'effets, armes, instruments ou papiers faisant présumer qu'il est auteur ou complice,

которомъ, какъ мы выше видѣли уже упоминаеть декретъ 26 іюня 1790 г. ¹⁾. Согласно конституціямъ 1791 г. (ст. 8 секц. V гл. I), 1793 г. (ст. 44), III г. (ст. 112) и 1848 г. (ст. 37), а также Дополнительному Акту 1815 г. (ст. 14), въ случаѣ поимки на мѣстѣ преступленія депутатъ могъ подлежать аресту, но объ этомъ доводилось немедленно до свѣдѣнія палаты, отъ которой зависѣло дать или не дать разрѣшенія на дальнѣйшее преслѣдованіе. При выработке ст. 37 конституціи 1848 г., эта точка зрѣнія была усвоена Національнымъ Собраніемъ совершенно сознательно и по принципиальнымъ соображеніямъ ²⁾.

Съ иной постановкой вопроса мы встрѣчаемся въ обѣихъ хартіяхъ (1814 г. ст. 52 и 1830 г. ст. 44) и въ декретъ 2 февраля 1852 (ст. 11). Здѣсь *flagrant délit* влечетъ возможность за собой не только ареста преступника, но и производства всѣхъ дальнѣйшихъ судебныхъ дѣйствій, безъ всякаго испрошенія разрѣшенія у палаты. Если обратиться къ дѣйствующему праву, то буквальный смыслъ ст. 14 закона 16 іюля едва ли оставляетъ какія либо сомнѣнія въ томъ, что закономъ этимъ усвоена именно вторая система: грамматически, выраженіе „*sauf le cas de flagrant délit*“ несомнѣнно относится какъ къ судебному преслѣдованію, такъ и къ аресту ³⁾.

Тѣмъ не менѣе, традиція оказалась сильнѣе писанаго права. Парламентская практика знаетъ цѣлый рядъ прецедентовъ, въ коихъ ст. 14 дано было распространительное толкованіе. Такъ, напр., въ 1889 г. два депутата были арестованы *in flagrante* въ Ангулѣмѣ и преданы суду. Отвѣчая на сдѣланный по этому поводу запросъ, министръ внутреннихъ дѣлъ объяснилъ, что, по его мнѣнію, поимка на мѣстѣ преступленія совершенно пріостанавливаетъ иммунитетъ. Это заявленіе вызвало въ Палатѣ депутатовъ бурю негодованія, и засѣданіе пришлось даже закрыть. Въ 1892 г.

pourvu que ce soit dans un temps voisin du délit“. По мнѣнію большинства писателей, въ данномъ случаѣ можетъ итти рѣчь лишь о совершающемся или только что совершившемся преступленіи, т. е. о первомъ абзацѣ статьи. См. Esmein, *op. cit.*, p. 815; Garraud, *op. cit.* t. I, p. 370.

1) См. выше, стр. 21.

2) См. выше, стр. 66, 67.

3) „Aucun membre ne peut être poursuivi ou arrêté sauf le cas de flagrant délit“.

предсѣдатель Палаты Флокэ категорически заявилъ, что „поймка на мѣстѣ преступленія дозволяетъ арестованіе виновнаго; но разъ арестъ произведенъ, для начатія преслѣдованія необходимо разрѣшеніе“. Семь лѣтъ спустя, въ 1899 г., депутаты Дэрулэдъ и Габерь подверглись задержанію *in flagrante*. Прокурорскій надзоръ счелъ нужнымъ обратиться въ Палату за разрѣшеніемъ начать судебное преслѣдованіе. Въ 1903 г. вопросъ подвергся тщательному разсмотрѣнію по случаю арестованія депутата де-Діона. Послѣдній былъ немедленно преданъ суду исправительной полиціи и приговоренъ къ 3 днямъ тюремнаго заключенія. Вскорѣ послѣ этого въ Палату депутатовъ былъ внесенъ запросъ. Отвѣчая на него, министръ юстиціи въ засѣданіи 19 іюня объяснилъ, что прокуроръ республики, въ виду парламентскихъ и судебныхъ прецедентовъ, не могъ придерживаться иного образа дѣйствія, но что онъ, министръ, готовъ присоединиться къ тому толкованію конституціоннаго закона, котораго придерживались до сихъ поръ предсѣдатели Палаты ¹⁾. Собраніе въ отвѣтъ на это единогласно вотировало переходъ къ очереднымъ дѣламъ, одобряющій заявленіе министра. Въ 1905 г., Палата вновь подтвердила этотъ *ordre du jour* ²⁾.

Такимъ образомъ, французскій парламентъ твердо стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что ст. 14 узаконяетъ традиціонную систему и требуетъ предварительнаго разрѣшенія палаты для всякаго судебного преслѣдованія депутата, хотя бы и имѣлось на лицо *flagrant délit*. Въ литературѣ, однако, этотъ взглядъ раздѣляется лишь весьма немногими писателями ³⁾. Громадное большинство авторовъ отстаиваетъ ограничительное тол-

1) Заявленіе министра весьма характерно: „Je prends l'engagement d'aviser M. M. les procureurs généraux qu'ils ne devront pas aller plus loin que l'arrestation et que j'aurai à m'entendre ensuite avec M. le président de la Chambre. Je reconnais que la procédure de flagrant délit subira une certaine atteinte, mais elle est indispensable aux prérogatives des membres du Parlement.“

2) Обо всѣхъ этихъ прецедентахъ см. Pierre, *op. cit.*, № 1071, и Supplément, подъ тѣмъ же №.

3) Въ качествѣ сторонниковъ можно назвать Pierre, *loc. cit.*; Chartier, *op. cit.*, p. 86. Оба эти автора, впрочемъ, говорятъ объ „obligation morale“ судебной власти доводить до свѣдѣнія палаты о каждомъ случаѣ поймки на мѣстѣ преступленія.

кованіе ст. 14, указывая на ея буквальный грамматическій смыслъ, съ одной стороны, и на ея историческое происхождение — съ другой. На самомъ дѣлѣ, въ томъ проектѣ конституціи, который былъ представленъ Дюфуромъ въ 1873 г. Національному Собранію, соотвѣтственное постановленіе было редактировано въ томъ смыслѣ, что при поимкѣ на мѣстѣ преступленія безъ разрѣшенія палаты допустимъ лишь арестъ, но не преслѣдованіе депутата¹⁾. Отсюда не безъ основанія заключаютъ, что разъ законодатель въ 1875 году усвоилъ противоположную точку зрѣнія, то онъ сдѣлалъ это сознательно и намѣренно. Да и едвали въ пользу распространительнаго толкованія можно привести сколько-нибудь серьезные доводы²⁾. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Эсменъ, единственное, юридически, возможное толкованіе то, которое не требуетъ разрѣшенія палаты ни для ареста, ни для преслѣдованія депутата³⁾. На той же точкѣ зрѣнія стоятъ Массунъ-де-Фонтэнъ⁴⁾, Гарро⁵⁾, Савелли⁶⁾ и др. писатели⁷⁾.

Въ 1896 г. Палата депутатовъ пошла еще дальше и признала, что въ случаѣ задержанія депутата *in flagrante*, парламентъ можетъ требовать отъ судебной власти его освобожденія, примѣнительно къ абзацу 2 ст. 14 закона 1875 г.⁸⁾.

Между тѣмъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что постановленіе, о которомъ идетъ рѣчь, касается исключительно судебныхъ преслѣдованій, начатыхъ въ перерывѣ между сессіями. Съ этимъ согласны рѣшительно всѣ французскіе юристы. Усвоенная же Палатой точка зрѣнія нахо-

1) Art. 13: „Les sénateurs et représentants ne peuvent être arrêtés en matière criminelle, sauf le cas de flagrant délit, ni poursuivis qu'après que la Chambre dont ils font partie a autorisé la poursuite“.

2) Duguit, *op. cit.*, p. 817 прямо указываетъ на то, что это толкованіе „ни на чемъ не основано“.

3) *Op. cit.*, 815.

4) *Op. cit.*, p. 115.

5) *Op. cit.*, t. I, p. 371.

6) *Op. cit.*, p. 55.

7) Въ Бельгii вопросъ точно также споренъ. Въ 1886 г. онъ подвергся обсужденію въ палатѣ депутатовъ, см. Pierre, *loc. cit.* Ср. Ergea, *Traité de droit public belge*, Par. 1909, p. 175.

8) Pierre, *loc. cit.*

дить себѣ объясненіе только въ традиціонномъ ея стремленіи во что бы то ни стало отстаивать свои привилегіи и расширять ихъ до крайнихъ предѣловъ. Быть можетъ, какъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ Дюги, это находится въ связи съ общимъ духомъ современныхъ демократій.

На этомъ мы считаемъ возможнымъ закончить нашъ анализъ парламентскаго иммунитета по дѣйствующему праву. Мы намѣренно оставили всторонѣ все то, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ юридической структурѣ привилегій, какъ то порядокъ испрошенія разрѣшенія у палатъ и т. п. На этихъ вопросахъ мы, въ иной связи, имѣемъ въ виду подробно остановиться въ ближайшемъ будущемъ.

- 1) Art. 18: Les membres et représentants ne peuvent être arrêtés ou traduits en justice sans le consentement de l'Assemblée nationale.
- 2) Art. 17: Les membres et représentants ne peuvent être arrêtés ou traduits en justice sans le consentement de l'Assemblée nationale.
- 3) Op. cit. p. 115.
- 4) Op. cit. p. 115.
- 5) Op. cit. t. I. p. 371.
- 6) Op. cit. p. 53.
- 7) De l'immunité parlementaire, p. 128.
- 8) P. 115, loc. cit.

Оглавление.

	Страница.
Глава первая. Конституція 3 сентября 1791 г.	3—26
I. Политическая доктрина Революции и привилегии народных представителей	3
II. Наказы 1789 г.	11
III. Декларация 2 июня 1789 г. Неприкосновенность депутатов и конституция 3 сентября 1791 г.	15
IV. Свобода слова	25
Глава вторая. Конвентъ и конституція 1793 г.	27—40
I. Жирондистскій проектъ конституціи. Декретъ 1 апрѣля 1793 г. Выработка конституціи 1793 г.	27
II. Декларация правъ 1793 г.	34
III. Законъ 22 преріаля и декретъ 8 брюмера II-го года	33
Глава третья. Конституція III-го года.	41—51
I. Конституція III-го года. Перемѣна въ общественномъ настроеніи	41
II. Конституція III-го года. Постановленія ея объ иммунитетѣ народныхъ представителей. Правленіе Директоріи	45
Глава четвертая. Консульство и Имперія.	52—56
I. Конституція VIII года.	55
II. Дополнительный Актъ 1815 г.	55
Глава пятая. Эпоха Реставраціи и конституція 1848 г.	57—67
I. Сенаторіальная конституція и хартія 1814 г.	57
II. Законъ 1819 г. о печати	60
III. Политическая доктрина эпохи.	64
IV. Конституція 1848 г.	66

Глава шестая. Вторая Имперія и третья Рес- публика	68—72
I. Конституція 1852 г.	68
II. Законъ 16 іюля 1875 г.	69
Глава седьмая. Современное обоснованіе им- мунитета	73—95
I. Различныя направленія во французской лите- ратурѣ	73
II. Ученіе о народномъ суверенитетѣ и еѣ совре- менное положеніе	77
III. Теорія раздѣленія властей и ея современное положеніе	82
IV. Современное обоснованіе привилегій	93
Глава восьмая. Юридическая природа имму- нитета	96—120
I. Общія замѣчанія	96
II. Юридическая конструкція безответственности	97
III. Юридическая конструкція неприкосновенности	104

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка	Напечатано:	Должно быть:
4	6 снизу	Ср. ниже гл. VI	Ср. ниже гл. VII
6	15 сверху	оружіе	орудіе
6	5 снизу	въ гл. VI	въ гл. VII и VIII
14	10 „	мѣшало	мѣшала
14	8 „	обезпокоиваемы	обезпокаиваемы
20	14 сверху	иредставляло	представляло
21	3 „	посителей	носителей
31	2 „	представителямн	представителями
41	9 снизу	педѣли	недѣли
49	15 сверху	заключаетъ	заключаеть
55	16 „	быть арестованъ	быть ни арестованъ
80	5 „	наключительныхъ	исключительныхъ
84	11 „	однаго	одного
84	14 снизу	если бы	если
87	5 сверху	реципированія	рецепціи
89	18 „	монограцію	монографію
89	22 „	послѣ слова Артюрь	вставить: под- разумѣваетъ
94	7 „	приводится	приводятся
99	20 „	всполненія	исполненія
100	4 „	слѣдуетъ выпустить слово:	ихъ
100	11 „	умѣли	успѣли
107	15 „	въ сторонѣ	всторонѣ

